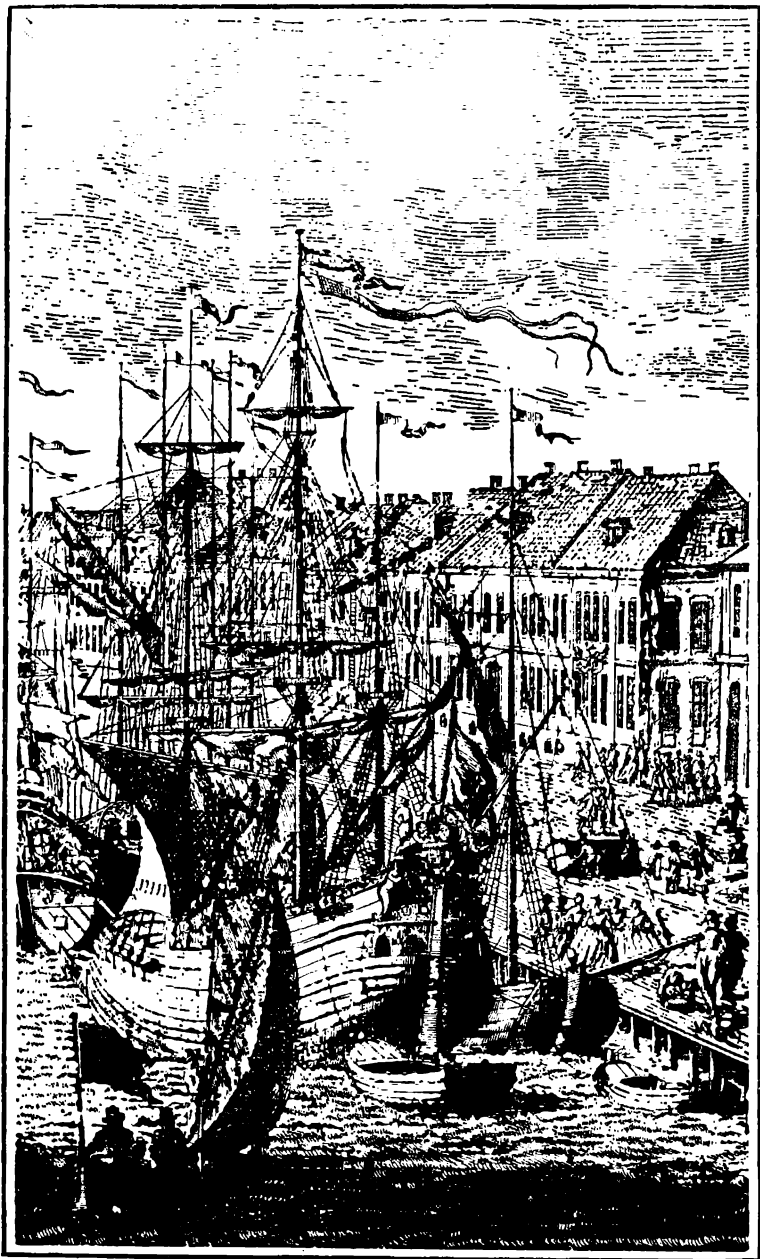

ПЕТЕРБУРГ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ПЕТЕРБУРГ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

XVIII — начало XX века

ПОЭТИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ

*Составитель,
автор вступительной статьи
и комментариев М. В. Отрадин*

Ленинград
Издательство Ленинградского университета
1988

ББК 84Р1-5
П29

Составление, вступительная статья и комментарии:
М. В. Отрадин

Рецензенты: д-р филол. наук *А. Б. Муратов* (Ленингр. ун-т), канд. филол. наук *А. В. Лавров* (Ин-т рус. лит. АН СССР)

Художник *В. В. Пожидаев*

П29 Петербург в русской поэзии (XVIII - начало XX века): Поэтическая антология / Сост., авт. вступит. статьи и комментариев М. В. Отрадин - Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1988—384 с.
ISBN 5-288-00130-8

В антологию вошли стихотворения и отрывки из поэм А. Сумарокова, А. Пушкина, Н. Некрасова, Я. Полонского, В. Брюсова, Ал. Блока, А. Ахматовой, О. Мандельштама и др. Тема Петербурга возникла в русской поэзии почти сразу после основания города. Его судьба осмыслялась крупнейшими художниками в связи с судьбой страны, с главнейшими социальными вопросами русской жизни. Знакомство с этим поэтическим сборником позволит современному читателю проследить, как развивалась петербургская тема, как менялся образ города в зависимости от «бега времени».

Для широкого круга читателей.

П $\frac{4702010000-136}{076(02)-88}$ 141—88

ББК 84Р1—5

ISBN 5-288-00130-8

© Составление, вступит. статья, комментарии и оформление.
Издательство Ленинградского университета, 1988.

Петербург в русской поэзии XVIII — начала XX века

Какой-то город, явный с первых строк,
Растет и отдается в каждом слове.

Борис Пастернак. «Анне Ахматовой».

Достаточно взглянуть на оглавление этой книги, чтобы убедиться: к теме Петербурга обращались десятки русских поэтов. Среди них были и гении, и поэты второго или даже третьего ряда. Еще Н. П. Анциферов, знаток темы, в своей книге «Душа Петербурга» отметил, что литературные произведения, посвященные этому городу, обладают немалой степенью внутреннего единства. Они образуют как бы цепочку текстов, точнее — целую разветвленную сеть, в которой каждое звено подключено под общее смысловое напряжение. И на этом основании можно говорить, разумеется с определенной долей условности, об этих произведениях как о едином петербургском тексте. Эта мысль Н. П. Анциферова получила развитие в современных работах.¹

В русской литературе, да и в сознании общества в целом, Петербург с момента своего возникновения стал восприниматься не только как конкретный город, но только как новая столица, но и как символ новой России, символ ее будущего.

Неизбежные сопоставления: Петербург и Москва, Петербург и остальная Россия, Петербург и Западная Европа, — к которым постоянно обращалось и бытовое, и художественное сознание, давали ценнейший опыт — умение посмотреть на Петербург, на русскую жизнь в целом с различных точек зрения. Зарождение и развитие петербургской темы имело важнейшее значение для русской литературы, и шире — для духовной жизни нации.

Петербург вошел в русскую литературу и «прожил» в ней весь XVIII в. на максимально мажорной ноте. Смысл творческой задачи авторами XVIII в. виделся в том, чтобы найти оригинальные приемы, образы, сравнения для передачи понятного и близкого всем: удивления и восторга.

Приятный брег! Любезная страна!
Где свой Нева поток стремится к пучине.
О! прежде дебрь, се коль населена!
Мы град в тебе престольный видим ныне, —

¹ Анциферов Н. П. Душа Петербурга. СПб., 1922; Долгополов Л. На рубеже всков. Л., 1985. С. 150—195; Семикотика города и городской культуры. Петербург / Ред. А. Э. Мальц. Тарту, 1984.

такой строфой начал Василий Тредиаковский свою «Похвалу Ижорской земле и царствующему граду Санкт-Петербургу».

Сегодняшнему читателю, несомненно, бросится в глаза в стихах поэтов XVIII в., посвященных Петербургу, обилие исторических и мифологических параллелей, аллюзий, частые упоминания античных богов и героев. В этом сказалось стремление поэтов вписать своего «героя» в мировой культурно-исторический контекст, подчеркнуть неслучайный и в то же время чудесный характер его появления. Неслучайный, потому что в возникновении этого города проявилась высшая мудрость, как скажет об этом потом Пушкин, — «судьбою суждено». Чудесный — потому что город возник на болоте, в гибельном месте и возник «вдруг».

Так, в оде Ломоносова Нева дивится этому неожиданно возникшему на ее берегах городу:

В степях внезапно укрепленна
И здапнями окружена,
Сомненная Нева рекла
«Или я ныне позабылась
И с оного пути склонилась,
Которым прежде я текла?»

Мотив чуда и чудо-строителя оказался в поэзии очень стойким. Он дожил до пушкинских времен, иронически прозвучал в обращении Евгения к Медному всаднику («Строитель чудотворный <...> Ужо тебе!..»), но не угас. В стихотворении В. Романовского «Петербург с Адмиралтейской бацни», опубликованном в «Современнике» (1837, № 1), в номере, который вышел уже без Пушкина, об этом говорится с какой-то для тех лет уже архаичной прямолинейностью:

О дивный град! о чудо света!
Тебя волшебник созидал...
И силой творческой, в мгновенье,
Болотный кряж окаменел,
Воздвигся град, — и, в удивленьи,
Свет чудо новое узрел.

В поэзии XVIII в. было не принято вспоминать о тысячах человеческих жизней, которыми пришлось оплатить неское «чудо»: предполагалось, что у «чуда» цены не бывает. Но в народной памяти жила страшная правда о жертвах Петербурга. На этой основе зародился в народном устном преданье мотив «вины» Петербурга и его основателя, мотив будущей гибели проклятого города, города Антихриста, столицы, построенной на костях.

Народная молва подхватила и разнесла слова о гибели Петербурга, которые, как показал на следствии паревич Алексей, произнесла после бывшего ей видения его мать, Авдотья Лопухина, в то время уже заточенная Петром в монастырь. Впоследствии ее пророчество получило каноническую формулу: «Петербургу быть пусту».

Мысль о вине Петербурга, его обреченности, призрачности, о проклятии, тяготеющем над городом, многое определила в зарождении и формировании особого петербургского мифа, которому суждена была долгая жизнь в русской литературе, искусстве в целом. «В истории Петербурга, — писал Н. П. Андиферов, — одно явление природы приобрело особое значение, придавшее петербургскому мифу совершенно исключительный интерес. Периодически повторяющиеся наводнения, напор

гневного моря на дерзновенно возникший город, возвещасмый населению в глубокие осенние ночи пушечной пальбой, вызывал образы древних мифов. Хаос стремился поглотить сотворенный мир».²

Трагическое пророчество, эсхатологический вариант петербургского мифа, не нашло отражения в светской литературе XVIII в. Еще при жизни Петра о нем стали писать как о божественной личности. «Сакрализация личности Петра привела к тому, что город святого Петра стал восприниматься как город императора Петра».³ Святость основателя как бы распространялась и на его город.⁴

В поэтических произведениях различных авторов XVIII в. настойчиво утверждается исключительность, необычность петербургской жизни. Предлагается своеобразная концепция относительности: здесь, в новой столице России, иное время, жизнь идет с другой скоростью. В отличие от других столиц мира здесь десять лет — значительный срок, полвека — очень большой, а век — просто громадный. Феофан Прокопович в «Слове похвальном в день рождения благороднейшего государя царевича и великого князя Петра Петровича», произнесенном в 1716 г., об этом сказал так: «Кто бы от страннх zde пришед и о самой истине не уведав, кто бы, глаголю, узрев таковое града величество и великолепие, не помыслил, яко сие от двух или трех сот лет уже зиждется».⁵

В середине века Третьяковский охотно будет развивать этот же мотив:

Не больше лет, как токмо с пятьдесят,
Отнеле ж все хвалу от удивленной
Ему души со славою гласят,
И честь притом достойну во вселенной.

И в XIX в. будут писать о стремительности петербургской жизни. У Вяземского в «Петербурге» (1818):

Державный дух Петра и ум Екатерины
Труд медленных веков свершили в век единый.

Автор знаменитого «Конька-горбунка» в своем «Прощании с Петербургом» (1835) скажет о нем, что он «летами юный, ветхий славой», ибо здесь жизнь «годами веки протекла».

Особенно маяющим и интригующим представлялось людям XVIII в. будущее этого города. Заглядывание в завтра, конструирование этого «завтра» — было чертой культуры XVIII в. Ведь, например, и известные гравюры А. Зубова, создававшиеся в 1716—1717 гг., нельзя воспринимать как документально точное свидетельство о Петербурге тех лет.

² Анциферов Н. П. Быль и миф Петербурга. Пг., 1924. С. 57.

³ Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Отзвуки концепции «Москва — третий Рим в идеологии Петра Первого»: К проблеме средневековой традиции в культуре барокко // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 244.

⁴ Так, в письме к Петру от 10 декабря 1709 г. Меншиков называет Петербург «святой землей» (Успенский Б. А. *Historia sub specie semioticae* // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 289).

⁵ Прокопович Феофан. Сочинения. М.; Л., 1961. С. 45.

Он изобразил на своих листах многое из того, что еще только начинало строиться или существовало в проектах архитекторов. Это тоже был Петербург будущего.

Тредиаковский писал о временах, когда Петербургу исполнится сто лет:

Что ж бы тогда, как прѳйдет уж сто лет?
О! вы, по нас идущие потомки,
Вам слышать то, сему колы граду свет,
В восторг пришед, хвалы петь будет громки.

И вот прошло сто лет со дня основания Петербурга. В какой мере предсказания Тредиаковского относительно будущих восторгов «света» по поводу Петербурга сбылись? Да, многие гости северной столицы восторгались чудесными ансамблями на берегах Невы. Госпожа де Сталь, например, писала: «Нельзя не задуматься над чудом создания столь прекрасного города в такое малое время».⁶ Но в отзывах знаменитых иностранцев были и сомнения. По поводу окраинного положения новой столицы Дидро высказался так: «Чрезвычайно неделесообразно помещать сердце на кончике пальца».⁷

Неожиданным было то, что построенный с учетом новейших завоеваний европейского архитектурного искусства город не воспринимался заезжими европейцами как «свой». «Уже природа петербургской архитектуры — уникальная выдержанность огромных ансамблей, не распадающаяся, как в городах с длительной историей, на участки разновременной застройки, создает ощущение декорации».⁸ Одним из первых об «эффekte театральных декораций», который производят ансамбли Петербурга, написал побывавший в России в 1762 г. Бернарден де Сеп-Пьер, автор известного романа «Поль и Вирджиния».⁹

Писали иностранцы и о подражательности Петербурга. Наиболее зло и категорично, пожалуй, маркиз де Кюстин,¹⁰ а наиболее запальчиво, очевидно, Александр Дюма, который и в Неве увидел «всего только подражание Темзе».¹¹

В Петербурге работали архитекторы из многих стран Европы, но второй Венеции или второго Амстердама (к началу XIX в. это стало очевидно) из него не получилось. Город обладал единством, но это единство какого-то необычного для Европы рода. Об этом удивительном качестве Петербурга писал Александр Бенуа: «...Петербург рос и развивался удивительно самобытно и с удивительной силой. Взгляните

⁶ Цит. по.: Рудницкая И. Открытие Северной Венеции: Французские писатели XVIII—XIX веков в Петербурге // Белые ночи. Л., 1973. С. 11.

⁷ Там же. С. 52.

⁸ Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Семиотика города и городской культуры. Петербург. С. 39.

⁹ Рудницкая И. Указ. соч. С. 43.

¹⁰ Кюстин А. де. Николаевская Россия: Воспоминания французского путешественника маркиза де Кюстина. М., 1930.

¹¹ Дюма А. Впечатления от поездки в Россию // Григорович Д. В. Литературные воспоминания. Л., 1928. С. 468; см. также: Дурьлин С. Н. Александр Дюма-отец и Россия // Литературное наследство. Т. 31—32. М., 1937.

на старинные виды Петербурга. Ведь это не общеевропейский город и вовсе, с другой стороны, не русский, а какой-то совершенно особенный, безусловно прекрасный и грандиозный». ¹²

В планировке и застройке Петербурга современные историки архитектуры находят не только иноземные влияния, но и принципиально важные черты преемственности по отношению к русскому градостроительному искусству: «специфическое отношение к пространству и просторности, имеющее, по-видимому, древние этнопсихологические и исторические корни», «специфические приемы сочетания, сопряжения открытых пространств, проходящие сквозной нитью через систему площадей Кремля, площади Петербурга, Костромы, Ярославля», «прием островной постановки главных объемов „центральных ансамблей“» и «композиционного объединения городских структур через водное пространство (Пскова и Великая во Пскове, Волхов в Новгороде, Москва-река и Неглинная в Москве, Нева в Петербурге)». ¹³

К 1810-м годам громкая риторика и одические восторги по поводу Северной Пальмиры постепенно уходят из русской поэзии. В стихах этих лет можно уже найти не восторги «вообще», а выражение личной привязанности, симпатии к Петербургу. Город оказывается родным и близким прежде всего потому, что его можно воспринимать как произведение искусства (таким он предстает в очерке К. Батюшкова «Прогулка в Академию художеств»), и потому, что он стал городом искусства, где произошел «юных русских муз блистательный рассвет» (П. Вяземский). Именно этим дорог Петербург и Гавриле Державину, написавшему, что здесь он «слышит муз афинских звон», и Евгению Баратынскому, который назвал «пышный Петроград» «русскими Афинами» («Н. И. Гнедичу», 1823).

Параллель с Афинами (в этом случае она имела и дополнительный смысл: отчий дом, родина) возникает и в стихотворении К. Батюшкова «Странствователь и домосед» (1814—1815). Рассказывая о возвращении Филалета в родные Афины («землю целовал с горячими слезами. || В восторге, вне себя»), поэт вспоминает о своем приезде после длительной отлучки в Петербург:

Я сам, друзья мои, дань сердца заплатил,
Когда волненьями судьбины
В отчизну брошенный из дальних стран чужбины
Увидел наконец Адмиралтейский шпич,
Фонтанку, этот дом... и столько милых лиц,
Для сердца моего единственных на свете!

В стихотворении П. Вяземского «Петербург» (1818), наиболее значительном среди сходных по теме произведений этого десятилетия, героическая жизнь России (победа над Наполеоном) и высококодуровная атмосфера Петербурга осмыслены как то будущее, которое готовил в свое время основатель города: «Здесь мыслил Петр об нас». В русской поэзии запечатлен образ Петербурга 1810-х — начала 1820-х годов: Петербурга декабристов, города больших надежд, благородных стремлений, города Пушкина. О Петербурге тех лет с необоримым носталь-

¹² Мир искусства. 1902. № 1. Хроника. С. 3.

¹³ Иконников А. В. Петербург и Москва (К вопросу о русской градостроительной традиции) // Эстетическая выразительность города. М., 1986. С. 103—129.

гическим чувством писал уже в старости Федор Глинка. Его герои — молодые офицеры, только что вернувшиеся из французского похода.

Минута чудная молькнула
Тогда для города Петра <...>
Их не манил летучий бал
Бессмысленным кружебным шумом:
У них чело яснилось думой,
Из-за которой ум сиял...
Влюбившись от души в науки
И бросив шпагу спать в ножнах,
Они в их дружных семьях
Перо и книгу брали в руки <...>
Тогда гремел звучней, чем пушки,
Своим стихом лицейский Пушкин...

(Стихи о бывшем Семеновском полку, 1856).

Развернутые картины петербургской жизни конца 1810-х годов в ее пестроте и изменчивости даны в первой главе «Евгения Онегина». Поэт воссоздает атмосферу высоких помыслов, истинной духовности, падежд, присущую Петербургу тех лет. «Стихи, — замечает Г. П. Макогоненко, имея в виду первую главу романа, — насыщены лексикой эпохи, именами, словами, вызывающими рой совершенно конкретных, привязанных ко времени ассоциаций: „вольность“, „гражданин“, Адам Смит, Руссо („Защитник вольности и прав“), Байрон (автор „Чайльда Гарольда“), Каворин и Чаадаев (оба члены Союза Благоденствия), „томление жизнью“, „охлажденный ум“, „бури“, „море“ и „свобода“».¹⁴

В этой атмосфере создавались произведения поэтов-декабристов, в которых Петербург предстал в новом, неожиданном ракурсе. В «Подражании первой сатире Буало» А. Бестужева-Марлинского Петербург показан как средоточие всевозможных нравственных пороков, привычное наименование «Северная Пальмира» смешилось на «роскошный Вавилон». У К. Рыльева «шумный град Петра» — место гибельное, главное в нем то, что Пушкин вскоре назовет «духом неволи»:

Едва заставу Петрограда
Певец унылый миновал,
Как раздалась в душе отрада,
И я дышать свободней стал,
Как будто вырвался из ада...

(«Давно мне сердце говорило...», 1821).

Отличительная черта пушкинского образа Петербурга — переданная в нем противоречивость столичной жизни, двойственность вызываемых городом чувств:

Город пышный, город бедный,
Дух неволи, стройный вид,
Свод небес зелено-бледный,
Скука, холод и гранит...

¹⁴ Макогоненко Г. П. Тема Петербурга у Пушкина и Гоголя // Избранные работы. Л., 1987. С. 542.

Поэтический смысл стихотворения нельзя понять без учета его заключительных строк. И такой Петербург поэту «жаль немножко»: личное, интимное чувство к «ней» распространяется в какой-то мере и на этот холодный Петербург.

В 1833 г. в Болдине Пушкин написал поэму «Медный всадник», одно из самых загадочных произведений русской литературы. Пушкинисты показали, что у поэмы колоссальное количество источников: это тексты и устные предания, которые учел Пушкин в работе над «Медным всадником», это и документальные работы, мемуарная литература, городской фольклор и художественные произведения различных авторов (Г. Р. Державина, К. Н. Батюшкова, П. А. Вяземского, Адама Мицкевича, В. Ф. Одоевского, Д. И. Хвостова, С. П. Шевырева и многих других).¹⁵ Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что полное осмысление поэмы предполагает знакомство со всем, что было написано о Петербурге к 1833 г.

Новаторский характер поэмы проявился в выборе героя, в построении конфликта и в решении темы Петербурга. Анализируя жанровую природу «Медного всадника», Ю. Н. Тынянов показал, какой смысл имел у Пушкина отход от традиционного деления героев на главных и второстепенных. Поэма названа «Медный всадник», поэтому можно предположить, что главный герой — царь, основатель Петербурга. Но в поэме «главный герой (Петр) вынесен за скобки: он дан во вступлении, а затем сквозь призму второстепенного. (...) Второстепенный герой оказался ведущим действии, главным».¹⁶ Такое смещение имело глубокий смысл: исторически значимыми оказывались судьба и поступки обыкновенного, ничем не примечательного петербургского жителя. Ничтожный перед «горделивым истуканом» в обычной жизни, Евгений, когда «прояснились в нем страшно мысли», в нравственном, в общечеловеческом смысле становится равен ему. В пушкинской поэме «правда» строителя чудотворного, преобразователя России, и «правда» Евгения, страдающего человека, сосуществуют в трагическом противостоянии.

В поэме пунктирно намечена более чем вековая история Петербурга: замысел Петра («здесь будет город заложен»), рост северной столицы, трагические события в день наводнения 1824 г. «Прошло сто лет», — эта реплика адресована прежде всего Третьяковскому, загадавшему в свое время: «Что ж бы тогда, как пройдет уж сто лет?». «Медный всадник» — это воссоздание средствами искусства процесса истории в его глубинном, трагическом еодержании. В сознании читателя формируется мысль: никакая внешняя по отношению к этому противоречивому миру поэмы точка зрения не может восприниматься как до конца объективная и справедливая. Разрешение этого противоречия может мыслиться только как результат движения самой истории. В мире поэмы эти трагически противостоящие начала (Медный всадник и Евгений) взаимосвязаны и, следовательно, изменение одного неизбежно влечет за собой изменение другого. Подтверждение этому — реакция Медного всадника на брошенное ему Евгением «Ужо тебе!». Еще Валерий Брюсов отметил, что «преследование Евгения Медным всадником изображено не столько как бред сумасшедшего, сколько как

¹⁵ См. издание, подготовленное Н. В. Измайловым: Пушкин А. С. Медный всадник. Л., 1978.

¹⁶ Тынянов Ю. М. Пушкин и его современники. М., 1968. С. 154.

реальный факт...».¹⁷ Сюжетный ход с элементом фантастики способствует формированию в сознании читателя важнейшего вывода: в основе этого противоречивого петербургского мира нет «дурной бесконечности», он обладает динамикой, способен изменяться.

Поэма Пушкина многое определила в дальнейшей судьбе русской литературы. Это подтверждает фраза из записной книжки Александра Блока: «"Медный всадник" — все мы находимся в вибрациях его меди».¹⁸

«...Гуманизм пушкинской повести,— писал о „Медном всаднике“ Л. В. Пумненский,— развернулся в одну из тех особенностей русской литературы, которые превратили ее в литературу мирового значения».¹⁹

Программным в развитии петербургской темы стало и пушкинское стихотворение «Пир Петра Первого» (1835). Пушкин напечатал его на первой странице первого номера своего журнала «Современник». В стихотворении дан совсем иной, нежели в «Медном всаднике», образ петербургской жизни. «В Питербурге-городке» — такое словосочетание вызывает представление о каком-то живом, уютном, почти семейном мире.

В этом мире определяющим нравственным началом является милосердие. И правит здесь Петр, который

Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пенит с ним одну;
И в чело его целует,
Светел сердцем и лицом;
И прощенье торжествует,
Как победу над врагом.

«Это,— писал Б. В. Томашевский,— был урок и укор царю. «Пир Петра Первого», говоривший о примирении Петра с подданными, прозрачно намекал на то, чего ждут от Николая: на необходимость возвращения ссыльных декабристов. Николай не понял или сделал вид, что не понял намека».²⁰

В 30—40-е годы XIX в. тема Петербурга оказалась в центре споров западников и славянофилов. Для славянофилов Петербург — олицетворение жизни холодной, обезличенной, насильственно европеизированной, обреченной на дальнейшую бюрократизацию и омертвление. А. С. Хомяков в 1832 г., имея в виду Петербург, писал так:

Здесь, где гранитная пустыня
Гордится мертвой красотой...

¹⁷ Брюсов Валерий. Медный всадник // Брюсов Валерий. Собр. соч.: В 7 т. Т. VII. М., 1975. С. 30.

¹⁸ Блок Александр. Записные книжки. 1901—1920. М., 1965. С. 169 — Истории восприятия «Медного всадника» несколькими поколениями русских писателей посвящена книга: Осоват А. Л., Тименчик Р. Д. «Печальную повесть сохранить». М., 1985.

¹⁹ Пумненский Л. В. «Медный всадник» и поэтическая традиция XVIII века // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Вып. 4-5. М.; Л., 1939. С. 124.

²⁰ Томашевский Б. В. Петербург в творчестве Пушкина // Пушкинский Петербург. Л., 1949. С. 22.

Он предпослал своему сочинению два эпитафия на французском языке («Быть в Петербурге с душой и сердцем — значит быть одиноким»; и второй: «И я увидел город, где все было каменное: дома, деревья и жители»), которые дают ясное представление об отношении автора к Петербургу.²¹

Ты граду дал свое название,
Лишь о тебе гласит оно,—

писал Константин Аксаков в стихотворении «Петру», которое не могло быть в 1840-е годы напечатано, но получило большое распространение в списках. Оно воспринималось как программное в творчестве славянофилов: это и было стихотворное публицистическое выступление на тему петровских реформ, к которым они относились отрицательно.

Не случайно молва приписывала славянофилам — то К. С. Аксакову, то А. С. Хомякову — стихотворение «Подводный город», посвященное теме гибели чужого, с нерусским именем города.²² Автором стихотворения был Михаил Дмитриев. Он использовал мотив, к которому охотно обращались поэты 1820—1840-х годов: гибель города под напором водной стихии. Такая картина нарисована в анонимном стихотворении, которое приписывалось то Александру Одоевскому, то Лермонтову.

...И день настал, и истоцилось
Долготерпение судьбы;
И море шумно ополчилось
На миг решительной борьбы.²³

По свидетельству В. А. Соллогуба, Лермонтов любил «чертить пером и даже кистью вид разъяренного моря, из-за которого поднималась оконечность Александровской колонны с венчающим ее ангелом».²⁴ Картина потопа и гибели жестокого мира, изображение которого должно было ассоциироваться с Петербургом, нарисована в поэме В. С. Печерина «Торжество смерти».

В русле этой традиции было создано и стихотворение М. Дмитриева, имеющее иронический подзаголовок «идиллия». Море плещется там, где был когда-то город, о нем рассказывает мальчику старый рыбак:

Тут был город всем привольный
И над всеми господин,
Ныне шпиль от колокольни
Виден из моря один.

Город, слышно, был богатый
И нарядный, как жених;
Да себе копил он злато,
А с сумой пускал других.

²¹ Хомяков А. С. Стихотворения и драмы. Л., 1969. С. 100.

²² Осповат А. Л., Тименчик Р. Д. Указ. соч. С. 96.

²³ Вацуро В. Э. Пушкин и проблемы бытописания в начале 1830-х годов // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 6. Л., 1969. С. 160.

²⁴ Соллогуб В. А. Воспоминания. М.; Л., 1931. С. 183—184.

Гибель города объяснялась у Дмитриева нравственной виной его строителя-богатыря:

Всё за то, что прочих братьей
Брат богатый позабыл,
Ни молитв их, ни проклятий
Он не слушал, ел да пил...

Резонанс, вызванный этим стихотворением, объясняется в какой-то степени тем, что оно было написано в 1847 г., когда отмечалось 700-летие Москвы и когда вновь обострились споры о старой и новой столицах.

Поэтов различных общественных ориентаций объединяло убеждение, что жестокий, равнодушный к страданиям человека город должен поплатиться за содеянное им зло.

Конфликт петербургского жителя, «маленького человека», и равнодушного к его страданиям, казенного Петербурга получил блестящее художественное осмысление в прозе Гоголя. Гоголь не дает описаний города, его архитектурных ансамблей. Автор «Петербургских записок 1836 года», «Носа», «Записок сумасшедшего», «Невского проспекта», «Шинели» создает художественный образ столицы, в котором выражена социальная и нравственная суть Петербурга.

Начиная с 40-х годов XIX в., в русской литературе петербургская тема подавалась чаще всего в ее драматическом или даже трагическом развороте. Ведущим становится мотив страдания социально униженного человека. Десятки раз употребившееся поэтическое наименование «Северная Пальмира» постепенно приобретает иронический смысл. У Д. В. Григоровича в «Сне Карелина» (1887) это будет дано уже «в открытую»: «„Северная Пальмира“, как говорил когда-то столь преждевременно скончавшийся Булгарин».²⁵

По-разному относились писатели 1840-х годов к Петербургу, по-разному оценивали его роль в современной русской жизни, но их объединяло сознание исключительной важности этой темы.²⁶ Об этом постоянно пишет Белинский. Об этом категорично заявляет Герцен в очерке-памфлете «Москва и Петербург», который тогда широко распространялся в списках: «Говорить о настоящем России — значит говорить о Петербурге (...), который один живет и действует в уровень современным и своеземным потребностям на огромной части планеты, называемой Россией».²⁷

Именно Белинский и Герцен в те годы заговорили о «странной» любви к Петербургу, любви, которая возникает вопреки логике и общеденному сознанию. «Задавленный тяжелыми сомнениями, — писал в своем очерке Герцен, — бродил я, бывало, по граниту его и был близок к отчаянию. Этими минутами я обязан Петербургу, и за них я полюбил его». А Белинский в письме к В. П. Боткину (22 апреля 1847 г.)

²⁵ Григорович Д. В. Полн. собр. соч.: В 12 т. Т. 11. СПб., 1896. С. 139.

²⁶ Подробнее об этом см.: Петербург в русском очерке XIX века / Сост. М. В. Отрадин. Л., 1984.

²⁷ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 2. М., 1954. С. 33.

сделал такое признание: «Я привык к Питеру, люблю его какую-то странную любовью за многое даже такое, за что бы нечего любить его».²⁸

Пожалуй, можно сказать, что в послепушкинской литературе каждое поколение русских писателей в той или иной форме говорило о своем неприятии Петербурга или даже о ненависти к нему. Но в то же время это не исключало тяги или даже любви к этому городу. У С. Надсона находим, казалось бы, неожиданное признание:

Да, только здесь, среди столичного смятенья,
Где, что ни миг, то боль, где что ни шаг, то зло,—
Звучат в моей груди призывы вдохновенья
И творческий восторг сжимает мне чело.

А в стихотворении П. Якубовича «Сказочный город» (1883) есть такие строки о городе «мглы и тоски»:

Ах! любовью болезненно-страстной
Я люблю этот город несчастный.

Любовь-ненависть к Петербургу чувствовал и сумел передать в своих стихах и Аполлон Григорьев. Москвич по рождению, он впервые попал в Петербург, когда ему было двадцать два года. Позднее поэт вспоминал: «...волею судеб или, лучше сказать, неодолимою жаждою жизни, я перенесен в другой мир. Это мир гоголевского Петербурга, Петербурга в эпоху его миражной оригинальности».²⁹

«В (...) чаром и страшном образе явился Петербург (...) Аполлону Григорьеву, буйному, благородному и страждущему юноше с душою Дмитрия Карамазова», — так потом сказал в своей статье «Судьба Аполлона Григорьева» Александр Блок.³⁰

В 40-е годы Григорьев написал несколько стихотворений о Петербурге, в которых на первом плане оказываются социальные и нравственные мотивы. Наибольший успех выпал на стихотворение «Город» («Да, я люблю его, громадный, гордый град...»), Белинский назвал его «прекрасным». Свою любовь к Петербургу поэт противопоставлял любви «других»:

Не зданья его, не пышный блеск палат
И не граниты вековые
Я в нем люблю, о нет! Скорбящую душу
Я прозираю в нем иное —
Его страдание под ледяной корой,
Его страдание больное.

В творчестве Григорьева 40-х годов сказались увлечение идеями утопического социализма (он был связан с кружком М. В. Петра-

²⁸ Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. Т. 9. М., 1982. С. 639.

²⁹ Григорьев Аполлон. Воспоминания. Л., 1980. С. 6.

³⁰ Блок А. А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 5. М.; Л., 1962. С. 496.

шевского).³¹ В ряде его стихотворений Петербург предстает как «гигант, большой гниением и развратом», «великолепный град рабов, казарм, борделей и рабов».

Аналогичные по пафосу стихи писали и петрашевцы, хотя никто из них не смог найти более убедительное и яркое художественное решение этой темы, чем Григорьев. Вот несколько строк из частично сохранившегося стихотворения петрашевца В. П. Катенева:

Прости, великий град Петра,
Столица новая разврата,
Приют цепей и топора,
Мучений, ненависти, злата...³²

В 40-е годы создается значительная часть поэмы Николая Огарева «Юмор». В пей заметен опыт осмысления пушкинского «Медного всадника»: тема исторического Петра не сливается с темой «могучего великана», «огромного всадника», которого герой видит на площади. Глубоким лиризмом наполнены строки, посвященные Петру, его «домику»:

Направо стул простой с столом,
Нева течет перед окном...
Теперь все пусто, этот дом
На вас могильным хладом веет,
И будто в склепе гробовом
Душа тоскует и немает,
Ей тяжело и страшно в нем.
И так она благоговеет,
Как будто что-то тут давно
Великое схоронено.

Совсем другие чувства и мысли возникают у героя поэмы, когда он видит Медного всадника или вспоминает о нем. Эти чувства и мысли противоречивы и во многом неожиданны для самого героя. С одной стороны, он чувствует себя патриотом:

Я сам был горд на этот раз,
Как будто б был причастен к делу,
Которым он велик для нас.

С другой стороны, патриотическое чувство гасится мучительными сомнениями. О Петре и о России Огарев говорит от лица своего поколения, того, которое, по словам Герцена, разбудил «гром пушек на Сенатской площади». Поэтому у героя поэмы, оказавшегося перед Медным всадником, естественно возникают вопросы:

³¹ «Как и Фурье, для которого большие города являлись воплощением хаоса, паразитизма, нищеты и разврата, характерных для капиталистического мира, петрашевцы были решительными противниками больших городов» (Костелянец Б. О. Примечания // Григорьев Аполлон. Избранные произведения. Л., 1959. С. 535).

³² Петрашевцы. Т. 3. М.; Л., 1928. С. 224.

Куда рукою кажет он?
Куда сквозь тьму вперил он очи?
Какою мыслью вдохновлен,
Не знает сна он среди ночи?
С чего он горд? Чем увлечен?

В поэме даются и, казалось бы, убедительные ответы на эти вопросы:

Он тут стоит затем, что тут
Построил он свой город славный,
С рассветом корабли придут —
Он кажет вдаль рукой державной;
Они с собою привезут
Европы ум в наш край дубравный,
Чтоб в наши дебри свет проник;
Он горд затем, что он велик!

Но ответы даны по рецептам XVIII в., они не могли объяснить действительность николаевской России.

Перед глазами героя поэмы, который идет по набережной Невы, — царский дворец, а напротив него — крепость, тюрьма.

Вопль, рыдания
И жертв напрасных стон глухой,
Проклятий полный и страдания,
Мне ветер нес с тех берегов
Сквозь стуки льдин и плеск валов.

Традиция предполагала, что в центре города должен быть храм. В Петропавловском соборе похоронен основатель Петербурга. Но здесь же, в крепости, рядом с собором находился и Алексеевский рavelин с его секретным застенком. Центром города стала страшная тюрьма. Конечно, Огарев, говоря о воплях и столах, которые слышны у царского дворца, выражается метафорически. Но и эмпирическая правда не очень противоречила этому образу: тюрьма действительно была рядом и была видна — вокруг крепости колоссальное открытое пространство всему Петербургу.

Великие замыслы Петра обернулись кошмаром политической тирании. Кто виноват в этом? Стоя на набережной Невы, около Зимнего дворца, еще как бы чувствуя на спине взгляд Медного всадника, огаревский герой размышляет о самых мучительных российских вопросах.

Дворец! Тюрьма! Зачем сквозь тьму
Глядите вы здесь друг на друга?
Ужель навек она ему
Рабыня, злобная подруга?
Ужель, взирая на тюрьму,
Дворец свободен от испуга?
Ужель тюрьмою силен он
И слышать рад печальный стон?

Но ответа пока нет, будущее загадочно, да и в прошлом нет ясности. Загадочен и двусмыслен лик Медного всадника:

И мне казалось, как сквозь сон,
С подъятой гордо головою,
Надменно выпрямив свой стан,
Смеялся горько великан.

«В судьбе Петербурга есть что-то трагическое, мрачное и величественное», — это заключение Герцена («Москва и Петербург») созвучно тому образу Петербурга, который возникает в огаревской поэме.

Следующее поколение писателей — шестидесятники — взяло на себя груз этих «проклятых» вопросов. К петербургской теме обращался и Д. Минаев, и П. Вейнберг, и В. Курочкин. Но главные открытия этой эпохи связаны с творчеством Некрасова.

В поэме «Несчастные» (1856) он написал о петербургской жизни:

Но если той тревоги смутной
Не чуждо сердце — пропадешь!

В то же время петербургскому жителю А. Ф. Белопяткину («Говорун», 1843, 1845) и герою стихотворения «Чиновник» (1845) неизвестна эта «тревога смутная»: оба они — представители казенного, чиновного Петербурга. Прямые к вышеуказанным произведениям стихотворение «Новости» (1845) имеет подзаголовок «газетный фельетон». Бодрая интонация, свободные переходы от случая к случаю, от эпизода к эпизоду. Если освободиться от захватывающей ямбово-скороговорочной интонации и взглянуть на все происходящее «в упор», то жуткий смысл их станет очевиден. Тут намечены нравственно-психологические коллизии, которыми заинтересует русская литература 60—70-х годов. У Некрасова-фельетониста цепкий и пронзительный взгляд.

В стихах Некрасова находим противопоставление «Петербург — провинция», на котором строились сюжеты многих произведений 1840—1850-х годов. Герой поэмы «Несчастные» связан с обоими этими мирами. Вот «бедный городок», где «солнца каждому довольно»: собор, четыре кабака, Волга. Но этот уютный мир провинции гибелен для молодого ума:

Но там бесплодно гибнут силы,
Там духота, бездумье, лень,
Там время тянется сопливо (<...>
Куда ж идти? К чему стремиться?
Где силы юные пытаться?

Ответ на эти вопросы легко находили молодые люди середины прошлого века в Петербурге. Вот что написал в своих воспоминаниях об одном из таких молодых провинциалов Н. В. Шелгунов. Речь идет об известном впоследствии писателе М. Л. Михайлове: «Михайлов (<...> приехал в Петербург — в тот замазчивый, магнитный Петербург, который всегда тянул к себе всех даровитых людей увлекательными мечтами о широкой деятельности, известности и славе».³³ Об этих же надеждах провинциала сказано и у Некрасова.

³³ Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания. Т. 1. М., 1967. С. 110.

...Воображенье
К столице юношу манит,
Там слава, там простор, движенье...

Но Петербург, каким он показан у Некрасова, «город роковой», жестокий и беспощадный.

Пройдут года в борьбе бесплодной,
И на красивые плиты,
Как из машины винт негодный,
Быть может, брошен будешь ты?

Итак, Россия в поэме Некрасова — это два противопоставленных друг другу мира: провинция и Петербург, — и оба они губительны для молодых, талантливых сил.

Валерий Брюсов в замечательной статье «Н. А. Некрасов как поэт города» обратил внимание на то, что Некрасов некоторые свои описания Петербурга противопоставляет пушкинским, прежде всего тем, которые даны в «Медном всаднике».³⁴

О город, город роковой!
С певцом твоих громад красивых,
Твоей ограды вековой,
Твоих солдат, коней ретивых
И всей потехи боевой,
Пленный лирой сладкострунной,
Не спорю я: прекрасен ты
В безмолвье полночи безлунной,
В движенье гордой суеты!

Заявив о нежелании спорить с Пушкиным, Некрасов далее описывает город в другом, в подчеркнуто социальном, ракурсе:

Душа болит. Не в залах балных,
Где торжествует суета,
В приютах нищеты печальных
Блуждает грустная мечта.

О новаторстве Некрасова-урбаниста впервые конкретно и убедительно сказал Валерий Брюсов. В анкете, посвященной Некрасову, он свою основную идею высказал так: «Некрасов сумел найти красоту в таких областях, перед которыми отступали его предшественники. Его сумрачные картины северного города могут поспорить с лучшими страницами Бодлера...»³⁵ В цикле «О погоде» есть поразительное описание зимнего Петербурга:

³⁴ Брюсов Валерий. Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. М., 1975. С. 185—186. — Позже эту тему подробно разработал В. В. Гиппиус (Гиппиус В. В. От Пушкина до Блока. М.; Л., 1966. С. 230—246).

³⁵ Брюсов Валерий. Собр. соч. Т. 6. С. 74.

Но зимой — дышишь вольно; для глаза —
Роскошь! Улицы, зданья, мосты
При волшебном сиянии газа
Получают печать красоты (<...>
В серебре лошадиные гривы,
Шанки, бороды, брови людей,
И, как бабочек крылья, красивы
Ореолы вокруг фонарей!

Некрасов часто описывает как бы случайные, попавшие на глаза детали и эпизоды городской жизни, но в них проявляются социальные драмы, угадывается трагическая суть жизни. Пожалуй, наиболее убедительно этот принцип использован в стихотворении «Утро» (1872 1873): «на позорную площадь кого-то провезли», «проститутка домой на рассвете поспешает», «офицеры (<...> скачут за город: будет дуэль», «торгаши просыпаются». И наконец — финальная строфа:

Дворник вора колотит — попался!
Гонят стадо гусей на убой;
Где-то в верхнем этаже раздался
Выстрел — кто-то покончил с собой...

Читатель не знает, кто и почему застрелился, но жизнь представлена так, что нельзя усомниться: в этом городе люди неизбежно должны стреляться. Жуткий итог этого сюжета — в его обыденности: стихотворение и построено на сопоставлении обычного деревенского дня с обычным городским. «Именно вследствие необычайной концентрированности, сгущенности исключительного оно переходит в свою противоположность. Один из главных и страшных смыслов произведения содержится в этой уничтоженности обыденностью исключительного. Проблема и в том, что сама смерть уже не проблема».³⁶

Влияние города на поэта Брюсов увидел и «в самой речи» Некрасова, «торопливой, острой, свойственной нашему веку». Традиционная гармоничность, уравновешенность, мелодичность стиха противоречила бы его темам: речь шла о страданиях. Анастезия внутренней музыки стиха не должна была помешать читателю испытать боль от прочитанных слов и, может быть, почувствовать состраданье. В этом был гуманистический пафос резких, беспощадных слов Некрасова о Петербурге.

Некрасов, много писавший о жизни горожан-бедняков, выпустивший знаменитый коллективный сборник очерков «Физиология Петербурга» (1845), вдруг в цикле «О погоде» заявил, что эта тема исчерпала себя:

Ты знаком уже нам, петербургский бедняк,
Нарисованный ловкою кистью
В модной книге...

В 50-е годы «любопытная жизнь бедняков» стала ходовой. Усердие эпигонов как бы привело к девальвации темы. Этим объясняется некрасовский призыв «не читать гуманных книжонок»: он предлагает отказаться от гуманизма «на словах» в пользу гуманизма поступка.

³⁶ С к а т о в Н. Н. Некрасов. Современники и продолжатели. М., 1986. С. 248.

Увидав, как читатель иной
Льет над книгою слезы рекой,
Так и хочешь сказать: «Друг любезный,
Не сочувствуй ты горю людей,
Не читай ты гуманных книжонок,
Но не ставь за каретой гвоздей,
Чтоб, вскочив, накололся ребенок!».

Этот мотив был поддержан поэтами демократического лагеря. В «петербургской» части поэмы «Та или эта» (1861) Дмитрий Минаев писал с иронией:

Ведь известно: нам мода велела
Жить, как истый живет демократ,
И кричать возмутительно смело:
Дорог нам погибающий брат!
Дорог! да, господа, ведь не так ли?

Тема страдания, невинной жертвы Петербурга в ее историческом развороте была раскрыта Яковом Полонским в стихотворении «Миазм» (1868). Сюжет стихотворения наполнен яркими историко-бытовыми деталями и выстроен с редкой психологической точностью. В Петербурге, в богатом доме около Мойки, от непонятной болезни умирает маленький наследник. Причину его смерти убитой горем матери объясняет косматый мужичонка, явившийся к ней из петровских времен. На вопрос: кто он, как вошел? — он отвечает:

«А сквозь щель, голубка! Ведь твое жилище
На моих костях,
Новый дом твой давит старое кладбище —
Наш отпетый прах <...>
Ты меня не бойся, — что я? мужичонко!
Грязен, беден, сгнил,
Только вздох мой тяжкий твоего ребенка
Словно придушил...»

Здесь, в Петербурге, мужала русская демократия, для которой этот город стал, как писал П. Якубович, «колыбелью нашей русской свободы». У этой демократии были давние традиции и великие предшественники. Еще в поэме «Несчастные» Некрасов писал о Петербурге:

В стенах твоих
И есть и были в стары годы
Друзья народа и свободы,
А посреди могил немых
Найдутся громкие могилы.
Ты дорог нам, — ты был всегда
Ареной деятельной силы,
Пытливой мысли и труда.

Петру Якубовичу Петербург дорог тем, что он учит «жить и действовать». Лирический герой стихотворения «Свидание» (1900), народовец по убеждению, размышляя о прошлом и настоящем страны, почувствовал свое родство с Петром Первым, в котором он увидел

«бойца и граждапина». Они союзники в борьбе против «пошлости бесстыдной и бесславной». Герой «Свидания» обращается к Медному всаднику от имени своего поколения:

И если дел твоих и дум кипучих пламя
На искры малые распалось в бурной мгле,
Твой дух живет и в них! Твое несем мы знамя,
Разбитые, с венком терновым на челе...

Петербург конца XIX в.— это был уже большой капиталистический город, что сказалось на его архитектуре, ритме жизни. Александр Блок в набросках к поэме «Возмездие», имея в виду Петербург последнего десятилетия XIX века, написал: «Петербург рождается *новый*, непророченный <...> Достоевским».³⁷

Для писателей второй половины XIX—XX вв. громадное значение имел образ Петербурга, созданный Достоевским. «Следуя за Пушкиным („Медный всадник“), Достоевский по-новому воплотил в Петербурге русскую национальную трагедию — трагедию подавления личности. Следуя за Гоголем (петербургские повести), Достоевский сделал Петербург антитезой стихийного гуманизма русского народа».³⁸ Петербург у Достоевского — «самый фантастический», «самый отвлеченный и умышленный город», и в то же время он в высшей степени реален, он оказывает постоянное и страшное воздействие на души людей. Голядкин («Двойник»), Раскольников («Преступление и наказание»), Долгоруков («Подросток») — мысли, поступки, судьбы этих и многих других героев Достоевского в значительной степени объясняются тем, что они петербургские жители. Воздействие города проявляется в том, что герои Достоевского живут в страшном душевном напряжении, как бы на грани катастрофы, которая вот-вот или все разрушит или разрешит главные вопросы, прояснит самое сокровенное и важное в жизни. Размышления о Петербурге Достоевского убеждают в правоте вывода, сделанного современным исследователем: «В петербургском тексте русской литературы отражена квинтэссенция жизни на краю, над бездной, на грани смерти и намечаются пути к спасению <...> Именно в этом городе сложность и глубина жизни — государственно-политической, хозяйственно-экономической, бытовой, относящейся к развитию чувств, интеллектуальных способностей, идей, к сфере символического и бытийственного, — достигла того высшего уровня, когда только и можно надеяться на получение подлинных ответов на самые важные вопросы».³⁹

В поэме «Возмездие» Александр Блок написал, имея в виду конец девятнадцатого столетия:

Кончался век, не разрешив
Своих мучительных загадок.

Стремлением разрешить эти мучительные загадки объясняется тот острый интерес к петербургской теме, который проявился в начале XX в.

³⁷ Блок Александр. Собр. соч.: В 8 т. Т. 3. М.; Л., 1960. С. 460.

³⁸ Назиров Р. Г. Творческие принципы Ф. М. Достоевского. Саратов, 1982. С. 10.

³⁹ Топоров В. Н. Петербург и петербургский текст в русской литературе // Семиотика города и городской культуры. Петербург. С. 29.

В какой-то мере возросший интерес к теме Петербурга был обусловлен и тем, что в 1903 г. отмечался (еще «прошло сто лет») двухсотлетний юбилей города.

Возрождению интереса к истории Петербурга, его архитектуре, его памятникам в высшей степени способствовала деятельность сотрудников журнала «Мир искусства». Александр Бенуа в своих стихах «Живописный Петербург», «Архитектура Петербурга» и «Красота Петербурга» призывал посмотреть на Петербург свежим глазом, без предвзятости. «Кажется,— писал он,— нет на свете города, который пользовался бы меньшей симпатией, нежели Петербург. Каких только он не заслужил эпитетов: „гнилое болото“, „нелепая выдумка“, „безличпый“, „чиновничий департамент“, „полковая канцелярия“. Я никогда не мог согласиться со всем этим и должен, напротив того, сознаться, что люблю Петербург: и даже, наоборот, нахожу в нем массу совершенно своеобразной, лично ему только присущей прелести».⁴⁰ В оценках и наблюдениях Бенуа было много существенного и убедительного. Но в отличие от многих своих предшественников он ратует прежде всего за «художественное отношение» к «старому» городу, предлагает вновь посмотреть на Петербург с эстетической точки зрения.

Любовь к старому Петербургу, умение видеть его своеобразную красоту и значительность воспитывали в людях той эпохи блестящие работы самого Бенуа и художников, близких ему по восприятию города,— А. Остроумовой-Лебедевой, Е. Лансере, П. Шиллинговского, М. Добужинского, Е. Кругликовой.

За два первых десятилетия XX в. было создано громадное количество художественных произведений — и стихотворных и прозаических, — посвященных Петербургу. Как бывало не раз в истории культуры, мода на какую-то тему приводит к издержкам. Об этом говорил Александр Блок в 1913 г. в беседе с композитором М. Ф. Гнесиным: «Петербург был прекрасен, когда никто не замечал его красоты и все плевали на него; но вот мы воспели красоту Петербурга. Теперь все знают, как он красив, любят на него, восхищаются! И вот — уже нет этой красоты: город уже омертвел, красота ушла из него в другие, какие-то новые места. Красота вообще блуждает по миру».⁴¹

Чисто эстетическое отношение к Петербургу не могло возобладать в литературе еще и потому, что для художественного создания той поры колоссальное значение имел опыт литературы XIX века Иннокентий Анненский писал об этом так: «„Петра творенье“ стало уже легендой, прекрасной легендой, и этот дивный „град“ уже где-то над нами, с колоритом нежного и прекрасного воспоминания. Теперь нам греются новые символы, нас осаждают еще не оформленные, но уже другие волнения, потому что мы прошли сквозь Гоголя и нас пытали Достоевским».⁴²

Среди поэтов рубежа веков, обращавшихся к петербургской теме, одним из первых должен быть назван Иван Коневский (Ореус). Он многое предвосхитил в «петербургских» произведениях других символистов. В его стихах выстраивается особый сюжет, связанный с петер-

⁴⁰ Мир искусства. 1902. № 1. Хроника. С. 1.

⁴¹ Цит. по: Орлов Вл. Поэт и город. Александр Блок и Петербург. Л., 1980. С. 148.

⁴² Анненский Инокентий. Книги отражений. М., 1979. С. 358.

бургским мифом: победа над стихиями обернулась победой над самой жизнью:

Так воздвигнут им город плавучий,
Город зыбкий, как мост на плотах.
Вдоль воды, разливной и дремучей,
Люди сели в бездушных дворцах.

(«Среда», 1900—1901).

Петербургская жизнь предстает в стихах Коневского как естественно упорядоченная, геометрически организованная: плоть и кровь там «стынут, замкнуты прямыми углами».⁴³

В этом краю, где «граждан коренных не бывало», который «продрог под бореньем ветров», у людей особая судьба, им уготовано особое историческое сиротство:

В шумящей пустыне,
В твердыне из камня
На дальней границе обширной пустой стороны
На свет родились
Мы, нежные дети,
И не были сказки веков с малых лет нам родпы...

(«Сверстники», 1899).

Но в стихах Коневского, казалось бы вопреки их главному мотиву, прорастает любовь к этой стылой земле, в основе ее чувство сострадания, которое ведомо людям Петербурга:

Если там, за лампадой, убогое сердце горит,
И его не принять ли нам в веденье наше с приветом?
Где ютятся торги, ремесло в полумраке горит,
Это быт устроится, глушь украшается цветом.

(«Ведуны», 1900).

В Петербургских стихах Коневского Блок увидел нечто существенное для русской поэзии начала века, черту, «интересную как освещение того этапа русской поэзии, когда она из „собственно — декадентства“ стала переходить к символизму. Одним из признаков этого перехода было совсем особенное, углубленное и отдельное чувство связи со своей

⁴³ Этот образ геометрической, прямолинейной жизни будет тщательно разработан в романе Андрея Белого «Петербург» (1916), где о сенаторе Аполлоне Аполлоновиче Аблеухове сказано: «...ему захотелось ... чтобы вся сферическая поверхность планеты оказалась охваченной, как змеиными кольцами, черновато-серыми домовыми кубами; чтобы вся, проспектами притиснутая земля, в линейном космическом беге пересекала бы необъятность прямолинейным законом; чтобы сеть параллельных проспектов, пересеченная сетью проспектов, в мировые бы ширилась бездны плоскостями квадратов и кубов: по квадрату на обывателя...» (Белый Андрей. Петербург. Л., 1981. С. 24).

страной и своей природой". Таким местом, которое он полюбил, вопреки всему, и стал для Коневского „город Петербург, возведенный на просторах болот“.⁴⁴

Некоторые строки Коневского (Петербург как земля без «сказок века») отозвались в стихотворении Иннокентия Анненского «Петербург» (1910):

Вместо сказки в прошедшем у нас
Только камни да страшные были.

«Чем более развивается городская душа, — писал И. Анненский, — тем более и безвыходно городскими становятся самые души, приспособленные к камням, музеям и выставкам».⁴⁵ «Городская», по Анненскому, значит механистическая, лишенная органики и гуманистического содержания. А такую жизнь, такой Петербург сознание, сформированное литературой XIX в. (вспомним еще раз: «мы прошли сквозь Гоголя и нас пытали Достоевским»), принять не может.

Только камни нам дал чародей,
Да Неву буро-желтого цвета,
Да пустыни немых площадей,
Где казнили людей до рассвета, —

к сознанию «проклятой ошибки», произошедшей в жизни страны, автора приводят размышления о конкретном историческом опыте.

О «проклятой ошибке» писали многие русские символисты. «Вина» при этом часто возлагалась на Петра. Тут сказались давние славянофильские идеи. Близкий вариант толкования «вины» встречаем в романе Д. Мережковского «Антихрист (Петр и Алексей)» (1905) и позднее в «Петербурге» Андрея Белого. Об ошибочности «петербургского» пути у Белого сказано так: «С той чреватой поры, как примчался к невскому берегу металлический Всадник, с той чреватой днями поры, как он бросил коня на финляндский серый гранит — надвое разделилась Россия; надвое разделились и самые судьбы отечества; надвое разделилась, страдая и плача, до последнего часа — Россия».⁴⁶

Но был в произведениях символистов и другой вариант толкования вины Петербурга, тоже подготовленный литературой предшествующего века: Петр не доделал своего дела, Россия не пошла по пути царя-преобразователя. У Иннокентия Анненского это поэтически сформулировано так:

Царь змеи раздавить не сумел,
И прижатая стала наш идол.

Иногда в подобном «двоевластии» петербургской жизни (город во власти двух начал: созидющего, творческого — Медный всадник, и разрушительного, стихийного, низменного, косного — змей) видели

⁴⁴ Блок Александр. Собр. соч. Т. 5. М.; Л., 1962. С. 598; см.: Мордерер В. Я. Блок и Коневский // Литературное наследство. Т. 92. М., 1987.

⁴⁵ Анненский Иннокентий. Указ. соч. С. 360.

⁴⁶ Белый Андрей. Петербург. С. 99.

основу своеобразного равновесия, необходимое условие для развития страны. Максимилиан Волошин вложил эту мысль в уста графа де Местра, который так говорит о Петербурге:

Он создан был безумным Демиургом.
Вон конь его и змей между копыт!
Конь змею — «сгинь!», а змей в ответ: «Resurgam!»⁴⁷
Судьба империи в двойной борьбе:
Здесь бунт — там строй; здесь бред — там клич судьбе

(Петербург, 1915).

Часто в произведениях символистов будущее виделось в эсхатологических тонах. «Вдохновение ужаса» сумел передать Вячеслав Иванов (этот образ применил он сам в рецензии на роман Белого «Петербург») в стихотворении «Медный всадник»:

Замирая кликом бледным
Кличу я: «Мне страшно, дева,
В этом мореке победном
Медноскачущего Гнева...»

А Сивилла: «Чу, как тупо
Ударяет медь о плиты...
То о трупы, трупы, трупы
Спотыкаются копыта...»

Стихотворение написано с ориентацией на пушкинскую поэму «Медный всадник», но у читателя есть возможность связывать «вдохновение ужаса» как с прошлым Петербурга (жертвы, на костях которых воздвигнут город, жертвы кровавых событий 1905 г.), так и с неясным для автора, но пугающим будущим.

Если говорить в общем плане, то можно отметить, что у символистов мы находим, как правило, не конкретно-исторический или тем более бытовой образ Петербурга, а образ мифологизированный. Причем миф о Петербурге включался ими в общесимволический миф о преображении жизни: торжество «богочеловеческого» начала возможно только через катастрофическое перерождение мира. В соответствии с этой общей мифопоэтической концепцией символистов — «Петербург, „дьявольское“, „гнилое место“, — воплощение городской цивилизации, *подходящей к последней грани всемирного катаклизма* (отсюда органическое вхождение в символистские произведения о Петербурге эсхатологических пророчеств и предреволюционных „чаяний“)».⁴⁸

Пожалуй, наиболее яркий пример такого решения петербургской темы — эссе Евгения Иванова «Всадник. Нечто о городе Петербурге».⁴⁹ В своеобразной мифоутопии Е. Иванова два героя — два Всадника. Один из них — Всадник Медный, а второй — Всадник Бледный: «он оглушен шумом внутренней тревоги, его смятенный ум не устоял

⁴⁷ Resurgam (лат.) — воскресну.

⁴⁸ Минц З. Г., Безродный М. В., Данилевский А. А. «Петербургский текст» и русский символизм // Семиотика города и городской культуры: Петербург. Тарту, 1984. С. 87.

⁴⁹ Белые ночи. СПб., 1907. С. 73—91.

против ужасных потрясений петербургских наводнений, — оттого он и бледный». Всадник Бледный — это и Евгений, герой пушкинской поэмы, сидящий на мраморном льве, и двойник лирического героя эссе. У Петербурга есть тайна, и «она в бурю явнее становится». Смысл тайны в том, что с моря грядет очистительная буря, скоро произойдет преобразование жизни через катастрофу, Всадники — два враждующих начала русской жизни, русской истории — «должны породниться», и трагическое противостояние их прекратится. Позже Е. Иванов писал: «Образ Медного Всадника связывался у меня с бурей и революцией».⁵⁰

Наиболее явственно эсхатологический мотив был выражен в знаменитом стихотворении Валерия Брюсова «Конь блед» (1903), в котором появляется апокалиптический призрак грядущей гибели. Это и другие урбанистические стихотворения Брюсова, даже впрямую и не связанные с темой Петербурга, оказали значительное влияние на русскую поэзию начала века и, в частности, на ее «петербургскую» линию. «Брюсов, — пишет Д. Е. Максимов, — в первую очередь поэт-урбанист, первый русский лирик XX века, отразивший в поэзии жизнь большого города новейшего капиталистического типа. В этом его подлинное художественное открытие».⁵¹

В урбанистических стихах Брюсова предстает не какой-то конкретный город, с его точными приметам, а некий город вообще, город как олицетворение некоей грядущей цивилизации. Эта тенденция сказалась и на его стихах о Петербурге.

В 1906 г. под впечатлением событий 1905 г. Брюсов написал стихотворение «К Медному всаднику». Принцип контрастности оказался здесь ведущим: подчеркнута какая-то особая незначительность, прозрачность («как твоя во сне») и города, и людей (упомянут пушкинский Евгений, и декабристы, и поколения людей XIX века, и современники поэта) в сравнении с единственной реальностью, существом, которое обладает действительной жизненной силой — Медным всадником. Медный всадник предстает одной из тех героических фигур, которые Брюсов находил в различных исторических эпохах (Ассаргадон, Антоний, Александр Великий) и которыми не уставал восхищаться.

Урбанистическая лирика Брюсова оказала воздействие на творчество многих поэтов, в том числе и на Блока. Однако нельзя не признать, что блоковский образ Петербурга — явление совершенно уникальное в русской поэзии. «Этот город, этот Петербург Блока, — писал Борис Пастернак, — наиболее реальный из Петербургов, нарисованных художниками новейшего времени. Он до безразличия одинаково существует в жизни и в воображении. В то же время образ этого города составлен из черт, отобранных рукою такую нервной и подвергся такому одухотворению, что весь превращен в захватывающее явление редчайшего внутреннего мира».⁵²

У Блока было чувство глубокой личной связи с Петербургом («город мой» — частое выражение в его стихах), своей зависимости от него, которая не всегда осмыслиется как благо, но всегда неизбежна. «Город ужасно действует», — эту запись он сделал в дневнике.⁵³

⁵⁰ Цит. по: Орлов Вл. Поэт и город. С. 89.

⁵¹ Максимов Д. Брюсов: Поэзия и позиция. Л., 1969. С. 138.

⁵² Пастернак Борис. Воздушные пути. М., 1982. С. 428.

⁵³ Блок Александр. Собр. соч. Т. 7. С. 102.

Он спит, пока закат румян.
И сонно розовеют латы.
И с тихим свистом сквозь туман
Глядится змей, копытом сжатый, —

так начинается стихотворение Блока «Петр» (1904). Петербург в этом стихотворении — город, в котором, по словам Иннокентия Анненского, «змеи и царь не кончили исконной борьбы». Петр предстает здесь как «веселый царь», в руке которого то «факельное пламя», то «зловонное кадило», то «вспыхнувший меч». Он и благословляет зло, и грозит карой за него.

В петербургском мифе неизбежно присутствует стихийное, разрушительное, враждебное Петру начало. После создания памятника на Сенатской площади оно часто стало ассоциироваться со змеем, которого топчет конь царя. В стихотворении Блока змей, «расклубившись над домами», берет в плен город. В «глухие вечера» он и царь вдруг оказываются союзниками. И тогда:

Пускай невинность из угла
Протяжно молит о пощаде.

Но близится час кары, и меняется облик царя, Медный всадник у Блока сближается с апокалиптическим всадником.⁵⁴ Тут явная переключка с Евгением Ивановым.

Исторические события начала XX в. Блок склонен осмыслять в контексте петербургского мифа. Поэтому стихотворение «Вися над городом всемирным» (1905), написанное в день объявления конституции, содержит в себе такую параллель:

И если лик свободы явлен,
То прежде явлен лик змеи,
И не один сустав не сдавлен
Сверкнувших колец чешуи.

Блок писал об «упрямо двоющемся образе города на болоте» (1905).⁵⁵ Петербург Медного всадника как олицетворения российского самодержавия был для Блока той косой силой, которая мешает проявиться до конца «лику свободы». В одном из его писем 1905 года к Е. Иванову есть такие слова: «Опять страшная злоба на Петербург закипает во мне». И дальше Блок добавляет: «Я пишу так много и крикливо оттого, что хочу высказать ненависть к любимому городу».⁵⁶

В стихах Блока о Петербурге периода первой русской революции сказанся реальный жизненный опыт горожанина, который знал, как живет улица в эти дни. Андрей Белый позже писал об этом времени: «Общественность Блока в то время свершалась не в заседаниях, а в прогулках по Петербургской стороне... Мы блуждали по грязеньким переулкам, наполненным к вечеру людом, бредущим от фабрик домой...

⁵⁴ В староверческих легендах фальконетовский Медный всадник часто толковался как всадник Апокалипсиса (Шмурло Е. Петр Великий в оценке современников и потомства. Вып. 1 (XVIII в.). СПб., 1912. С. 24).

⁵⁵ Блок Александр. Собр. соч. Т. 5. С. 599.

⁵⁶ Там же. Т. 8. С. 131.

Здесь мелькали измученные проститутки-работницы; здесь из грязных лачуг двухэтажных домов раздавались пьяные крики; здесь в ночных кабаках насмотрелся Александр Александрович на суровую правду тогдашней общественной жизни; о ней же он, мистик-поэт, судил резко, правдивей, реальней ходульных общественников, брезгающих такими местами...»⁵⁷

У Блока нет подробных описаний города, мало примет именно Петербурга. «...Такие приметы, — пишет В. Н. Орлов, — можно сосчитать буквально по пальцам: одна из конных групп Клодта на Аничковом мосту, Медный всадник, латник на кровле Зимнего дворца, фиванские сфинксы на правом берегу Невы, Елагин мост, дважды упомянутая часовня на Крестовском острове, Петропавловский шпиль, „Невская башня“, площадь Сената... И все».⁵⁸ Почему же у нас возникает убежденность, что абсолютное большинство блоковских урбанистических стихов — о Петербурге?

Блоковская «блуждающая пристальность» (Б. Пастернак) проявляется в том, что в его стихи входят как бы случайные, а на самом деле очень точные детали облика и жизни города. Поэтому нет сомнения, что строки:

Под утро проснулся от шума
И треска несущихся льдин, —

про Петербург. И эти:

Ты смотришь в очи ясным зорям,
А город ставит огоньки,
И в переулках пахнет морем,
Поют фабричные гудки, —

тоже про Петербург. И таких примеров можно привести множество.

Предчувствие «неслыханных перемен» с годами обострило интерес Блока к историческому плану петербургской темы. Самый яркий пример — поэма «Возмездие» (1910—1916). Предполагается, что первоначально Блок собирался назвать ее «Петербург».⁵⁹ И вновь, как это бывало не раз в русской литературе, погружение в прошлое (в поэме описывается Петербург последней трети XIX в.) приводит художника к «самому началу» — к образу Петра Первого:

(Сон, или нвь): чудесный флот,
Широко развернувший фланги,
Внезапно заградил Неву...
И Сам Державный Основатель
Стоит на головном фрегате..., —

а вслед за тем — к одному из основных вопросов всей русской литературы:

Какие ж сны тебе, Россия,
Какие бури суждены?..

⁵⁷ Белый Андрей. Воспоминания о А. А. Блоке // Эпопея (Берлин; Пг.). 1922. № 2. С. 225—226.

⁵⁸ Орлов Вл. Поэт и город. С. 59.

⁵⁹ Долгополов Л. Указ. соч., С. 188.

В произведениях Блока, запечатлевших великие бури России, прежде всего это, конечно, касается поэмы «Двенадцать», неизменно присутствует образ города на Неве.

В литературе постсимволизма возрастает интерес к истории Петербурга, особенно Петербурга XVIII в., к городу как эстетическому целому. Пожалуй, стремление взглянуть на Петербург (вспомним призывы А. Бенуа) с эстетической точки зрения сказалось сильнее всего именно в поэзии 1910-х годов. В это время появляется большое количество поэтических произведений, в которых тщательно и любовно описывается петербургский архитектурный пейзаж. Один из самых ярких примеров находим у Георгия Иванова:

На Западе желтели облака,
Легки, как на гравюре запыленной...

И далее, вслед за описанием петербургских деталей идет итоговая строфа, которая вновь отсылает нас к гравюрам XVIII в.:

Сходила ночь, блаженна и легка,
И сумрак розовый сгустился в синий,
И мне казалось, надпись по-латыни
Сейчас украсит эти облака.

О сходном восприятии Петербурга напишет через тридцать лет в «Северных элегиях» Анна Ахматова:

Не я одна, но и другие тоже
Заметили, что он подчас умеет
Казаться литографией старинной,
Не первоклассной, но вполне пристойной,
Семидесятих, кажется, годов.

Обостренным вниманием к культурам с ярко выраженными чертами отмечено творчество Осипа Мандельштама. В ряду близких ему тем — ампи́рный Петербург и пушкинский Петербург. Реконструкция образа далекой культуры не превращается у Мандельштама в самоцель, в его стихах намечается диалог культур, сегодняшней и какой-то другой, не похожей на сегодняшнюю, но глубоко с ней связанной.

Над желтизной правительственных зданий
Кружится долго мутная метель,
И правовед опять садится в сани,
Широким жестом запахнув шинель...

Тяжка обуза северного сноба —
Онегина старинная тоска;
На площади Сената — вал сугроба,
Дымок костра и холодок штыка —

так пушкинскую эпоху поэт «сопрягает» с современностью, и потому в его «Петербургских строфах» «чужак Евгений» — это одновременно и пушкинский герой и человек XX в., которому приходится «бензин вдыхать». В своих попытках воссоздать образ Петербурга прошлого Мандельштам не сбивается на стилизацию, он «пробивается к истори-

ческому пониманию своего предмета, тем самым и пушкинской и блоковской традиции русской литературы».⁶⁰

Для Анны Ахматовой Петербург, «город, горькой любовью любимой», «гранитный город славы и беды», не фон для лирических сюжетов, которые разворачиваются в ее стихах, а их необходимое начало:

Оттого, что стали рядом
Мы в блаженный миг чудес,
В миг, когда над Летним садом
Месяц розовый воскрес...

Не только общую атмосферу петербургской жизни передает Ахматова в своих психологических историях, но и конкретный, реальный образ города. Л. Я. Гинзбург вспоминает, что Г. А. Гуковский в свое время заметил: «В стихах о Петербурге всегда упоминалась река — Нева. А вот Ахматова увидела в Петербурге реки, дельту и написала: „Широких рек сияющие льды“...»⁶¹

С давних пор, со времен шестидесятников — Василия Курочкина и Дмитрия Минаева, существовала в русской поэзии сатирическая линия в истолковании петербургской темы. В начале века она была продолжена Демьяном Бедным («Дом») и поэтами журнала «Сатирикон» (Саша Черный, П. Потемкин, В. Горянский, В. Князев).

Социально-нравственная проблематика в трактовке петербургской темы, гротесковые сдвиги в обрисовке персонажей и ситуаций — эти качества резко выделяют поэтические опыты сатирикоповцев. Резкий сатирический «бытовизм» поэтов этой группировки помогал увидеть неожиданное в привычном. Банальная жанровая ситуация, как, например, в стихотворении П. Потемкина «У дворца», иронически подсвеченная, становится яркой и запоминающейся. Этой же цели — обнаружить бессмысленность привычной, механистической, антиэстетической жизни служит фантастика в «Необычайной истории» В. Горянского. В Петербурге, на Невском, на балконе гостиницы вдруг появился и заиграл на арфе Орфей:

Фонтанами голубыми взмыли аккорды,
Солнечная песня на Невском нависла.
И вот автомобильные тупые морды
Вдруг насторожились, полные смысла...

Элементы фантастики, гиперболизации, разговорная манера речи, фамильярность интонации — эти качества поэзии сатирикоповцев были близки Маяковскому. Пример тому — его «Последняя петербургская сказка». Фантастический сюжет: «Трое медных» — император Петр, змей и конь тахо, «чтоб не спугнуть Сенат», спустились с гранита, явились в гостиницу «Астория» и «по карточке спросили гренадин». Поэтический смысл сюжета в том, что на них никто не обратил внимания, никто не удивился такому явлению. Петр становится «узником, закованным в собственном городе», не потому, что враждебные ему силы оказались сильнее его, а потому, что здесь до него никому нет дела.

⁶⁰ Гинзбург Лидия. О лирике. Л., 1974. С. 362.

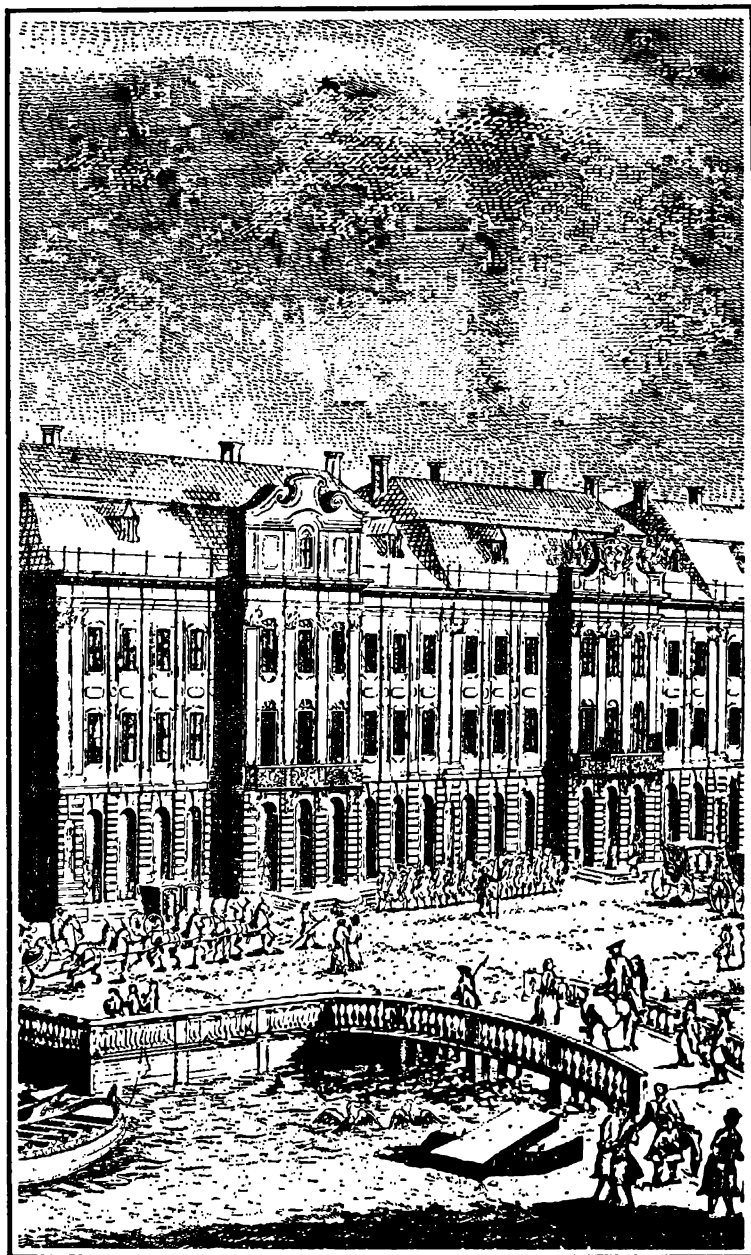
⁶¹ Гинзбург Лидия. Ахматова // Литература в поисках реальности. Л., 1987. С. 126.

Не случайно «пушкинскую» строку «Запирую на просторе я» Маяковский рифмует со словами «Астория», название гостиницы, которая в этом стихотворении становится символом суетной, сытой, пошлой жизни.

Чувство одиочества, которое остается в удел Петру, герою «Последней петербургской сказки», роднит его с лирическим героем раннего Маяковского.

Стихотворения, вошедшие в этот сборник, создавались на протяжении почти двух столетий. В поэтических строках запечатлены различные этапы исторической жизни Петербурга, переданы яркие детали менявшегося от десятилетия к десятилетию облика города. Но не только поэтому стихотворения и поэмы воспринимаются как цельная книга о Петербурге. Поэтические произведения — даже если они создавались в различные исторические эпохи — не просто сосуществуют на этих страницах, они вступают в разнообразные, порой очень сложные, отношения, дополняя друг друга или, наоборот, вступая в спор. Иной и не могла быть книга о судьбе Петербурга. Если в стихотворении речь идет о каких-то частностях петербургской жизни, мы не можем не помнить о главном: об удивительной истории этого города, его особой роли в русской культуре, в жизни нации.

М. В. Отрадин

Антиох Кантемир

1. ПЕТРИДА, ИЛИ ОПИСАНИЕ СТИХОТВОРНОЕ СМЕРТИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО, ИМПЕРАТОРА ВСЕРОССИЙСКОГО

К н и г а I

< >
Уже грозный перввестник претек пропасть бездны,
Уже землю, уж воздух, уж достиг и звездный
Круг, таже, вселенная на лицо пространно
Наведши очи светлы, как ветер, несказанно
Сильный, на северные края опустился,
Там точно, где новый град Петров поселился.
Плоды, суть оружия, свыкшего в победах,
Земля тая, бывшая в долзе у соседах
Подвластна,— на ней же Петр град новый сзидати
Когда начал, и свершил так, что устрашати
Прежде видом сей зачал, неж вести успели
Прийти в мир, что россияцы в Ингрии засели.
Течет меж градом река быстрыми струями,
В пространно тречисленными впадая устами
Море, его же воды берега подмывают
Северных царств, Балтичко древни называют.
Над бреги реки выходят искусством преславным
Домы так, что хоть нов град, ничем хуждши
давным,
И имать любопытно чим бы насладиться
Око; имать и недруг, чего устрашиться:
Шестибочная крепость, в воде водруженна,
Не боится усильства Марса вооруженна,
Но, щитя своих, крепко грозит и смелейшим.
Тут рукой трудился Петр и умом острейшим:
Обобщол искусные древоделов руки
Производят сильные врагам нашим муки,
Растут суды всех родов, и флот, уже страшный

Многим, творят что днєвно наипаче ужасный.
Оттоль вверх, в пряму черту, вельмож непресечны
Пространны зрятя дворы; где же скоротечны
Вторицей в граде струи Нева искривляет,
Деляся в два рамена, тут Петр обитает:
Не пространно жилище, довольно и покою —
Что внешна пышность тому, кто велик душою?
Седяще зде, Петр многим вельмож числом всюду
Окружен, иль обиды, учинены люду,
Испытуя, иль в нуждах, наступить имущих
Народу, способ ища, или в бедности сущих
Награждая, законы счиняя полезны,
Иль обычаи в своих вводя всем любезны;
Не вем точно, что творил; знаю, что пристойны,
Что б ни делал, были б те дела и достойны
Мир весь к удивлению — не едино племя
Россов токмо побудить. Уже царства бремя
Сорало было лицо морщинами прекрасно,
Блистало величество, однак, в очах ясно,
И страшно было зрети вид мужа предивна,
Хоть приятству ни одна черта в нем противна.

< >

1730

Василий Тредиаковский

2. ПОХВАЛА ИЖЕРСКОЙ ЗЕМЛЕ И ЦАРСТВУЮЩЕМУ ГРАДУ САНКТ-ПЕТЕРБУРГУ

Приятный брег! Любезная страна!
Где свой Нева поток стремится к пучине.
О! прежде дєбрь, се коль населена!
Мы град в тебе престольный видим ныне.

Немало зрю в округе я доброт:
Реки твоей струи легки и чисты;
Студен воздѹх, но здрав его есть род:
Осушены почти уж блата мшисты.

Где место ты низвергнуть подала
Врагов своих блаженну Александру,
В трофей и лавр там лавра процвела;
Там почернил багряню ток Скамандру.

Отверзла путь, торжественны врата
К полтавским тем полям сия победа;
Великий сам, о! слава, красота,
Сразил на них Петр равного ж соседа.

Преславный град, что Петр наш основал
И на красе построил толь полезно,
Уж древним всем он ныне равен стал,
И обитать в нем всякому любезно.

Не больше лет, как токмо с пятьдесят,
Отнеле ж все хвалу от удивленной
Ему души со славою гласят,
И честь притом достойну во вселенной.

Что ж бы тогда, как пройдет уж сто лет?
О! вы, по нас идущие потомки,
Вам слышать то, сему коль граду свет,
В восторг пришед, хвалы петь будет громки.

Авзонских стран Венеция, и Рим,
И Амстердам батавский, и столица
Британских мест, тот долгий Лондон к сим,
Париж градам как верьх, или царица, —

Все сии цель есть шествий наших в них,
Желаний вещь, честное наше странство,
Разлука нам от кровнейших своих;
Влечет туда нас слава и убранство.

Сей люб тому, иному — тот из нас:
Как веселил того, другой другого,
Так мы об них беседуем мног час,
И помним, что случилось там драгого.

Но вам узреть, потомки, в граде сем,
Из всех тех стран слетающихся густо,
Смотрящих всё, дивящихся о всем,
Гласящих: «Сей рай стал, где было пусто!»

Явится им здесь мудрость по всему,
И из всего Петрова не в зеркале:
Санкт-Петербург не образ есть чему?
Восстенут: «Жаль! Зиждитель сам жил в мале».

О! боже, твой предел да сотворит,
Да о Петре России всей в отраду,
Светило дня впредь равного не зрит,
Из всех градов, везде Петрову граду.

1752

Александр Сумароков

3. К ДОМИКУ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

В пустынях хижина состроена сия,
Не для затворника состроили ея:
В порфире, с скипетром, с державой и короной
Великий государь имел жилище в оной.
Льзя ль пышный было град сим домом обещать?
Никто не мог того в то время предвещать;
Но то исполнилось; стал город скоро в цвете...
Какой сей домик мал, так Петр велик на свете.

<1756>

Василий Петров

4. ОДА НА ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ КАРУСЕЛЬ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ 1766 ГОДА

Молчите, шумны плесков громы,
Что слышны в Пиндара устах,
Взмущенны прахом ипподромы,
От коих в Тибра стон брегах,
И вы, поторы Олимпийски,
Вы в равенстве стать с оным низки,
Что нам в зефирны дни открыть
Екатериной державы,
Когда среди утех, забавы
В россиян дух геройства лить.

Я странный слышу рев музы́ки!
То дух мой нежит и бодрит;
Я разных зрю народов лики!
То взор мой тешит и дивит;
В порфирах Рим, Стамбул, Индия
И славы под венцом Россия
Открыли мыслям тьму отрад!

И зависть, став вдали, чудится,
Что наш толь весел век катится,
Забыла пить змииный яд.

Отверз Плутон сокровищ недра,
И Пактол златом пролился;
Натура, что родить всещедра,
Ее краса предстала вся:
Сапфиры, адаманты блещут,
Рубин с смарагдом искры мещут
И поражают взор очей.
Низвед зеницы, Феб дивится,
Что в многих толь зеркалах зрится
И утroyет свет лучей.

Убором дорогим покрыты,
Дают мах кони грив на ветр;
Бразды их пеною облиты,
Встает прах вихрем из-под бедр:
На них подвижники избранны
Несутся в путь, песком устланный,
И кровь в предсердии кипит
Душевный дар изнесть на внешность,
Явить нетрепетну поспешность;
Их честь, их царский взор крепит.

< >

1766

Михаил Чулков

5. СТИХИ НА КАЧЕЛИ

< >

Но что еще я зрю? какая это туча?
Великая лежит яиц в народе куча.
С пригорка покатит веселый молодец,
Разбито яйцо, добьет его вконец;
По грязи без скорлуп катают и марают,
Куда же яйца сии употребляют,
О том не знаю я, иль честь имею знать,
Однако не скажу, чтоб их не осмеять;
О вкусе молодцы не рассуждают строго,
В Санкт-Петербурге же воды гораздо много.
Когда с предивных и страшной высоты,

Воззрело солнышко на наши красоты,
Глубокие снега растаяли во граде,
Пастух нам предвестил рожком своим о стаде;
Тогда наполнились канавы все водой,
Одвак не чистою, но грязной и худой;
Увы, любезные цветные епанечки,
Различные фаты, и перстни, и колечки;
Я часто вас видал поверженных в бедах;
Как вы купались в нечистых сих водах;
О рок! о случай злой! чего ты не наносишь.
Ты женщин и мужчин в таких канавах топишь;
Ни лет, ни пола ты не тщишься разбирать,
Старух и стариков дерзаешь погружать;
Ничто того уже не может бытьи хуже,
Как в праздник сей лежать поверженному
в луже;

Однако, весельчак, отваги не теряй,
В грязи ты лежучи, кричи «не замарай».

Восточный Фаетонт на севере явился,
Не в колесницу он, но в одноколку вбился;
Не пламенных коней он правит во эфир,
По улице летит и давит пьяный мир;
Без нужды мычется направо, влево, прямо,
Понятие его не постигает само;
Куда ему поспеть ненадобну нигде,
И поручает он во всем себя судьбе;
Попустит вожжи вниз и даст коню свободу,
На злую пагубу веселому народу;
Слетится Фаетонт с таким же молодцом,
Иль лошадь в стену где хмельной направит
лбом;

Немного припрыгнув, оставит одноколку,
Стремглав он полетит через коневью холку;
Не с неба Фаетонт, но щеголь с двух колес
Хотел по глупости припрыгнуть до небес;
На камнях лежучи, умильно воздыхает
И ток кровавых слез без пользы проливает.
В сем месте пал один, в другом упали три,
Везде падение, куда ни посмотри;
Во время праздников толико Фаетонов,
Колико во стихах негодных Аполлонов.

Василий Рубан

6. НАДПИСИ К КАМНЮ-ГРОМУ, НАХОДЯЩЕМУСЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ, В ПОДНОЖИИ КОННОГО ВЫЛИТОГО ЛИЦЕПОДОБИЯ ДОСТОСЛАВНОГО ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКОГО

I

Умолкни слава днесь Мемфисских Пирамид,
И Обелиски свой сокройте пышный вид;
Се целая гора, с богатствами природы,
Из недр земли ишед, прешла глубоки воды,
В подножие Петру склонила свой хребет,
Да видит зрак сего Монарха целый свет.

II

Колосс Родосский, свой смири кичливый вид,
И Нильских здания высоких Пирамид
Престаньте более считаться чудесами,
Вы смертных бранными соделаны руками,
Нерукотворная здесь Росская гора,
Вняв гласу божию из уст Екатерины,
Прешла во град Петров, чрез Невские пучины
И пала под стопы Великого Петра.

III

По правде сказано, что сей есть Камень-гром,
Он громок славою век будет со Петром,
Провозгремят о нем повсюду грома лирны,
И будет он вмещен во Чудеса Всемирны.

1770?

7. ПОСЛАНИЕ К СЛУГАМ МОИМ
ШУМИЛОВУ, ВАНЬКЕ И ПЕТРУШКЕ...

< >
Москва и Петербург довольно мне знакомы;
Я знаю в них почти все улицы и дома.
Шатаюсь по свету и вдоль и поперек,
Что мог увидеть, я того не простерег.
Видал и трусов я, видал я и нахалов,
Видал простых господ, видал и генералов;
А чтоб не завести напрасный с вами спор,
Так знайте, что весь свет считаю я за вздор.
Довольно на веку я свой живот помучил,
И ездить назади я истинно наскучил.
Извозчик, лошади, карета, хомуты
И все, мне кажется, на свете — суеты.
Здесь вижу мотовство, а там я вижу скупость;
Куда ни обернусь, везде я вижу глупость.
Да сверх того еще заметил я, что свет
Столь много времени неправдою живет,
Что нет уже таких кашеев на примете,
Которы б истину запомнили на свете.
Попы стараются обманывать народ,
Слуги — дворецкого, дворецкие — господ,
Друг друга — господа, а знатные бояря
Нередко обмануть хотят и государя;
И всякий, чтоб набить потуже свой карман,
За благо рассудил приняться за обман.
До денег лакомы посадские, дворяне,
Судьи, подьячие, солдаты и крестьяне.
Смиренны пастыри душ наших и сердец
Изволят собирать оброк с своих овец.
Овечки женятся, плодятся, умирают,
А пастыри притом карманы набивают.
За деньги чистые прощают всякий грех,
За деньги множество в раю сулят утех.
Но если говорить на свете правду можно,
То мнение мое скажу я вам неложно:
За деньги самого всевышнего творца
Готовы обмануть и пастырь и овца!
Что дурен здешний свет, то всякий понимает

Нева из урны чуть мелькала,
Чуть Бельт в берегах своих сверкал;
Природа, в тишину глубоку
И в крепком погруженна сне,
Мертва казалась слуху, оку
На высоте и в глубине;
Лишь веяли одни зефиры,
Прохладу чувствам принося.

< >

1783—1784

10. ШЕСТВИЕ ПО ВОЛХОВУ РОССИЙСКОЙ АМФИТРИТЫ

Что сияет от заката
В полночь полудневный свет?
Средь багряна сткляна злата
Кто по Волхову плывет?
Полк тритонов трубит в трубы;
Рыб на дне сребрится бег;
Пляшут холмы, скачут дубы,
С плеском рук бежит вслед брег,
И шумят струи жемчужны?

Посидон ли с Амфитритой
Озирает ход то рек,
Чтоб, судами став покрытой,
Он довольство всюду влек?
Иль Прекраса перевозит
В Выбудцк Игоря в ладе,
Огонь к себе любви в нем множит,
Жжет и сердце им свое?
Сколь красы с геройством дружны!

Нет, не древних див картина
Удивляет смертных взгляд;
Шествует Екатерина
Со Георгом в Петроград!
Ладогона зрю сурова,
Снегоблещущи власы
Он, взбугря чела седого
Из-под длани, на красы
Взор стремится звезды полночной.

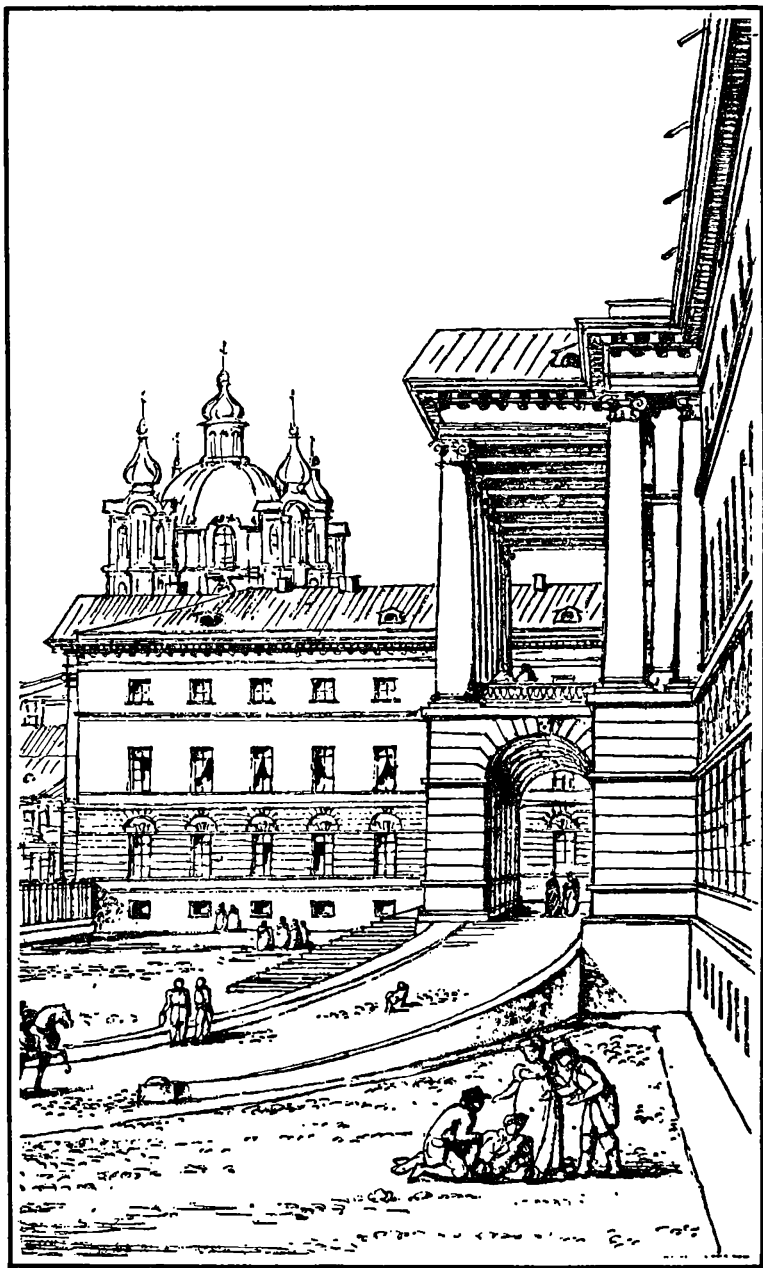
«Как, — гласит, — Екатерина!
Вновь мне блещет божество?
Имя, весть о ней едина
Мне восторг и торжество!»
Рек — и, взор к прекрасной дщери
Ослабляя, подал знак,
Чтоб ее весть понта в двери, —
И Нева, преклонши зрак,
В град ведет преузорочный.

Петрополь встает навстречу;
Башни всходят из-под волн.
Не Славенска внемлю вечу,
Слышу муз афинских звон.
Вижу, мраморы, граниты
Богу взносятся на храм;
За заслуги знамениты
В память вóждям и царям
Зрю кумиры изваянны

Вижу, Севера столица
Как цветник меж рек цветет, —
В свете всех градов царица,
И ее прекрасней нет!
Бельт в безмолвии зеркало
Держит пред ее лицом,
Чтобы прелестьми блистало
И вдали народам всем,
Как румяный отблеск зарьный.

Вижу лентии летучи
Разноцветны по судам;
Лес пришел из мачт дремучий
К камнетесаным брегам.
Вижу пристаней цепь, зданий,
Торжищ, стогнов чистоту,
Злачных рощ, путей, гуляний
Блеск, богатство, красоту,
Красоте царя подобну.

< >

Михаил Муравьев

11. БОГИНЕ НЕВЫ

Протекай спокойно, плавно,
Горделивая Нева,
Государей зданье славно
И тенисты острова!

Ты с морями сочетаешь
Бурны росски озерá
И с почтеньем обтекаешь
Прах великого Петра.

В недре моря Средиземна
Нимфы славятся твои:
До Пароса и до Лемна
Их промчались струи.

Реки гречески стыдятся,
Вспоминая жребий свой,
Что теперь на них глядятся
Бостанжи с Кизляр-агой;

Между тем как резвых граций
Повторяешь образ ты,
Повергая дани наций
Пред стопами Красоты.

От Тамизы и от Тага
Стая мчится кораблей,
И твоя им сродна влага
Расстиляется под ней.

Я люблю твои купальни,
Где на Хлоиных красах
Одеянье скромной спальни
И амуры на часах.

Полон вечер твой прохлады,
Берег движется толпой,
Как волшебной серенады,
Слух наносится волной.

Ты велишь сойти туманам:
Зыби кроет тонка тьма,
И любовничьим обманам
Благосклонствуешь сама.

В час, как смертных препроводишь,
Утомленных счастьем их,
Тонким паром ты восходишь
На поверхность вод своих.

Быстрой бегом колесницы
Ты не давишь гладких вод,
И сирены вокруг царицы
Поспешают в хоровод.

Въявь богиню благосклонну
Зрит восторженный пиит,
Что проводит ночь бессонну,
Опершися на гранит.

1794

Семен Бобров

12. ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ДЕНЬ СТОЛЕТИЯ ОТ ОСНОВАНИЯ ГРАДА СВ. ПЕТРА* МАЙЯ 16 ДНЯ 1803

Кто там, подобная деннице
В венце горящем над главой,
В величественной багрянице
Блится в славе над *Невой*?
Столетня юность с красотою,
С улыбкой важность в ней цветет;
В деснице дань она несет
Богopodobному Герою.
Не призрак ли я зрю теперь?
Нет — зрю *Петрополя* я дочь.

* Известно, что С.-Петербург заложен в начале прошлого века, т. е. 703 года, на таком месте, где по низкой и топкой почве казалось бы невозможным построение столь прекрасного города, каков он ныне. (Прим. авт.).

«Сто лет, потомки восхищенны! —
Так дочь престольна вопиет, —
Сто лет уже, как град священный
Возник из тьмы ничтожной в свет.
И кто? какой сей дух небесный,
Дух приснопамятный в веках,
Одушевя недвижимый прах,
Воздвигнул стены толь чудесны?
Немрод? — Орфей? — иль Озирид?
Нет — *Петр*, полночный наш Алкид».

< >

Дивятся царства изумленны,
Что столь огромный сей колосс,
На зыбкой персти утвержденный,
Через столетие возрос.
Вселенной чудо, храм Дианы
Для блеска и твердыни сил
Три века с золотом поглотил;
А здесь не храм — но град державный,
Престол полмира, через век
На степень доблести востек.

Гордящась чистыми струями,
Препоясующа сей град
Нева, чуждаясь меж стенами,
Мне мнится, хочет течь назад;
Чело зелено воздымая
Из-под волнистых кровов вод
И разверзая влажный свод,
Недоумеет, взор вращает.
Вдруг глас раздался волновой,
И гул помчался над водой:

«Как? стены предо мною ныне!
Ужель в стенах бегут струи?
Мне кажется, в иной долине
Пустынны я вела край.
Доселе сосна, ель тенисты
Гляделися в моих водах;
Досель теснились в жидкий прах
Граниты стропотны, лесисты,
Где волчий взор в дубраве рдел,
Как огонь в зелену ночь горел.

А ныне там, где скромно кралась
Рыбачьи челны близ берегов,
С бесценным бременем помчались
Отважны сонмища судов.
Ермий, сей купи вождь, со славой
Развешивая легкий флаг,
Меж полюсами на зыбях
Летит с гордыней величавой,
Летит то с севера на юг,
То с запада в восточный круг.

Досель страшились робки боты
Предать себя речным водам,
А ныне ополченны флоты
С отвагой скачут по морям;
Кипящу бездну рассекают,
Хребет царя морей нагнув,
И, звучны своды вод давнув,
Пучину славой наполняют.
Но кто виновник их побед? —
Сей *ботик**, — их почтенный дед...

Доселе, дебри где дремали,
Там убран сад, цветет лицей;
Где мертвенны утесы спали,
Там, из могилы встав своей,
Скудели в зданиях багреют;
Где ил тонул под серым мхом,
Там прынул водомет серебром;
Там куполы в огне краснеют;
Там стогны в мрачну даль идут
Или стражницы твердь секут.

Бессмертный! Кто тебе подобен!
Зевесов иль *Филлипов* сын
С тобой равняться б был удобен
Иль *Цезарь*, римский исполин!
Их памятник — бесчеловечность;
А ты — урок дал естеству, .
Как ты подобен божеству;

* Сей ботик был выставлен на стопушечном в тот день корабле в воспоминание того, что он первый подал великому государю великую мысль о флоте за сто лет назад. (*Прим. авт.*)

Ты пройдешь целу славы вечность,
Подобно как *Нева* меж рек», —
Рек *невский* гений и потек.

Так, россы! — зрите ль, что вершины
Надменных гор перед *Петром*
Поникнувши легли в долины
И пали в страхе ниц челом,
А тамо, где долина крылась,
Возникнул холм, напружа дол,
И холм в блестящу твердь взошел?
Так точно *гордость* низложилась,
А дар души из тьмы воззван,
Ценен, — возвышен, — осиян.

Се там хранилища закона
В священном ужасе стоят!
Се там *Паллады*, *Аполлона*
И муз святилища блестят,
Где усмирял он древню дикость
И злобу стер, где змий шипел,
Где самый рок он одолел,
Открыл души своей великость
И все, едва не все возмог,
Как полпланеты полубог.

Се *храмина**, чертог законов,
Отколе боголепный глас
Решил судьбину миллионов;
Отколе не единый раз
Пылал перун, сопутник славы,
Карал вражду внутри и вне;
Отколь престолам, — царствам, — мне, —
Векам — твердилися уставы!
Се славы колыбель! о россы!
Чудись, как в славе ты возрос!

О Первый Петр! во всем ты первый,
Хоть кратко факел твой светил;
Но твой праправнук, внук *Минервы*,
В себе его возобновил;
А ты, — ты в климатах безвестных;

* Известный всем домик Петра Великого. (Прим. авт.)

Се гроб! — тут спит твой прах;
Тут торжествую — во слезах.
Ужасна тень! — зри с гор небесных!
Се дань на гроб сердца кладут!
И благодарны слезы льют!

Но, о премудрый основатель!
Одних ли сих творец ты стен?
Одних ли сих чудес ты здатель?
Народ тобою сотворен;
Народ — трофеем в трофеях главный!
А ты — России всей творец.
О росс! благословляй венец
Петровых стен столетья славный!» —
Так *дщерь Петрополя* рекла
И жертву с страхом воздала.

1803

Иван Борн

13. НА СЛУЧАЙ НАВОДНЕНИЯ 27 СЕНТЯБРЯ 1802 ГОДА, В НОЧИ

Скажи, зачем, о гневный Посидон!
Идешь на брань?
Се славный град Петров — не Илион,
Забывший дань.
Не слышишь стон, взносящийся до звезд,
Отчаянных,
Не видишь слез отцовских и невест
О избранных.
Явись, явись, прекрасный Дидимей!
За мраком сим
В лучах своих спасительных излей
Отраду им.

1803

14. ТАВРИЧЕСКОЙ САД

Сад Таврической прекрасной!
Как люблю в тебе я быть,
Хоть тоски моей ужасной
И не можешь истребить.

Только лишь одной природы
Ты имеешь красоты,
Просто все в тебе: и воды,
И деревья, и цветы.

Просто все в тебе и мило,
Для меня ты лучший сад.—
Как приятно и уныло
Твой, лиясь, шумит каскад!

Ах! на травке на зеленой
Как люблю я здесь сидеть,
Дух имея утомленной,
На струи в слезах глядеть.

Ах! как временем вечерним
Хорошо в тебе гулять
По тропинкам искривленным
И о милом помышлять.

Как в тебе я ни бываю,
И как много ни хожу,
Только им лишь мысль питаю,
Но его не нахожу.

Он меня не повстречает
Никогда в аллеях сих,
Вздохов он не примечает
И не видит слез моих.

Сад Таврической прекрасной!
Нету мне в тебе утех,
Но зато в тебе несчастной
Можно плакать без помех.

Денис Давыдов

15. МОЯ ПЕСНЯ

Я на чердак переселился:
Жить выше, кажется, нельзя!
С швейцаром, с кучером простился
И повара лишился я.
Толпе заимодавцев знаю
И без швейцара дать ответ;
Я сам дверь важно отворяю
И говорю им: дома нет!

В дни праздничные для катанья
Готов извозчик площадной,
И будуар мой, зала, спальня
Вместились в горнице одной.
Гостей искусно принимаю:
Глупцам — показываю дверь,
На стул один — друзей сажаю,
А миленькую... на постель.

Мои владенья необъятны:
В окрестностях столицы сей
Все мызы, где собранья знатны,
Где пир горой, толпа людей.
Мои все радости — в стакане,
Мой гардероб лежит в ряду,
Богатство — в часовом кармане,
А сад — в Таврическом саду.

Обжоры, пьяницы! хотите
Житье-бытье мое узнать?
Вы слух на песнь мою склоните
И мне старайтесь подражать.
Я завтрак сытный получаю
От друга, только что проснусь;
Обедать — в гости уезжаю,
А спать — без ужина ложусь.

О богачи! не говорите,
Что жизнь несчастлива моя.
Нахальству моему простите,
Что с вами равен счастьем я.

Я кой-как день переживаю —
Богач роскошно год живет...
Чем кончится? И я встречаю,
Как миллионщик, новый год.

1811

Анна Бунина

16. МАЙСКАЯ ПРОГУЛКА БОЛЯЩЕЙ

< >

Тщетно веете, зефиры!
Тщетно, соловей, поешь!
Тщетно с запада златого,
Солнце! мещешь кроткий луч
И, Петрополь позлащая,
Всю природу веселишь!
Чужды для меня веселья!
Не делю я с вами их!
Солнце не ко мне сияет, —
Я не дочь природы сей.

Свежий ветер с Невы вдруг дунул:
Побежим! он прохладит.
Дай мне челн, угрюмый кормчий!
К ветрам в лик свой путь направь.
Воды! хлыньте дружно с моря!
Вздуйте синие бугры!
Зыбь на зыби налегая,
Захлестни отважный челн!
Прохлади мне грудь иссохшу,
Жгучий огонь ее залей.
Туча! упади громами!
Хлябь! разверзись — поглоти...

Но все тихо, все спокойно:
Ветр на ветвях уснул,
Море гладко, как зеркало;
Чуть рябит в Неве струи;
Нет на небе туч свирепых;
Облак легких даже нет,
И по синей, чистой тверди
Месяц с важностью течет.

1812

Алексей Мерзляков

17. К МОНУМЕНТУ ПЕТРА ВЕЛИКОГО В ПЕТЕРБУРГЕ

На пламенном коне, как некий бог, летит:
Объемлют взоры всё, и длань повелевает;
Вражды, коварства змей, растоптан, умирает;
Бездушная скала приемлет жизнь и вид,
И росс бы совершен был новых дней в начале,
Но смерть рекла Петру: «Стой! ты не бог,—
не дале!»

1815

Николай Гнедич

18. РЫБАКИ

Идиллия

Часть вторая

Уже над Невюю сияет беззнойное солнце;
Уже вечерет; а рыбаля нет молодого.
Вот солнце зашло, загорелся безоблачный запад;
С пылающим небом слясь, загорелося море,
И пурпур и золото залили роци и дома.
Шпиц тверди Петровой, возвышенный, вспыхнул
над градом,
Как огненный столп, на лазури небесной играя.
Угас он; но пурпур на западном небе не гаснет;
Вот вечер, но сумрак за ним не слетает на землю;
Вот ночь, а светла синевою одетая дальность;
Без звезд и без месяца небо ночное сияет,
И пурпур заката сливается с златом востока;
Как будто денница за вечером следом выводит
Румяное утро.— Была то година златая,
Как летние дни похищают владычество ночи;
Как взор иноземца на северном небе пленяет
Слиянье волшебное тени и сладкого света,
Каким никогда не украшено небо полудня;
Та ясность, подобная прелестям северной девы,
Которой глаза голубые и алые щеки
Едва отеняются русыми локонов волнами.
Тогда над Невой и над пышным Петрополем видят

Без сумрака вечер и быстрые ночи без тени;
 Как будто бы новое видят беззвездное небо,
 На коем покоится незаходимый свет солнца;
 Тогда Филомела полночные песни лишь кончит,
 И песни заводит, приветствуя день восходящий.
 < >

1821

Александр Бестужев-Марлинский

19. ПОДРАЖАНИЕ ПЕРВОЙ САТИРЕ БУАЛО

Бегу от вас, бегу, петропольские стены,
 Сокроюсь в мрак лесов, в пещеры отдаленны,
 Куда бы не достиг коварства дикий взор
 Или судей, писцов и сыщиков собор.
 Куда бы ни хвастун, ни лжец не приближался,
 Где б слух ни ябедой, ни лестью не терзался.
 Бегу!.. Я вольности обрел златую нить.
 Пусть здесь живет Дамон,— он здесь умеет жить.
 За деньги счастья нередким став примером,
 Он из-за стойки в год возникнул кавалером.
 Пусть Клит живет, его коммерчески дела
 Французов более нам причинили зла.
 Иль Граблев, коего бесчинства всем знакомы,
 Ивана Каина могли б умножить томы,
 Иль доблестный одной дебелистью Нарцисс
 Пускай меняет здесь сиятельных Лаис.
 Пусть к пагубе людей с друзьями записными
 Понт счастье пригвоздил за картами своими.
 Пусть Грей, любя одни российские рубли,
 Катонам рядится отеческой земли
 И с четками в руках твердит: «Чтоб жить безбедно,
 Нам щит — невежество, нам просвещение вредно».
 Таким людям житье в продажной стороне.
 Но мне здесь жить? К чему? И что здесь делать
 мне?
 Могу ль обманывать? Могу ли притворяться?
 Нет! Чтоб возвыситься — постыдно пресмыкаться!
 Свободен мыслию, хоть скованный судьбой,
 Не променяюсь я за выгоды душой.
 Не захочу, на крест иль чин имея виды,

Смывать забвением вельможные обиды
Иль продавать назло и вкусу и ушам
Тому, кто боле даст, стиховный фимиам!
Служить любовникам не ведаю искусства
И знатных услаждать изношенные чувства;
Я отдаю товар, каков он есть, лицом:
Осла ослом зову, Бибриса — подлецом.
За то гоним, презрен, забыт, в несчастной доле.
Богат лишь бедностью, скитаюсь в Петрополе.
«Скажи, к чему теперь, — я слышу, говорят, —
Слинявший мудрости цинический наряд?
Сей добродетели Обуховской больницы
Давно в помине нет у жителей столицы.
Высокомерие здесь — титул богачам,
А гибкость, рабство, лесть приличны беднякам.
Сим только способом бессребренны поэты
Исправить могут зло их мачехи-планеты».

.

Как? Чтобы я, сменив корысть на похвалы,
В дедале крючкотворств бессмысленных блуждая
И звоном золота невинность заглушая,
Для сильных стал весы Фемиды уклонять,
По правде белое — по форме черным звать?
И в справках вековых, в сношениях напрасных
Бесстыдно волочить просителей несчастных?
Скорей, чем эта мысль мне в голову придет,
В июне месяце Неву покроет лед,
Скорей луна светить в подлунную устанет,
Вралев писать стихи, злословить Клит устанет,
И Трусова скорей увидят храбрецом,
Чем я решусь сидеть в палатах за столом.
Почто же медлить здесь? Оставим град развратный,
Не добродетелью — лишь зданиями знатный,
Где дерзостный порок деяний всех вождем,
Заслуги с счастьем нейдут одним путем,
Коварство кроется в куреньях тонкой лести,
Где должно почести купить ценою чести,
Где под личиною закона изувер
В почтеньи, истину скрывая тьмой химер,
Где гнусные ханжи и набожны прелесты
Ниноны дух таят под покрывалом Весты,
Где роскоши одной не прегражден успех.

Науки ж, знание в презрении у всех
И где к их пагубе взнесли чело строптиво
Искусства: красть умно и угнетать учтиво,
Где незаконно все — и мне велят молчать!
Но можно ли с душой холодной ободрять
Столичных жителей испорченные нравы?
И кто в улику им, путь указуя правый,
Не изольет свой гнев в бесхитростных стихах?
Нет! Чтоб сатирую вливать в порочных страх,
Не нужно кротких муз ждать вдохновенья с неба,—
Гнев справедливости, конечно, стоит Феба.
«Потише,— вопиют,— вотще и остроты,
И град блестящих слов пред ними сыплешь ты.
Взойди на кафедру, шуми с профессорами
И стены усыпляй моральными речами.
Там — худо ль, хорошо ль — все можно говорить».
Так, мня грехи свои насмешками прикрыть,
Смеются многие над правдою и мною,
И, с ложным мужеством под ранней сединою,
Чтоб в бога веровать, ждут лихорадки в дом,
Но бледны, трепетны, внимая дальний гром,
Скучают небесам безверными мольбами.
А в ясны дни, смеясь над бедными людьми,
«Терпите,— думают,— лишь было б нам легко:
Далеко от царя, до бога высоко!»
Но я, уверен быв, что для самой Фортуны
Хоть дремлют, но не спят каратели-перуны,
От разращения спешу себя спасти.
Роскошный Вавилон, в последнее: прости!

1819

Кондратий Рылеев

20

Давно мне сердце говорило:
Пора, младый певец, пора,
Оставив шумный град Петра,
Лететь к своей подруге милой,
Чтоб оживить и дух унылый,
И смутный сон молодой души
На лоне неги и свободы,

И расцветающей природы
Прогнать с заботами в тиши.
Настал желанный час — и с тройкой
Извозчик ухарской предстал,
Залился колокольчик звонкой —
И юный друг твой поскакал...
Едва заставу Петрограда
Певец унылый миновал,
Как разлилась в душе отрада,
И я дышать свободней стал,
Как будто вырвался из ада...

1821

Федор Глинка

21. КАРТИНЫ*. ПАРОХОД. ПЛАВАНЬЕ ДНЕМ. ЧЕРТЫ ОСВЕЩЕНИЯ И ПРАЗДНИКА. НОЧЬ В КАЮТЕ И УТРО НА ПАРОХОДЕ

I

ПЛАВАНЬЕ ДНЕМ

Все взморье — серебро литое!
Погодный день! — и солнце золотое
Глубоко в зеркале воды горит!
Уж Петербург от нас, как пышный сон, бежит:
Чуть видны острова с зелеными елями,
И дома с флагами, и башни со шпилями...
На левом берегу мелькает монастырь,
И *мыза Стрельная* с дворцом своим белеет;
Кругом по берегам то дачи, то пустырь;
Вдали *Кронштадт* и *Сестрорецк* синееет...
Спокойствие... погода... тишина,
И стекловидная поверхность вод яснееет,
Как ясный слог *Карамзина*,
Как верная земных событий повесть,
Как, в чувстве правоты, светлеющая совесть...
Наш пароход — особый мир!

* Главные черты сих картин, для верности записанные на месте.
(Прим. авт.)

Тут люди разных стран, чинов и разной веры:
Калмык и жид, красавицы и офицеры;

Играет музыка — как званый пир!

Близ нас и мимо нас беспечно реют челны;

За нами синие веревкой вьются волны...

Неясных дум и ясной веры полный,

Я думал: будь земля — огромный пароход,

Будь пассажир — весь смертных род,—

Друзья! спокойно плыть и в беспокойстве вод!

Откинем страх: тут правит пароходом

Уж лучше Берда кто-нибудь!

(Но Берду все и честь и слава!)

Итак — спокоен, смертный, будь!

Будь жизнь — доверенность, и будет путь — забава!

Не унывай! по-детски веселись!

И, доброе дитя, отцу добра молись!

Не рабствуй суете — крепись!

Без воли кормчего твой не погибнет волос,—

С такой надеждою — вся жизнь игра!..

Покуда с палубы раздастся звонкий голос:

«Вот пристань, господа, гулять в саду пора!»

1825

22. ПЕСНЬ УЗНИКА

Не слышно шуму городского,

В заневских башнях тишина!

И на штыке у часового

Горит полночная луна!

А бедный юноша! ровесник

Младым цветущим деревьям,

В глухой тюрьме заводит песни

И отдает тоску волнам!

«Прости, отчизна, край любезный!

Прости, мой дом, моя семья!

Здесь за решеткою железной —

Уже не свой вам больше я!

Не жди меня отец с невестой,

Снимай венчальное кольцо;

Застынь мое навеки место;

Не быть мне мужем и отцом!

Сосватал я себе неволю,
Мой жребий — слезы и тоска!
Но я молчу, — такую долю
Взяла сама моя рука.

Откуда ж придет избавленье.
Откуда ждать бедам конец?
Но есть на свете утешенье
И на святой Руси отец!

О русский царь! в твоей короне
Есть без цены драгой алмаз.
Он значит — милость! Будь на троне,
И, наш отец, помилуй нас!

А мы с молитвой крепкой к богу
Падем все ниц к твоим стопам;
Велишь — и мы пробьем дорогу
Твоим победным знаменам».

Уж почь прошла, с рассветом в злате
Давно день новый засиял!
А бедный узник в каземате —
Всё ту же песню запевал!

1826

23. <СТИХИ О БЫВШЕМ СЕМЕНОВСКОМ ПОЛКУ>

Была прекрасная пора:
Россия в лаврах, под венками,
Неся с победными полками
В душе — покой, в устах — «ура!»,
Пришла домой и отдохнула.
Минута чудная мелькнула
Тогда для города Петра.
Окончив полевые драки,
Носили офицеры фраки,
И всякий был и бодр, и свеж,
Пристрастье к форме пригасало,
О палке и вестей не стало,
Дремал парад, пустел манеж...
Зато солдат, опрятный, ловкий,
Всегда учтив и сановит.

Уж принял светские уловки
 И правов европейских вид...
 Но перед всеми отличался
 Семеновский прекрасный полк.
 И кто же тогда не восхищался,
 Хваля и ум его, и толк,
 И человеческие манеры?
 И молодые офицеры,
 Давая обществу примеры,
 Являлись скромно в блеске зал.
 Их не манил летучий бал
 Бессмысленным кружебным шумом:
 У них чело яснилось думой,
 Из-за которой ум сиял...
 Влюбившись от души в науки
 И бросив шпагу спать в ножнах,
 Они в их дружеских семьях
 Перо и книгу брали в руки,
 Сгибаясь, по служебном дне,
 На поле мысли, в тишине...
 Тогда гремел звучней, чем пушки,
 Своим стихом лицейский Пушкин,
 И много было... Все прошло!
 Прошло и уж невозвратимо!
 Все бурей мутною снесло,
 Промчалось, прокатило мимо...
 И сколько, сколько утекло
 Волною пасмурной, печальной
 (И здесь, и по России дальней)
 В реках воды, а в людях слез,
 И сколько пережито гроз!
 < >

1856

Евгений Баратынский

24. ПОСЛАНИЕ К Б(АРОНУ) ДЕЛЬВИГУ

Где ты, беспечный друг? где ты, о Дельвиг мой,
 Товарищ радостей минувших,
 Товарищ ясных дней, недавно надо мной
 Мечтой веселою мелькнувших?

Ужель душе твоей так скоро чуждым стал
Друг отлученный, друг далекой,
На финских берегах, между пустынных скал,
Бродящий с грустью одинокой?

Где ты, о Дельвиг мой! ужель минувших дней
Лишь мне чувствительна утрата,
Ужель не ищешь ты в кругу своих друзей
Судьбой отторженного брата?

Ты помнишь ли те дни, когда рука с рукой,
Пылая жаждой сладострастья,
Мы жизни вверились и общею тропой
Помчались за мечтою счастья?

«Что в славе? что в молве? на время жизнь дана!» —
За полной чашей мы твердили
И весело в струях блестящего вина
Забвенье сладостное пили.

И вот сгустилась ночь, и всё в глубоком сне —
Лишь дышит влажная прохлада;
На стогнах тишина! сияют при луне
Дворцы и башни Петрограда.

К знакомцу доброму стучится Купидон, —
Пусть дремлет труженик усталый!
«Проснися, юноша, отвергни, — шепчет он, —
Покой бесчувственный и вялый.

Взгляни! ты видишь ли: покинув ложе сна,
Перед окном, полуодета,
Томленья страстного в душе своей полна,
Счастливец ждет моя Лилета?»

Толпа безумная! напрасно ропщешь ты!
Блажен, кто легкою рукою
Весной умел срывать весенние цветы
И в мире жил с самим собою;

Кто без уныния глубоко жизнь постиг
И, равнодушием богатый,
За царство не отдаст покоя сладкий миг
И наслажденья миг крылатый!

Давно румяный Фэб прогнал ночную тень,
Давно проснулись заботы,
А баловня забав еще поконт лень
На ложе неги и дремоты.

И Лила спит еще; любовьию горят
Младые свежие ланиты,
И, мнится, поцелуй сквозь тонкий сон манят
Еу уста полуоткрыты.

И где ж брега Невы? где чаш веселый стук?
Забут друзьями друг заочный,
Исчезли радости, как в вихре слабый звук,
Как блеск зарницы полуночной!

И я, певец утех, пою утрату их,
И вокруг меня скалы суровы,
И воды чуждые шумят у ног моих,
И на ногах моих оковы.

1820

25. ПИРЫ

< >
Меж тем одним ли богачам
Доступны праздничные чаши?
Немудрены пирушки наши,
Но не уступят их пирам.
В углу безвестном Петрограда,
В тени деревьев, во мраке сада,
Тот домик помните ль, друзья,
Где наша верная семья,
Оставя скуку за порогом,
Соединялась в шумный круг
И без чинов с румяным богом
Делила радостный досуг?
Вино лилось, вино сверкало;
Сверкали блески острых слов,
И веки сердце проживало
В немного пламенных часов.
Стол покрывала ткань простая;
Не восхищались на нем
Мы ни фарфорами Китая,
Ни драгоценным хрусталем;

И между тем сынам веселья
 В стекло простое бог похмелья
 Лил через край, друзья мои,
 Свое любимое Аи.
 Его звездащаяся влага
 Недаром взоры веселит:
 В ней укрывается отвага,
 Она свободою кипит,
 Как пылкий ум, не терпит плена,
 Рвет пробку рзвою волной,
 И брызжет радостная пена,
 Подобье жизни молодой.
 Мы в ней заботы потопляли,
 И средь восторженных затей
 «Певцы пируют! — восклицали, —
 Слепая чернь, благоговей!»
 < >
 Чему же веру мы дадим?
 Пирам! В безжизненные лета
 Душа остылая согрета
 Их утешением живым.
 Пускай навек исчезла младость —
 Пируйте, други: стуком чаш
 Авось приманенная радость
 Еще заглянет в угол наш.

1820

Евгений Баратынский,
Антон Дельвиц

26

Там, где Семеновский полк, в пятой роте, в домике
низком,
 Жил поэт Баратынский с Дельвигом, тоже поэтом.
 Тихо жили они, за квартиру платили немного,
 В лавочку были должны, дома обедали редко.
 Часто, когда покрывалось небо осеннею тучей,
 Шли они в дождик пешком, в папталонах трикотовых,
тонких,
 Руки спрятав в карман (перчаток они не имели!),
 Шли и твердили, шутя: «Какое в россиянах чувство!».

1819

66

Антон Дельвиг

27. К Е〈ВГЕНИЮ〉

Ты в Петербурге, ты со мной,
В объятьях друга и поэта!
Опять прошедшего мы лета,
О трубадур веселый мой,
Забавы, игры воскресили;
Опять нас ветвями покрыли
Густые рощи островов
И припяла на шумны волны
Нева и братьев и певцов.
Опять веселья, жизни полный,
Я счастлив радостью друзей;
Земли и неба житель вольный
И тихой жизнью довольный,
С беспечной музою моей
Друзьям пою: любовь, похмелье
И хлопотливое безделье
Удалых рыцарей стола,
За коим шалость и веселье,
Под звон блестящего стекла,
Пьют, бокалы осушают
И громким смехом заглушают
Часов однообразный бой.
〈 〉

1821

Петр Вяземский

28. ПЕТЕРБУРГ

(Отрывок)

(1818 года)

Я вижу град *Петров*, чудесный, величавый,
По манию Петра воздвигшийся из блат,
Наследный памятник его могущей славы,
Потомками его украшенный стократ!
Повсюду зрю следы великия державы,
И русской славою след каждый озарен.
Се Петр, еще живой в меди красноречивой!

Под ним полтавский конь, предтеча горделивый
Штыков сверкающих и веющих знамен.
Он царствует еще над созданным им градом,
Приосеня его державною рукой,
Народной чести страж и злобе страх немой.
Пускай враги дерзнут, вооружаясь адом,
Нести к твоим брегам кровавый меч войны,
Герой! Ты отразишь их неподвижным взглядом,
Готовый пасть на них с отважной крутизны.
Бегут — и где они? — <и> снежные сугробы
В пустынях занесли следы безумной злобы.
Так, Петр! ты завещал свой дух сынам побед,
И уstraшенный враг зрел многие Полтавы.
Питодец твой, громов метатель двоеглавый,
На поприще твоём расширил свой полет.
Рымникский пламенный и Задунайский твердый!
Вас здесь согражданин почитит улыбкой гордой.

Но жатвою ль одной меча страна богата?
Одних ли громких битв здесь след запечатлен?
Иные подвиги, к иным победам ревность
Поведает нам глас красноречивых стен,—
Их юная краса затмить успела древность.
Искусство здесь везде вело с природой брань
И торжество свое везде знаменовало;
Могущество ума — мятеж стихий смиряло,
И мысль, другой Алкид, с трудов взыскала дань.
Кто славе из пелен Россия возмужала,
И из безвестной тьмы к владычеству пришла.
Так ты, о дщерь ее, как магием жезла,
Честь первенства, родясь в столицах, восприяла.
Искусства Греции и Рима чудеса —
Зрят с дивом над собой полночны небеса.
Чертоги кесарей, сады Семирамиды,
Волшебны острова Делоса и Киприды!
Чья смелая рука совокупила вас?
Чей повелительный, назло природе, глас
Содвинул и повлек из дикия пустыни
Громады вечных скал, чтоб разостлать твердыши
По берегам твоим, рек северных глава,
Великолепная и светлая Нева?
Кто к сим брегам склонил торговли алчной крылья,
И стаи кораблей, с дарами изобилья,
От утра, вечера и полдня к нам пригнал?

Кто с древним Каспием Бельт юный сочетал?
Державный дух Петра и ум Екатерины
Труд медленных веков свершили в век единый.
На Юге меркнул день — у нас он рассветал.
Там предрассудков меч и светоч возмущенья
Грозилась ринуть в прах святыню просвещенья.
Убежищем ему был Север, и когда
В Европе зарево крамол зажгла вражда,
И древний мир вспылал, склонясь печальной выей,—
Дух творческий парил над юною Россией
И мощно влек ее на подвиг бытия.
Художеств и наук блестящая семья
Отечеством другим признала нашу землю.
Восторгом смелый путь успехов их объемлю
И на рассвете зрю лучи златого дня.
Железо, покорясь влиянию огня,
Здесь легкостью дивит в прозрачности ограды,
За коей прячется и смотрит сад прохлады.
Полтавская рука сей разводила сад!
Но что в тени его мой привлекает взгляд?
Вот скромный дом, ковчег воспоминаний славных!
Свидетель он надежд и замыслов державных!
Здесь мыслил Петр об нас. Россия! здесь твой храм.
О, если жизнь придать бесчувственным стенам
И тайны царских дум извлечь из хладных сводов,
Какой бы мудрости тот глас отзывом был,
Каких бы истин гром незапно поразил
Благоговейный слух властителей народов!
Там зодчий, слясь путь к бессмертию простерть,
Возносит дерзостно красивые громады.
Полночный Апеллес, обманывая взгляды,
Дарует кистью жизнь, обезоружив смерть.
Ваятели, презрев небес ревнивых мщенье,
Вдыхают в вещество мысль, чувство и движенье.
Природу испытав, Невтонов ученик
Таинственных чудес разоблачает лик
Иль с небом пламенным в борьбе отъемлет, смелый,
Из гневных рук богов молниеносны стрелы!
Мать песней, смелая царица звучных дум,
Смягчает дикий прав и возвышает ум.
Здесь друг Шувалова воспел Елисавету,
И, юных русских муз блистательный рассвет,
Его счастливее — как русский и поэт —
Екатериныи век Державин предал свету.

Минервы нашей ум Европу изумлял:
С успехом равным он по свету рассылал
Приветствие в Ферней, уставы самоедам,
Иль на пути в Стамбул открытый лист победам.
Полсветом правила она с берегов Невы
И утомляла глас стоустныя молвы.
Блестящий век! и ты познал закат условный!
И твоего певца уста уже безмолвны!
Но нам ли с завистью кидать ревнивый взгляд
На прошлые лета и славных действий ряд?
< >

1818

29. РАЗГОВОР 7 АПРЕЛЯ 1832 ГОДА

(Графине Е. М. Завадовской)

Нет-нет, не верьте мне: я пред собой лукавил,
Когда я вас на спор безумно вызывал;
Ваш май, ваш Петербург порочил и бесславил,
И в ваших небесах я солнце отрицал.

Во лжи речей моих глаза уликой были:
Я вас обманывал — но мог ли обмануть?
Взглянули б на меня, и первые не вы ли
К тому, что мыслю я, легко нашли бы путь?

Я Петербург люблю, с его красотою стройной,
С блестящим поясом роскошных островов,
С прозрачной ночью — дня соперницей беззнойной,
И с свежей зеленью младых его садов.

Я Петербург люблю, к его пристрастен лету:
Так пышно светится оно в водах Невы;
Но более всего как не любить поэту
Прекрасной родины, где царствуете вы?

Природы северной любуюся зеркалом,
В вас любит он ее величье, тишину,
И жизнь цветущую под хладным покрывалом,
И зиму яркую, и кроткую весну.

< >

1832

30. ПЕТЕРБУРГСКАЯ НОЧЬ

Дышит счастьем,
Сладострастьем
Упоительная ночь!
Ночь немая,
Голубая,
Неба северного дочь!

После зноя тихо дремлет
Прохлажденная земля;
Не такая ль ночь объемлет
Елисейские поля!
Тепи легкие, мелькая,
В светлом сумраке скользят,
Ночи робко доверяя
То, что дню не говорят.

Дышит счастьем,
Сладострастьем
Упоительная ночь!
Ночь немая,
Голубая,
Неба северного дочь!

Блещут свежестью сапфирной
Небо, воздух и Нева,
И, купаясь в влаге мирной,
Зеленеют острова.
Вёсел мерные удары
Раздаются па реке
И созвучьями гитары
Замирают вдалеке.

Дышит счастьем,
Сладострастьем
Упоительная ночь!
Ночь немая,
Голубая,
Неба северного дочь!

Как над ложем новобрачной
Притаившиеся сны,
Так в ночи полупрозрачной

Гаснут звезды с вышины!
Созерцанья и покоя
Благодатные часы!
Мирной ночи с днем без зноя
Чудом слитые красы!

Дышит счастьем,
Сладострастьем
Упоительная ночь!
Ночь немая,
Голубая,
Неба северного дочь!

Чистой неги, сладкой муки
Грудь таинственно полна.
Чу! волшебной песни звуки
Вылетают из окна.
Пой, красавица певица!
Пой, залетный соловей,
Сладкозвучная царица
Поэтических ночей!

Дышит счастьем,
Сладострастьем
Упоительная ночь!
Ночь немая,
Голубая,
Неба северного дочь!

(1840)

Михаил Милонов

31. ПОСЛАНИЕ В ВЕНУ К ДРУЗЬЯМ

Давно живущие средь Вены
И мне давнишние друзья,
Душа к которым без измены,
Давно привержена моя.
Я к вам от Северной Пальмиры
Теперь, настроя звуки лиры,
Хочу послание писать
И о себе кой-что сказать.

Обнявши брата Владислава,
Через него я шлю к вам весть,
Как здесь Российская держава
Не престаёт поныне цвезть.
Как здесь министры все спокойны,
Устроясь во взаимный лад,
И их чиновники достойны
Берут чины наперехват.
Как здесь в обширном Петрограде,
На дождь и слякоть несмотря,
Во всем величьи на параде
Мы видим нашего царя,
Как он, Европу созерцая,
Иметь мечтая перевес,
Обширно царство оставляя,
Спокойно едет на конгресс,
Что ждёт вдали — того не знаем,
Но, други, согласитесь в том,
Что трон, который покидаем,
Несчастливым кажется рулем.
Не осердитесь хоть из дружбы,
Что речь покажется темна.
Ведь я чиновник статской службы,
А в оной ясность не нужна.
Оставя сей предмет высокий,
Я о другом вам расскажу:
И красоту здесь, и пороки
Литературы покажу.
Здесь пишут менее, чем было,
И повестей хороших нет:
Не всходит более светило
Поэзии средь наших лет.
Державин спит давно в могиле,
Жуковский пишет чепуху,
Крылов молчит и уж не в силе
Сварить Демьянову уху,
Измайлов, общий наш приятель,
Хоть издает здесь свой журнал,
Но он лишь только что издатель
И ничего не написал.

Дмитрий Хвостов

32. ПОСЛАНИЕ

К NN

О НАВОДНЕНИИ ПЕТРОПОЛЯ, БЫВШЕМ 1824 ГОДА 7 НОЯБРЯ

О златострунная деяний знатных Лира!
Воспламеня певца безвестного средь Мира,
Глаши из уст его правдивую ты речь.

Я волн свирепство зрел, я видел Божий меч.
Владыка бурь восстал и сел на колесницу;
В Европе славную и первую столицу
Облек в унынье он, неизъяснимый страх;
К могиле близкие, младенцы в пеленах,
Все видят смерть, все зрят косы ее размах.

Вдруг море челюсти песытые открыло
И быстрю Неву, казалось, окрылило:
Вода течет, бежит, как жадный в стадо волк,
Ведя с собою чад ожесточенных полк,
И с ревом яростным, спеша губить оплоты,
По грозным мчит хребтам и лодки и элботы;
Ростя в мгновение приливная гора,
Крутит водовики, сшибает катера
И одадь брызгами высоко к небу хлещет,
На камень, на чугун бесперестанно плещет.
Екатеринин брег сокрылся внутрь валов;
Мы зрим, среди Невы стоят верхи домов;
Непримиримые, бунтующие волны,
Из ложа выступя, поработают стогны;
В частицах мелких пыль от влаги над рекой
Слилася в воздухе густою вскоре мглой;
По каменной стезе внезапно многоводной
Судам тяжелым путь устался свободный.

Там ветры бурные, союзники реке,
С порывом ухватя плывущих на доске,
Сокроя от очей предметы им любезны,
В пределы мрачные свергают лютой бездны.
Все тонет, плавает по улице, рекам,
Спасенья нет коню, пощады нет волам.
При бурь владычестве лишь ветры грозно свищут,
Они среди пространств за добычею рыщут
И уловя ее, бросают наугад;
Там кровля здания, там корабля снаряд.
Хоромы, с родины снесенные ветрами,

Стоят на пустырях с окошками, трубами.
Решетке Бецкого дивился Албион;
Через гранит с Невы нависнув плоскодон,
В нее нахлынул, пал и запер мостовую;
Волнуют ветры снедь и утварь золотую.
Свободе радуясь, средь накопленных вод,
Летает огненный, шумливый пароход;
Но видя мост, дерзнул, — и путь найдя стесненный,
Ударился — и стал к нему, как пригвожденный.
Отважится ли кто, чей может сильный дух
О смерти бедственной вещать потомства вслух?
Цветущие красой три юные девицы
От страха мертвые лежали вдоль светлицы,
Хотя в нее еще не ворвалась река;
Одна в своей руке держала голубка
И смерти вместе с ним подсечена косою.
Там старец мрачный — жив — терзаяся тоскою,
Средь разрушения блуждает будто тень
И вопиет: где ты, любезная мне сень?
Где дочь и сыновья; где ты моя супруга?
Без дома, без детей, лишенный сил и друга,
Среди печали злой, отчаяния сын,
Связь с миром перервав, скитаюсь я один.

Приятность островов Петрополь украшала,
Окрестности его и муза возглашала;
Все быстрое стекло любили Невских вод,
И Феба из морей торжественный восход.
Но там свирепое являясь наводнение,
Отягощая мысль, не утешает зренье.

Пред днем молитвенным бесплотных в свете
сил,

В твой навечерный день, Архангел Михаил,
С Петрополем в полдни событие ужасно,
Повсюду зрится вод скопление опасно.
Хотел могущий Бог нас гневом посетить,
И в то же время зло щедротой прекратить;
Водами ополчась по беспредельной власти,
Он сердце людям дал ценить других напасти.
Все кинулись к судам, все, окрылясь, бегут,
Все жизнь, жизнь ближнего, как жизнь свою брегут;
Текут с стихией в брань, призвав на помощь Бога,
Сам сердобольный царь от высоты чертога,
Покорности к творцу, любви к народу полн,
Послал жертв исхищать из уст свирепых волн.

Посланник воин был, и близ царя в сраженье
Зрел смерть лицом к лицу, зрел ужас, истребленье:
Ступя на бурный вал, до катера достиг,
Схватил его, летел, в час гибельный и миг
Догнал он водовик, на коем утопали;
Пусть волны злобные к нему не допускали,
Мужаясь в подвиге, усердием горя,
Спас погибающих, — и спас в глазах царя.

Коль злополучие Петрополя известно,
То исцеление, поистине чудесно,
Ты, лира, огласи на крыльях молвы
По красным берегам и Волги и Москвы.

Быть может, возвратясь из океанов дальних
Иной, услыша весть о бытиях печальных,
К речам свидетелей не преклоняя слух,
Вещает: «Не был здесь явлений бурных дух,
К Петрополя красе мрак не касался ночи,
Меня обманывать мои не могут очи,
Здесь прежний царствует порядок и покой;
Петрополь осмотра, я был и за рекой,
На стогнах чистота, по-прежнему громады,
По-прежнему мосты, по-прежнему ограды;
Где наводненья след и где свирепость волн?
Весь град движения, запятый мирных полн.
Кто стогны очищал, где от хором обломки?
Вулкана древнего по-прежнему потомки,
С железом ратуя, взялись за крепкий млат,
Я вижу в мастерских орудиев снаряд.
Обуревание жестокое природы,
Которое едва ль исправить могут годы,
Так скоро здесь могло успехи приобрести,
Что гости за моря отрадную шлют весть?
Или покрытый град свирепою водою
Возобновился вдруг волшебною рукою?»
Ах нет! Петрополь цел от бедоносных вод
Зефира кротостью — наитием щедрот.

Кто помощи других себе в напасти просит,
Благотворителю мольбы свои приносит.
А здесь несчастному не слезы нужно лить,
Чтоб сострадание в соотчицей вселить;
Благотворения великое здесь дело
Текло прямой стезей, достигло цели смело;
В бедах не надобно предстателя искать,
Здесь ищут тех, кому потребно помогать.

Умолк на Бельте рев и опемели стоны,
Посыпались здесь с престола миллионы;
Среди Петрополя от ярости злых вод
Пусть есть погибшие,— но верно нет сирот.
Любовью чистою, небесною согреты
Все у пристанища, упитаны, одеты,
Все, благодати прияв священнейший залог,
Рекут: среди тяжких зол есть милосердый Бог.

1824

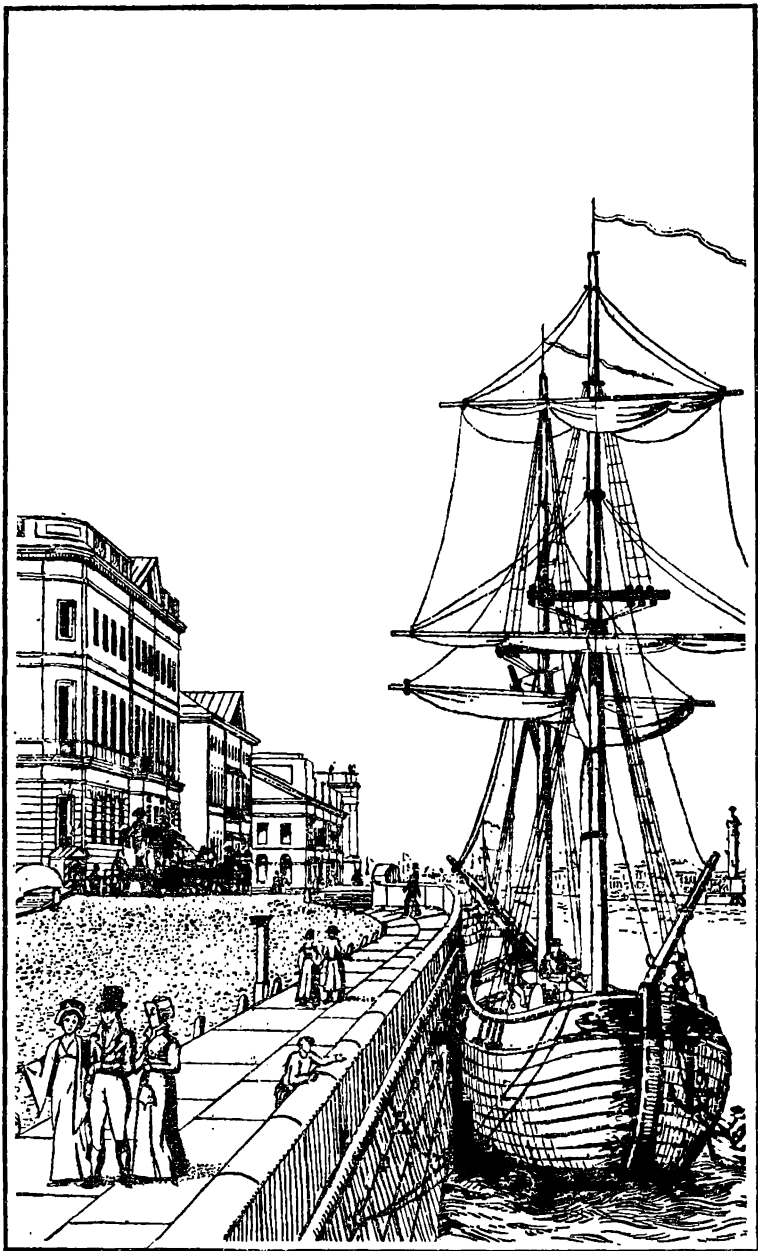
Александр Одоевский

33. БАЛ

Открылся бал. Кружась, летели
Четы молодые за четой;
Одежды роскошью блестя, —
А лица — свежей красотой.
Усталый, из толпы я скрылся
И, жаркую склоня главу,
К окну в раздумье прислонился
И загляделся на Неву.
Она покоилась, дремала
В своих гранитных берегах,
И в тихих, серебряных водах
Луна, купаясь, трепетала.
Стоял я долго. Зал гремел...
Вдруг без размера полетел
За звуком звук. Я оглянулся,
Вперил глаза; весь содрогнулся;
Мороз по телу пробежал.
Свет меркнул... Весь огромный зал
Был полон остовов... Четами
Сплетясь, толпясь, друг друга мча,
Обнявшись желтыми костями,
Кружась, по полу стуча,
Они зал быстро облетали.
Лиц прелесть, станов красота —
С костей их все покровы спали.
Одно осталось: их уста,
Как прежде, все еще смеялись;
Но одинаков был у всех
Широких уст безгласный смех.

Глаза мои в толпе терялись,
Я никого не видел в ней:
Все были сходны, все смешались...
Плясало сборище костей.

1825

Александр Пушкин

34. ВОЛЬНОСТЬ

Ода

< >

Когда на мрачную Неву
Звезда полуночи сверкает
И беззаботную главу
Спокойный сон отягощает,
Глядит задумчивый певец
На грозно спящий средь тумана
Пустынный памятник тирана,
Забвенью брошенный дворец —

И слышит Клии страшный глас
За сими страшными стенами,
Калигулы последний час
Он видит живо пред очами,
Он видит — в лентах и звездах,
Вином и злобой упоенны,
Идут убийцы потаенны,
На лицах дерзость, в сердце страх.

Молчит неверный часовой,
Опущен молча мост подъемный,
Врата отверсты в тьме ночной
Рукой предательства наемной...
О стыд! о ужас наших дней!
Как звери, вторглись янычары!..
Падут бесславные удары...
Погиб увенчанный злодей.

И днесь учитесь, о цари:
Ни наказания, ни награды,
Ни кров темниц, ни алтари
Не верные для вас ограды. .
Склонитесь первые главой
Под сень надежную Закона,
И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой.

35. ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН

Роман в стихах

Глава первая

< >

XXXV

Что ж мой Онегин? Полусонный
В постелю с бала едет он:
А Петербург неугомонный
Уж барабаном пробужден.
Встает купец, идет разносчик,
На биржу тянется извозчик,
С кувшином охтенка спешит,
Под ней снег утренний хрустит.
Проснулся утра шум приятный.
Открыты ставни; трубный дым
Столбом восходит голубым,
И хлебник, немец аккуратный,
В бумажном колпаке, не раз
Уж отворял свой *васисдас*.

XXXVI

Но, шумом бала утомленный
И утро в полночь обратя,
Спокойно спит в тени блаженной
Забав и роскоши дитя.
Проснется за полдень, и снова
До утра жизнь его готова,
Однообразна и пестра.
И завтра то же, что вчера.
Но был ли счастлив мой Евгений,
Свободный, в цвете лучших лет,
Среди блистательных побед,
Среди вседневных наслаждений?
Вотще ли был он средь пиров
Неосторожен и здоров?
< >

XLIII

И вы, красотки молодые,
Которых позднею порой
Уносят дрожки удалые
По петербургской мостовой,
И вас покинул мой Евгений.
Отступник бурных наслаждений,
Онегин дома заперся,
Зевая, за перо взялся,
Хотел писать — но труд упорный
Ему был тошен; ничего
Не вышло из пера его,
И не попал он в цех задорный
Людей, о коих не сужу,
Затем, что к ним принадлежу.

< >

XLVII

Как часто летнею порою,
Когда прозрачно и светло
Ночное небо над Невою
И вод веселое стекло
Не отражает лик Дианы,
Вспомня прежних лет романы,
Вспомня прежнюю любовь,
Чувствительны, беспечны вновь,
Дыханьем ночи благосклонной
Безмолвно упивались мы!
Как в лес зеленый из тюрьмы
Перенесен колодник сонный,
Так уносились мы мечтой
К началу жизни молодой.

XLVIII

С душою, полной сожалений,
И опершись на гранит,
Стоял задумчиво Евгений,
Как описал себя пиит.
Всё было тихо; лишь ночные
Перекликались часовые,

Да дрожек отдаленный стук
С Мильонной раздавался вдруг;
Лишь лодка, веслами махая,
Плыла по дремлющей реке;
И нас пленяли вдалеке
Рожок и песня удалая...
Но слаще, средь ночных забав,
Напсв Торкватовых октав!
< >

1823

36.

Город пышный, город бедный,
Дух неволи, стройный вид,
Свод небес зелено-бледный,
Скука, холод и гранит —
Всё же мне вас жаль немножко,
Потому что здесь порой
Ходит маленькая ножка,
Вьется локон золотой.

1828

37. МЕДНЫЙ ВСАДНИК

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПОВЕСТЬ

П р е д и с л о в и е

Происшествие, описанное в сей повести, основано на истине. Подробности наводнения заимствованы из тогдашних журналов. Любопытные могут справиться с известием, составленным *В. Н. Берхом*.

В с т у п л е н и е

На берегу пустынных волн
Стоял он, дум великих полн,
И вдаль глядел. Пред ним широко
Река неслася; бедный челн
По ней стремился одиноко.
По мшистым, топким берегам
Чернели избы здесь и там,
Приют убогого чухонца;

И лес, неведомый лучам
В тумане спрятанного солнца,
Кругом шумел.

И думал он:

Отсель грозить мы будем шведу.
Здесь будет город заложен
Назлом надменному соседу.
Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно¹,
Ногою твердой стать при море.
Сюда по новым им волнам
Все флаги в гости будут к нам,
И запируем на просторе.

Прошло сто лет, и юный град,
Полночных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи блат
Вознесся пышно, горделиво;
Где прежде финский рыболов,
Печальный пасынок природы,
Один у низких берегов
Бросал в неведомые воды
Свой ветхий невод, ныне там
По оживленным берегам
Громады стройные теснятся
Дворцов и башен; корабли
Толпой со всех концов земли
К богатым пристаням стремятся;
В гранит оделася Нева;
Мосты повисли над водами;
Темно-зелеными садами
Ее покрылись острова,
И перед младшею столицей
Померкла старая Москва,
Как перед новою царицей
Порфиноносная вдова.

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой ее гранит,
Твоих оград узор чугунный,
Твоих задумчивых ночей
Прозрачный сумрак, блеск безлунный,

Когда я в комнате моей
Пишу, читаю без лампы,
И ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла,
И, не пуская тьму ночную
На золотые небеса,
Одна заря сменить другую
Спешит, дав ночи полчаса².
Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздух и мороз,
Бег сапок вдоль Невы широкой,
Девичьи лица ярче роз,
И блеск, и шум, и говор балов,
А в час пирушки холостой
Шипенье пенистых бокалов
И пунша пламень голубой.
Люблю воинственную живость
Потешных Марсовых полей,
Пехотных ратей и коней
Однообразную красоту,
В их стройно зыблемом строю
Лоскутья сих знамен победных,
Сиянье шапок этих медных,
Насквозь простреленных в бою.
Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дым и гром,
Когда полнощная царица
Дарует сына в царский дом.
Или победу над врагом
Россия снова торжествует,
Или, взломав свой синий лед,
Нева к морям его несет
И, чуя вешни дни, ликует.

Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия,
Да умирится же с тобой
И побежденная стихия;
Вражду и плен старинный свой
Пусть волны финские забудут
И тщетной злобою не будут
Тревожить вечный сон Петра!

Была ужасная пора,
Об ней свежо воспоминанье...
Об ней, друзья мои, для вас
Начну свое повествованье.
Печален будет мой рассказ.

Часть первая

Над омраченным Петроградом
Дышал ноябрь осенним хладом.
Плеская шумною волной
В края своей ограды стройной,
Нева металась, как больной
В своей постеле беспокойной.
Уж было поздно и темно;
Сердито бился дождь в окно,
И ветер дул, печально воя.
В то время из гостей домой
Пришел Евгений молодой...
Мы будем нашего героя
Звать этим именем. Оно
Звучит приятно; с ним давно
Мое перо к тому же дружно.
Прозванья нам его не нужно.
Хотя в минувши времена
Оно, быть может, и блистало
И под пером Карамзина
В родных преданьях прозвучало;
Но ныне светом и молвой
Оно забыто. Наш герой
Живет в Коломне; где-то служит,
Дичится знатных и не тужит
Ни о почиющей родне,
Ни о забытой старине.

Итак, домой пришед, Евгений
Страхнул шинель, разделся, лег.
Но долго он заснуть не мог
В волненье разных размышлений.
О чем же думал он? о том,
Что был он беден, что трудом
Он должен был себе доставить
И независимость и честь;
Что мог бы бог ему прибавить

Ума и денег. Что ведь есть
Также праздные счастливы,
Ума недалекого, ленивы,
Которым жизнь куда легка!
Что служит он всего два года;
Он также думал, что погода
Не унималась; что река
Всё прибывала; что едва ли
С Невы мостов уже не сняли
И что с Парашей будет он
Дни на два, на три разлучен.
Евгений тут вздохнул сердечно
И размечтался, как поэт:

«Жениться? мне? зачем же нет?
Оно и тяжело, конечно;
Но что ж, я молод и здоров,
Трудиться день и ночь готов;
Уж кое-как себе устрою
Приют смиренный и простой
И в нем Парашу успокою.
Пройдет, быть может, год-другой —
Местечко получу, Параше
Препоручу хозяйство наше
И воспитание ребят...
И станем жить, и так до гроба
Рука с рукой дойдем мы оба
И внуки нас похоронят...»

Так он мечтал. И грустно было
Ему в ту ночь, и он желал,
Чтоб ветер выл не так уныло
И чтобы дождь в окно стучал
Не так сердито...

Сонны очи
Он наконец закрыл. И вот
Редест мгла ненастной ночи
И бледный день уж настаёт...³
Ужасный день!

Нева всю ночь
Рвалася к морю против бури,
Не одолев их буйной дури...
И спорить стало ей невмочь...
Поутру над ее берегами
Теснился кучами народ,

Любуясь брызгами, горами
И пеной разъяренных вод.
Но силой ветров от залива
Перегражденная Нева
Обратно шла, гневна, бурлива,
И затопляла острова,
Погода пуще свирепела,
Нева вздувалась и ревела,
Котлом клокоча и клубясь,
И вдруг, как зверь остервенясь,
На город кинулась. Пред нею
Всё побежало, всё вокруг
Вдруг опустело — воды вдруг
Втекли в подземные подвалы,
К решеткам хлынули каналы,
И всплыл Петрополь, как тритон,
По пояс в воду погружен.

Осада! приступ! злые волны,
Как воры, лезут в окна. Челны
С разбега стекла бьют кормой.
Лотки под мокрой пеленой,
Обломки хижин, бревна, кровли,
Товар запасливой торговли,
Пожитки бедной нищеты,
Грозой снесенные мосты,
Гроба с размытого кладбища
Плывут по улицам!

Народ

Зрит божий гнев и казни ждет.
Увы! всё гибнет: кров и пища!
Где будет взять?

В тот грозный год
Покойный царь еще Россией
Со славой правил. На балкон,
Печален, смутен, вышел он
И молвил: «С божией стихией
Царям не совладеть». Он сел
И в думе скорбными очами .
На злое бедствие глядел.
Стояли стогны озерами,
И в них широкими реками
Вливались улицы. Дворец
Казался островом печальным.

Царь молвил — из конца в конец,
По ближним улицам и дальным,
В опасный путь средь бурных вод
Его пустились генералы⁴
Спасать и страхом обуялый
И дома тонущий народ.

Тогда, на площади Петровой,
Где дом в углу вознесся новый,
Где над возвышенным крыльцом
С поднятой лапой, как живые,
Стоят два льва сторожевые,
На звере мраморном верхом,
Без шляпы, руки сжав крестом,
Сидел недвижимый, страшно бледный
Евгений. Он страшился, бедный,
Не за себя. Он не слышал,
Как подымался жадный вал,
Ему подошвы подмывая,
Как дождь ему в лицо хлестал,
Как ветер, буйно завывая,
С него и шляпу вдруг сорвал.
Его отчаянные взоры
На край один наведены
Недвижно были. Словно горы
Из возмущенной глубины
Вставали волны там и злились,
Там буря выла, там носились
Обломки... Боже, боже! там —
Увы! близехонько к волнам,
Почти у самого залива —
Забор некрашенный да ива
И ветхий домик: там оне,
Вдова и дочь, его Параша,
Его мечта... Или во сне
Он это видит? иль вся наша
И жизнь ничто, как сон пустой,
Насмешка неба над землей?

И он, как будто околдован,
Как будто к мрамору прикован,
Сойти не может! Вкруг него
Вода и больше ничего!
И, обращен к нему спиною,

В неколбимой вышине,
Над возмущенною Невою
Стоит с простертою рукою
Кумир на бронзовом коне.

Часть вторая

Но вот, насытись разрушеньем
И наглым буйством утомясь,
Нева обратно повлеклась,
Своим любясь возмущеньем
И покидая с небреженьем
Свою добычу. Так злодей,
С свирепой шайкою своей
В село ворвавшись, ломит, режет,
Крушит и грабит; вопли, скрежет,
Насилье, брань, тревога, вой!..
И, грабежом отягощенны,
Боясь погони, утомленны,
Спешат разбойники домой,
Добычу на пути роняя.

Вода сбыла, и мостовая
Открылась, и Евгений мой
Спешит, душою замирая,
В надежде, страхе и тоске
К едва смирившейся реке.
Но, торжеством победы полны,
Еще кипели злобно волны,
Как бы под ними тлел огонь,
Еще их пена покрывала,
И тяжело Нева дышала,
Как с битвы прибежавший конь.
Евгений смотрит: видит лодку;
Он к ней бежит как на находку;
Он перевозчика зовет —
И перевозчик беззаботный
Его за гривенник охотно
Через волны страшные везет.

И долго с бурными волнами
Боролся опытный гребец,
И скрыться вглубь меж их рядами
Всчасно с дерзкими пловцами

Готов был челн — и наконец
Достиг он берега.

Несчастный

Знакомой улицей бежит
В места знакомые. Глядит,
Узнать не может. Вид ужасный!
Всё перед ним завалено;
Что сброшено, что снесено;
Скривились домики, другие
Совсем обрушились, иные
Волнами сдвинуты; кругом,
Как будто в поле боевом,
Тела валяются. Евгений
Стремглав, не помня ничего,
Изнемогая от мучений,
Бежит туда, где ждет его
Судьба с неведомым известьем,
Как с запечатанным письмом.
И вот бежит уж он предместьем,
И вот залив, и близок дом...
Что ж это?..

Он остановился.

Пошел назад и воротился.
Глядит... идет... еще глядит.
Вот место, где их дом стоит;
Вот ива. Были здесь ворота —
Снесло их, видно. Где же дом?
И, полон сумрачной заботы,
Всё ходит, ходит он кругом,
Толкует громко сам с собою —
И вдруг, удара в лоб рукою,
Захохотал.

Ночная мгла

На город трепетный сошла;
Но долго жители не спали
И меж собою толковали
О дне минувшем.

Утра луч

Из-за усталых, бледных туч
Блеснул над тихою столицей
И не нашел уже следов
Беды вчерашней; багрянницей
Уже прикрыто было зло.
В порядок прежний всё вошло.

Уже по улицам свободным
С своим бесчувствием холодным
Ходил народ. Чиновный люд,
Покинув свой ночной приют,
На службу шел. Торгаш отважный,
Не унывая, открывал
Невой ограбленный подвал,
Сбираясь свой убыток важный
На ближнем выместить. С дворов
Свозили лодки.

Граф Хвостов,
Поэт, любимый небесами,
Уж пел бессмертными стихами
Несчастье невских берегов.

Но бедный, бедный мой Евгений...
Увы! его смятенный ум
Против ужасных потрясений
Не устоял. Мятежный шум
Невы и ветров раздавался
В его ушах. Ужасных дум
Безмолвно полон, он скитался.
Его терзал какой-то сон.
Прошла неделя, месяц — он
К себе домой не возвращался.
Его пустынный уголок
Отдал внаймы, как вышел срок,
Хозяин бедному поэту.
Евгений за своим добром
Не приходил. Он скоро свету
Стал чужд. Весь день бродил пешком,
А спал на пристани; питался
В окошко поданным куском.
Одежда ветхая на нем
Рвалась и тлела. Злые дети
Бросали камни вслед ему.
Нередко кучерские плети
Его стегали, потому
Что он не разбирал дороги •
Уж никогда; казалось — он
Не примечал. Он оглушен
Был шумом внутренней тревоги.
И так он свой несчастный век
Влачил, ни зверь ни человек,

Ни то ни сё, ни житель света
Ни призрак мертвый...

Раз он спал
У невской пристани. Дни лета
Клонились к осени. Дышал
Ненастный ветер. Мрачный вал
Плескал на пристань, ропща пени
И бясь об гладкие ступени,
Как челобитчик у дверей
Ему не внемлющих судей.
Бедняк проснулся. Мрачно было:
Дождь капал, ветер выл уныло,
И с ним вдаль во тьме ночной
Перекликался часовой...
Вскочил Евгений; вспомнил живо
Он прошлый ужас: торопливо
Он встал; пошел бродить, и вдруг
Остановился, и вокруг
Тихонько стал водить очами
С боязнью дикой на лице.
Он очутился под столбами
Большого дома. На крыльце
С поднятой лапой, как живые,
Стояли львы сторожевые,
И прямо в темной вышине
Над огражденною скалою
Кумир с простертою рукою
Сидел на бронзовом коне.

Евгений вздрогнул. Прояснились
В нем страшно мысли. Он узнал
И место, где потоп играл,
Где волны хищные толпились,
Бунтуя злобно вокруг него,
И львов, и площадь, и того,
Кто неподвижно возвышался
Во мраке медною главой,
Того, чьей волей роковой
Под морем город основался...
Ужасен он в окрестной мгле!
Какая дума на челе!
Какая сила в нем сокрыта!
А в сем коне какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,

И где опустишь ты копыта?
О мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной,
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы?⁵

Кругом подножия кумира
Безумец бедный обошел
И взоры дикие навел
На лик державца полумира.
Стеснилась грудь его. Чело
К решетке хладной прилегло,
Глаза подернулись туманом,
По сердцу пламень пробежал,
Вскипела кровь. Он мрачен стал
Пред горделивым истуканом
И, зубы стиснув, пальцы сжав,
Как обуянный силой черной,
«Добро, строитель чудотворный! —
Шепнул он, злобно задрожав, —
Ужо тебе!..» И вдруг стремглав
Бежать пустился. Показалось
Ему, что грозного царя,
Мгновенно гневом возгоря,
Лицо тихонько обращалось...
И он по площади пустой
Бежит и слышит за собой —
Как будто грома грохотанье —
Тяжело-звонкое скаканье
По потрясенной мостовой.
И, озарен луною бледной,
Простерши руку в вышине,
За ним несется Всадник Медный
На звонко-скачущем коне;
И во всю ночь безумец бедный,
Куда стопы ни обращал,
За ним повсюду Всадник Медный
С тяжелым топотом скакал.

И с той поры, когда случалось
Идти той площадью ему,
В его лице изображалось
Смятенье. К сердцу своему
Он прижимал поспешно руку,

Как бы его смиряя муку,
Картуз изношенный сымал,
Смущенных глаз не подымал
И шел сторонкой.

Остров малый

На взморье виден. Иногда
Причалит с неводом туда
Рыбак на ловле запоздалый
И бедный ужин свой варит,
Или чиновник посетит,
Гуляя в лодке в воскресенье,
Пустынный остров. Не взросло
Там ни былинки. Наводнение
Туда, играя, занесло
Домишко ветхий. Над водою
Остался он, как черный куст.
Его прошедшею весною
Свезли на барке. Был он пуст
И весь разрушен. У порога
Нашли безумца моего,
И тут же хладный труп его
Похоронили ради бога.

Примечания Пушкина

¹ Альгаротти где-то сказал: «Petersbourg est la fenêtre par laquelle la Russie regarde en Europe»*.

² Смотри стихи кн. Вяземского к графини З.**

³ Мицкевич прекрасными стихами описал день, предшествовавший петербургскому наводнению, в одном из лучших своих стихотворений — Oleszkiewicz**. Жаль только, что описание его не точно. Снегу не было — Нева не была покрыта льдом. Наше описание вернее, хотя в нем и нет ярких красок польского поэта.

⁴ Граф Милорадович и генерал-адъютант Бенкендорф.

⁵ Смотри описание памятника в Мицкевиче. Оно заимствовано из Рубана — как замечает сам Мицкевич.

1833

* Петербург — окно, через которое Россия смотрит в Европу (франц.).

** Олешкевич (польск.).

38. ПИР ПЕТРА ПЕРВОГО

Над Невою резво вьются
Флаги пестрые судов;
Звучно с лодок раздаются
Песни дружные гребцов;
В царском доме пир веселый;
Речь гостей хмельна, шумна;
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

Что пирует царь великий
В Питербургс-городке?
Отчего пальба и клики
И эскадра на реке?
Озарен ли честью новой
Русский штык иль русский флаг?
Побежден ли швед суровый?
Мира ль просит грозный враг?

Иль в отъятый край у шведа
Прибыл Брантов утлый бот,
И пошел навстречу *деда*
Всей семьей наш юный флот,
И воинственные впуки
Стали в строй пред стариком,
И раздался в честь Науки
Песен хор и пушек гром?

Годовщину ли Полтавы
Торжествует государь,
День, как жизнь своей державы
Спас от Карла русский царь?
Родила ль Екатерина?
Именинница ль она,
Чудотворца-исполина
Чернобровая жена?

Нет! Он с подданным мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пенит с ним одну;

И в чело его целует,
Светел сердцем и лицом;
И прощенье торжествует,
Как победу над врагом.

Оттого-то шум и клики
В Питербурге-городке,
И пальба и гром музыки
И эскадра на реке;
Оттого-то в час веселый
Чаша царская полна
И Нева пальбой тяжслой
Далеко потрясена.

1835

Иван Козлов

39. К ДРУГУ

В(АСИЛИЮ) А(НДРЕЕВИЧУ)

Ж(УКОВСКОМУ)

ПО ВОЗВРАЩЕНИИ ЕГО ИЗ ПУТЕШЕСТВИЯ

< >

Опять однажды, всё во сне,
Я ночью по Неве катался,
Между роскошных островов
Летел прозрачною рекою;
И вид красивых берегов,
Дач, рощей, просек и садов,
Осеребряемых луною,
И озаренный божий храм,
И царский дом, и мост чрез волны,
Легко так брошенный, — все там
Пленяет взор. Но вздох невольный
От сердца тяжело вылетал.
Ты часто, милый край, видал
Меня близ вод твоих струистых
На изумрудных берегах,
И в цветниках твоих душистых,
И в темных рощах, и в садах:
До поздней ночи там с тоскою
Сижу, бывало, над Невею;
И часто ранняя заря

Меня в раздумье заставляла.
Но, ах, уж радость для меня
Давно с зарей не расцветала!
< >

1822?

Александр Полежаев

40. САШКА

< >

Глава вторая

1

Чуть освещаемый луною,
Дремал в тумане Петербург,
Когда с уныньем и тоскою
Узрел верхи его мой друг.
На облучке, спустивши ноги,
В забытьи жалком он сидел
И об оконченной дороге
В сердечной думе сожалел,
Стакан последний сиволдая
Перед заставой осушил,
И, из телеги вылезая,
Он молчалив и страшен был.

II

Нева широкая струилась
Близ постоянного двора,
И недалеко серебрилось
Изображение Петра.
Все было тихо; не спокойно
В душе лишь Саши моего,
И не смыкались невольно
Глаза померкшие его,
Недавно буйного студента.
С дымящимся от трубки ртом,
Он, прислонясь у монумента,
Стоял с потупленным челом.

III

«Увы, увы!.. часы веселья,
Вы пролетели, будто сон!»
Так в петербургском новоселье,
Вдохнувши тяжко, молвил он:
«Быть может, долго, молодые
Красотки, мне вас не видать!..»
< >

VIII

Где вид московского гуляки?
Куда девался пухлый лик?
В англо-кургузом модном фраке,
В отличной шляпе эластик,
В красивом бархатном жилете,
Мой Сашка тот же, да не тот.
И вот, сбоченясь, на проспекте
С фигурой важною идет.
Червонец светлый, драгоценный,
И на театры в первый ряд
Билет на креслы ежедневный
В кармане брюк его лежат!

IX

С какою миною кичливой
На прочих франтов он глядит,
Какой улыбкою спесивой
И дам и барышень дарит!
С какой приятностью играет
И машет хлыстиком своим,
И как искусно задевает
Под ножки девушкам он им;
Какой бонтон в осанке, взорах,
Какую важность возымел
И вот на ухарских рессорах
В театр, разлѣгшись, полетел.

Х

Вошел. С небрежностью лакею
Билет, сморкаясь, показал
И, изогнувши важно шею,
Глазами ложи пробежал.
Взгремела Фрейшица музыка;
Гром плесков залу огласил,
И всяк от мала до велика
И упоен и тронут был.
Что ж Саша? С видом пресыщенья
Разлегшись в креслах, он сидел,
И лишь с улыбкой сожаленья
В четыре стороны глядел.

ХІ

Напрасно foга* все кричали;
Он свой выдерживал bonton**,
И в самом действия начале
Спокойно пунш пить вышел он;
Напрасно, милая Дюрова,
Твой голос всех обворожал;
Он не расслышал ни полслова,
Но только увидал.
Напрасно, Антонин воздушный,
Ты резал воздух, как зефир,
Для тону Саше будет скучно,
Хотя б растешил ты весь мир.
< >

ХІІІ

Но как же был зато он скромн
Во всех поступках и словах,
И полутихо-нежно-томен
При зорких дяденьки глазах.

* Возглас одобрения в театре, требующий повторения (*итал.*).
** Хороший тон (*франц.*).

С каким терпеньем и почтеньем
Его он слушал по часам,
С каким, о смех, благоговеньем
Ходил с ним вместе по церквам
По Летнему ль гуляет саду
Не свищет песенки, небойсь,
Хоть будь красотка ни полвзгляду
Не кинет прямо и ни вкось.

I

С какую пылкостью восторга
Хвалил он дядины мечты,
Доказывал премудрость бога,
Вникал в природы красоты,
С каким он жаром удивлялся
Наполеонову уму
И как делами восхищался
Моро, и Нея, и Даву;
Ругал всех русских без разбора
И в Эрмитаже от картин
Не отводил ни рта, ни взора.
О плут! о шельма, сукин сын!

XV

И потакал, и лицемерил,
И льстил бессовестно, и врал!
А честный дядя всему верил
И шельме денежки давал...
Бывало, только он с Мильонной,
А дядя: «Где, дружок, был?» —
А он (куда какой проворный!):
«Я-с по бульвару все ходил,
Потом спуск видел парохода,
Да Зимний осмотрел дворец.
Какая ж тихая погода!».

< >

Николай Языков

41. МОЙ АПОКАЛИПСИС

<

5

Но где ж она и кто ж она,
Моя прошедшая царица?
Есть знаменитая страна,
Есть знаменитая столица;
На берегу веселых вод,
В дыму торжественных сражений
России всемогущий гений
Ее воздвиг среди болот.
И ныне градом просвещенья
Она по северу слывет,
Торгует, блещет и растет,
Имеет даже наслажденья;
Но только эта сторона
Не пробуждает вдохновенья,
Для душ высоких — не годна,
И там-то место, где она,
Душа сего стихотворенья!

1825

Дмитрий Веневитинов

42. К МОЕЙ БОГИНЕ

Не думы гордые вздымают
Страстей исполненную грудь,
Не волны невские мешают
Душе усталой отдохнуть, —
Когда я вдоль реки широкой
Считаюсь мрачный, одинокой
И взор блуждает по берегам,
Язык невнятное лепечет,
И тихо плещущим волнам
Слова прерывистые мечет.
Тогда от мыслей далека
И гордая надежда славы,
И тихоструйная река,

И невский берег величавый;
Тогда не робкая тоска
Бессильным сердцем обладает
И тайный ропот мне внушает...
Тебе понятен ропот сей,
О божество души моей!
Холодной жизнью бесстрастья
Ты знаешь, мне ль дышать и жить?
Ты знаешь, мне ль боготворить
Душой, не созданной для счастья,
Толпы привычные мечты,
И дани раболепной службы
Носить кумиру суеты!
Нет, нет! и теплые дни дружбы,
И дни горячие любви
К другому сердцу приучили:
Другой огонь они в крови,
Другие чувства поселили.
Что счастье мне? Зачем оно?
Не ты ль твердила, что судьбою
Оно лишь робким здесь дано,
Что счастья с пламенной душою
Нельзя в сем мире сочетать,
Что для него мне не дышать...

О, будь благословенна мною!
Оно священо для меня,
Твое пророчество несчастья,
И, как завет, его храня,
С каким восторгом сладострастья
Я жду губительного дня
И торжества судьбы коварной!
И, если б ум неблагоприятной
На небо возроптал в бедах,
Твое б явленье, ангел милой,
Как дар небес, остановило
Проклятье на моих устах.
Мою бы грудь исполнил снова
Благоговения святого
Целебный взгляд твоих очей,
И снова бы в душе моей
Воскресло силы наслажденье,
И счастья гордое презренье,
И сладостная тишина.

Вот, вот что грудь мою вздымает
И тайный ропот мне внушает!
Вот чем душа моя полна,
Когда я вдоль Невы широкой
Скитаюсь мрачный, одинокой.

1826

Николай Коншин

43. ЖАЛОБЫ НА П(ЕТЕР)БУРГ

В дымном городе душно,
Тесно слуху и взору,
В нем убили мы скучно
Жизни лучшую пору.
В небе — пыль либо тучи,
Либо жар, либо громы;
Тесно сжатые в кучи,
Кверху кинулись дома;
Есть там *смех*, да не *радость*,
Всё блестит, но бездушно...
Слушай, бледная младость,
В дымном городе душно!

1828

Александр Крюков

44. ПОЛНОЧЬ В ГОРОДЕ

Пробил на башне час полночный;
Погас луны последний свет;
Приметно тихнет шум немолчный
Бродящих дрожек и карет.
Снотворным сумраком одет
Уснувший город. Все заботы
Легли в объятия дремоты.
Гульбища пусты; тротуар
Освобожден от праздных бар,
От чванных дам большого света,
От величавых матерей,
От их жеманных дочерей,

От холодных *рыцарей лорнета*,
От всех порядочных людей:
Исчезли все.

Теперь, порою,
Бредет чиновник с именин
Или с пирушки мещанин
Под ручку с толстою женою;
Лишь тощий Пинда гражданин,
Отринув сон и ласки лени,
Всегдашний раб своей мечты,
Напрасных ищет вдохновений
Среди полночной пустоты;
Да две-три робкие четы
Украдкою от встреч нескромных
По камню звонкому бегут
В смиренный, тесный свой приют,
Хранимый ларами бездомных,—
И будочник, в тени ночной,
Беспечно вторит оклик свой.

<1829>

Степан Шевырев

45. ПЕТРОГРАД

Море спорило с Петром:
«Не построишь Петрограда;
Покачу я шведский гром,
Кораблей крылатых стадо.
Хлынет вспять моя Нева,
Ополченная водами:
За отъятые права
Отомщу ее волнами.

Что тебе мои поля,
Вечно полные волнений?
Велика твоя земля,
Не озреть твоих владений!»
Глухо Петр внимал речам:
Море злилось и шумело,
По синеющим устам
Пена белая кипела.

Речь Петра гремит в ответ:
«Сдайся, дерзостное море!
Нет, — так пусть узнает свет:
Кто из нас могучей в споре!
Станет град же, наречен
По строителе высоком.
Для моей России он
Просвещенья будет оком.

По хребтам твоих же вод,
Благодарна, изумленна,
Плод наук мне принесет
В пользу чад моих вселенна,
И с твоих же берегов
Да узрят народы славу
Руси бодрственных сынов
И окрепшую державу».
Рек могучий — и речам
Море вторило сурово,
Пена билась по устам,
Но сбылось Петрово слово.
Чу!.. в Рифей стучит булат!
Истекают реки злата,
И рождается чудо-град
Из неплодных топей блата.

Тяжкой движется стопой
Исполин — гранит упорный
И приемлет вид живой,
Млату бодрому покорный.
И в основу зыбких блат
Улеглись миллионы, —
Всходят храмы из громад,
И чертоги, и колонны.

Шниц, прорезав недра туч,
С башни вспыхнул величавый,
Как ниспадный солнца луч
Или луч Петровой славы.
Что чернеет лоно вод?
Что шумят валы морские?
То дары Петру несет
Побежденная стихия.

Прилетели корабли.
Вышли чуждые народы
И России принесли
Дань наук и плод свободы.
Отряхнув она с очей
Мрак невежественной ночи,
К свету утренних лучей
Отверзает бодры очи.

Помнит древнюю вражду,
Помнит мстительное море,
И, да мщенья примет мзду,
Шлет на град потоп и горе.
Ополчается Нева,
Но от твердого гранита,
Не отъяв свои права,
Удаляется сердита.

На отломок диких гор
На коне взлетел строитель;
На добычу острый взор
Устремляет победитель;
Зоркий страж своих работ
Взором сдерживает море
И насмешливо зовет:
«Кто ж из нас могучей в споре?»

1829

Егор Розен

46. ПАСТУШИЙ РОГ В ПЕТЕРБУРГЕ

Здесь, в столице пышной скуки,
Слышу утренней порой
Идиллические звуки,
Говорящие со мной —
Будто старые мы друзья,
В детстве слившие сердца,
Будто юные супруги
После брачного венца!

Милый отзыв деревенский,
Звук сердечной простоты!
Ты природы голос женский.
Эхо первой чистоты:

Вестник счастья и мира,
Ты юбви волшебный клик
Ты несозданного мира
Существующий язык!

Рог пастуший! для поэта,
Нежных полного страстей
Ты дороже блеска света
И петропольских затей!
И он радуется ски,
Что он прос еще душой
Что досель обычай светский,
Не сгубил любви прямой.

Да вовек он не погубит
Нежной детскости моей!
Ум мечтает, сердце любит
Средь бесчувственных людей;
Духа творческая воля
Здесь в столице, среди забот,
Сени рощиц, воздух поля
И пастушек создает.

Так мечтой, свободно-думной
Лишь созданиям своим,
Я живу в тревоге шумной,
Молчаливый нелюдим.
Весь мой чудный мир со мною;
Жизнью собственной дыша,
Первобытной чистотою
Свято девствует душа.

Рог пастуший, рог пастуший!
Молви: внемлют ли тебе
Эти суетные души —
Недруг каждая себе?
Нет! растленные развратом,
Дети неги и тщеты,
Спят еще, в быту богатом,
Сном сердечной пустоты!

Некий тайный глас, быть может
Укоризной прозвуча,
Совесть спящую встревожит

В бедном сердце богача —
И природы клик утешный
Иногда раздастся там,
Как в столице многогрешной
Рог пастуший по утрам.

(1831)

Алексей Хомяков

47. (В АЛЬБОМ С. Н. КАРАМЗИНОЙ)

To be in Petersburg with a soul and a heart is solitude
indeed.

Voyage inédit*

Et je vis une ville où tout était pierre: les maisons,
les arbres et les habitants,

Voyage d'Abdul Fared le Vagabond**

Здесь, где гранитная пустыня
Гордится мертвой красотой, —
Для сердца чистого святыни
Есть мирный кров, любимый мной.
Там дружества привет радушный
И ум в согласии с душой,
И чувству разговор послушный
Отрадной дышат теплотой.
Так в недрах степи раскаленной
Среди губительных песков
Отраден оазис зеленый,
И пальмы тень, и ключ студеный,
И песнь счастливых пастухов.

1832

* Быть в Петербурге с душой и сердцем — значит быть одиноким
(англ.). Незданное путешествие (франц.).

** И я увидел город, где все было каменное: дома, деревья и жи-
тели. Путешествие Абдул Фареда Странника (франц.).

< >

РАЗГОВОР ВТОРОЙ

. — Скоро долетели
До Петербурга мы, — и ничего
Достойного вниманья твоего
Со мною не случилось дорогой.
Зато по истине, и самой строгой,
Вдруг закружилась голова моя,
Когда увидел напоследок я
Тот город величавый и огромный,
Перед которым на Ж<итомир> скромный
Явился мене деревушки мне.
Не знал я: наяву ль или во сне
Смотрю на эти пышные громады?
По ним мои восторженные взгляды
Носились и терялись; мне дворцом
Едва ли не казался каждый дом,
Все улицы казались площадями,
Портные и сапожники — князьями
И генералом — каждый офицер.
Я рад, что не писатель; например:
Мой первый въезд мне не прошел бы даром,
Блеснуть умом и новизной и жаром
Тут непременно был бы должен я.

< >

1833

Петр Ершов

49. ПРОЩАНИЕ С ПЕТЕРБУРГОМ

Сокрылось солнце за Невую,
Роскошно розами горя...
В последний раз передо мною
Горишь ты, невская заря!
В последний раз в тоске глубокой

Я твой приветствую восход:
На небе родины далекой
Меня другое солнце ждет.
О, не скрывай, заря, так рано
Волшебный блеск твоих лучей
Во мгле вечернего тумана,
Во тьме безмесячных ночей!
О, дай насытить взор прощальный
Твоим живительным огнем,
Горящим в синеве хрустальной
Блестящим радужным венцом!
Но нет! Румяный блеск слабеет
Зари вечерней; вслед за ней
Печальный сумрак хладом веет
И тушит зарево огней.
Сквозь ткани ночи гробовые
На недоступных высотах
Мелькают искры золотые, —
И небо в огненных цветах.
И стихнул ветер в снежном поле,
И спит престольный град царя...
О, не видать тебя мне боле,
Святая невская заря!
Ты вновь оденешь запад хладный
Огнями вечера; но, ах!
Не для меня их свет отрадный
Заблещет в розовых венцах.
Не для меня! В стране далекой,
Питомец бурей и снегов,
Блуждать я буду одинокой
В глуши подоблачных лесов.
Прими последнее прощанье!..

.
.
.

Прости и ты, о град державный,
Твердыня северных морей,
Венец отчизны православной,
Жилище пышное царей,
Петра державное творенье!
О, кто б в великую борьбу,
Кто б угадал твое рожденье,
Твою высокую судьбу?
Под шумом бурь грозы военной,

По гласу мощному Петра,
В лесах страны иноплеменной
Воздвиглась русская гора.
На ней воссел орел двуглавый,
И клик победный огласил
Поля пустынные Полтавы
И груды вражеских могил.
И вновь бедой неотвратимой
Над дерзким галлом прошумел, —
И пал во прах непобедимый,
И мир свободой воскипел!
О, сколько доблестных деяний
Вписала северная сталь
В дневник твоих воспоминаний,
В твою гранитную скрижаль!
В твоих священных храмах веют
Народной славой знамена,
И на гробах твоих светлеют
Героев русских имена.
Вот он — зиждитель твой чудесный,
Твой полунощный Прометей!
Но тот похитил огонь небесный,
А твой носил в душе своей...
Россия при дверях могилы,
Ее держал татарский сон.
Явился Петр — и в мертвы жилы
Дыханье жизни вдунул он.
Она восстала, Русь святая,
Могуща, радостна, светла,
И, юной жизнью расцветая,
Годами веки протекла!..
Зари чудесного рожденья
В тебе блеснул вначале свет;
И был предтечей воскресенья
И первым вестником побед!
Летами юный, ветхий славой,
Величья русского залог,
Прости, Петрополь величавый,
Невы державный полубог!
Цвети под радужным сияньем
Твоей блистательной весны
И услаждай воспоминаньем
Поэта пламенные сны!

Михаил Деларю

50. К НЕВЕ

Снова узрел я, Нева, твой ток величаво-спокойный;
Снова, как юная дева в объятьях любовника страстных,
Ты предо мною трепещешь, лобзая граниты седые!
Ныне, как прежде, ты блещешь волною кипучей,

но те ли

Думы, то ли веселье на душу мою навеваешь?
Много светлеющих волн умчала ты в дань океану,
Много дней незабвенных ушло в беспредельную

вечность!

Помню тот сладостный вечер, когда над волнами

твоими

В горький час разлученья бродил я с девою милой:
О как игриво, как шумно волнуясь, тогда протекала
Ты в объятьях высоких берегов и, казалось, с любовью
К гордым гранитам ласкаясь, шептала им с трепетом
звуки,

Сладкие звуки любви неизменной: и что же? уж тучи
Месяца лик покрывали в трепещущей влаге и втайне
Мрачно спокойное недро твое зарождало ненастье!

Помню: вот здесь, на устах, распаленных любовью,

пылали

Девы коварной уста: убедительно, пламенно было
Полное неги ее лепетанье, — но тоже уж в сердце
Девы обман зарождался, и перси изменой дышали.

18(29)

Михаил Лермонтов

51. СКАЗКА ДЛЯ ДЕТЕЙ

< >

10

Тому назад еще немного лет
Я пролетал над сонною столицей.
Кидала ночь свой странный полусвет,
Румяный запад с новою денницей

На севере сливались, как привет
Свидания с молением разлуки;
Над городом таинственные звуки,
Как грешных снов нескромные слова,
Неясно раздавались — и Нева,
Меж кораблей сверкая на просторе,
Журча, с волной их уносила в море.

11

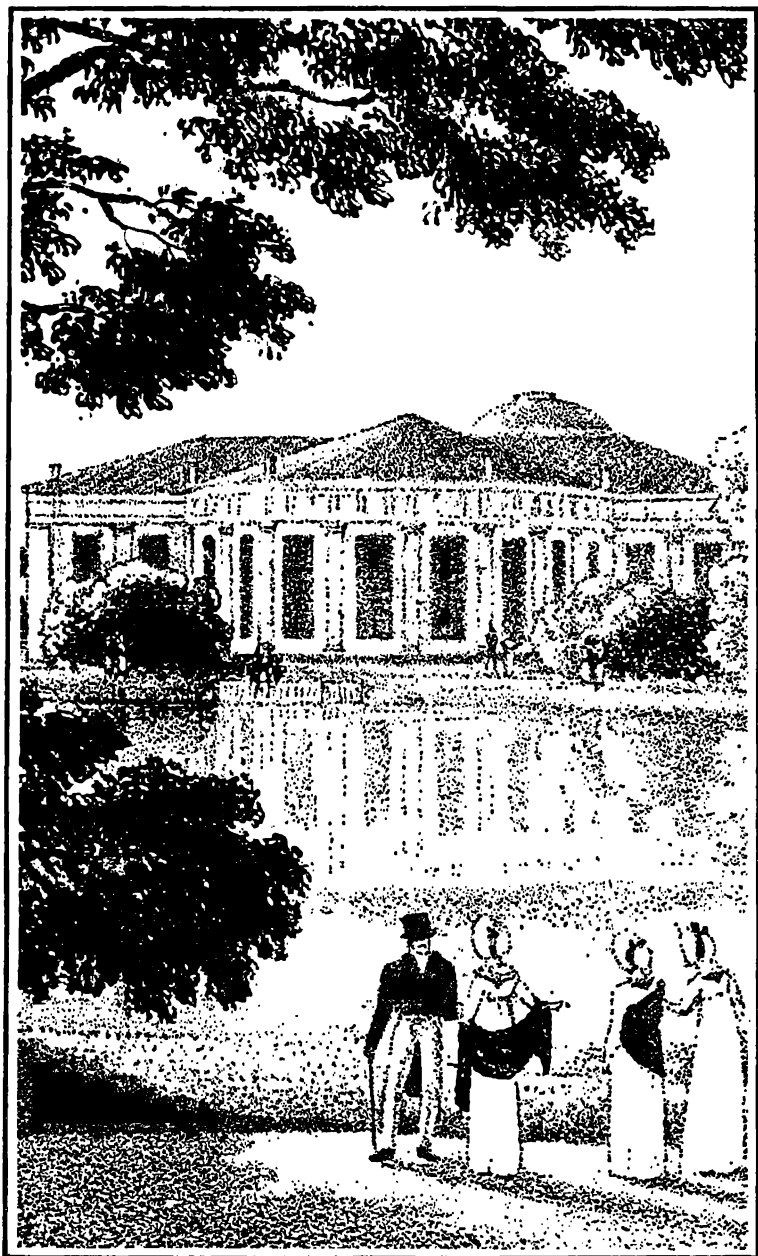
Задумчиво столбы дворцов немых
По берегам теснились как тени,
И в пене вод гранитных крылец их
Купались широкие ступени;
Минувших лет событий роковых
Волна следы смывала роковые,
И улыбались звезды голубые,
Глядя с высот на гордый прах земли,
Как будто мир достоин их любви,
Как будто им земля небес дороже...
И я тогда — я улыбнулся тоже.

12

И я кругом глубокий кинул взгляд
И увидел с невольною отрадой
Преступный сон под сению палат,
Корыстный труд пред тощею лампадой,
И страшных тайн везде печальный ряд;
Я стал ловить блуждающие звуки,
Веселый смех — и крик последней муки:
То ликовал иль мучился порок!
В молитвах я подслушивал упрек,
В бреду любви — бесстыдное желанье;
Везде обман, безумство иль страданье!

13

Но близ Невы один старинный дом
Казался полн священной тишиною;
Все важностью наследственной в нем
И роскошью дышало вековою;
Украшен был он княжеским гербом;
Из мрамора волнистого колонны

52. ПЕТЕРБУРГ АДМИРАЛТЕЙСКОЙ БАШНИ
(К***)

Не раз мне мысль, как сновиденья
Выводит, стройной цепью, вновь
Дни юности и наслажденья,
Которыми кипела кровь;
Когда, я помню, легче птицы
Ширия высоко над землей
И, ослеплен, ее границы
Терял из виду под собой;
Когда, чуть неба не касаясь,
Не смел я долу бросить взор,
Где, точно в омуте вращаясь,
Чернел неистовый простор!
Но эти дни давно минули,
Как сновидения прошли,
И, канув в вечность, потонули,
И я — не возношусь с земли!..
Но если хочешь — вдруг пред нами
Осуществятся эти сны:
Мы будем там, под небесами,
Хоть крылья нам и не даны!!
Вот башня! следуй лишь за мною —
И град Великого Петра
У наших ног, а над главою —
Лазурь небесного шатра!
Взойдем!.. Но вот уже гранита
Следов не стало под ногой,
И тьма глубокая разлита;
Висишь как в пропасти ночной!
Огня! огня! сюда скорее!
И снова свет предстал очам,
И дышит грудь моя вольнее...
То первый отдых смельчакам!

Взгляни кругом: еще громады
Стесненных высятся домов,
И гордые бросают взгляды
На площади, верхи дерёв...
Как будто сомкнутой стеною

Войска, в порядке боевом,
Стоят несметною толпою
Перед колонною вождем!

Теперь же, если можешь смело,
Взгляни на низ! Как под стеной
Все точно сплюснулось, осело
И как под крышею одной!
Исчезли зданья-исполины,
Чертоги знати, богачей!..
Лишь царский памятник единый,
Да вековой дворец царей
Возносят величаво с нами
Главы к лазурным высотам,
И царствуют под небесами
Одни, — как следует царям.
Но с духом соберись и ближе
Взберемся к небу, подышать,
Где ходят облака, свод ниже,
И мелкой птице не летать...
Тяжелый труд! — Как непривычный
С трудом взбирается впервой
Матрос на мачты: так, темничной
Окружены здесь темнотою,
И мы цепляемся, нет силы,
Рука мертвеет, градом пот...
Но путь наш кончен: вот перилы —
Ах! дайте, грудь пусть привздохнет.
Как сладко здесь и как привольно,
Душе усталой подышать
И, позабыв вертеп юдольный,
Небесный аромат впивать!..
И вот теперь, собравши силы,
И осенясь святым крестом,
Вспершись на крепкие перилы,
Взгляни бестрепетно кругом!..

О что за вид очам поэта
Предстал и взоры приковал! *
О дивный град! о чудо света!
Тебя волшебник созидал!
Кто воспоеет тебя достойно,
О град Великого Петра,
Великолепный, дивно-стройный.

Восточных вымыслов игра!...
Стою как вкопан! — Предо мною,
Терассы стелются домов,
Как расцвеченные весною
Ковры искусственных садов;
А посреди их величаво,
Как длинные комет хвосты,
Аллеи тянутся и лавой
Кипят народа в них толпы.
Там дале, к югу, видишь горы,
Которые одела мгла,
И ошоясывают боры? —
То выси Царского Села!
У их подошвы, будто море
Играет чешуей валов,
И разбивается в напоре
Перед царицей городов;
То жатв и сенокосов волны,
Где некогда, Балтийских вод
Пучину рассекали челны,
И рыбий кочевал народ.
А влево, где стоит твердыня
И золотой сияет шпиц,
Под коим Божия святыня
Хранит ряд царственных гробниц,
Нева, в объятых сладострастных,
Сжимает группу островов,
Великолепных и прекрасных
Убежищ, летом от жаров.
К полночи ж, к западу, дугою
С землей слилися небеса,
И только черною чертою
В тумане тянутся леса...
Напрасно тонет взор в просторе —
Неизмерима даль!.. Но в ней,
Белеет что-то в мгле... то море
Земли рубеж без рубежей!..

О как ты, море, величаво,
И сколько благ даришь собой!
Тобой цветут и блещут славой
Державы, грады, род земной!
Навьюча рамена судами,
Во все страны разносишь ты

Богатства, свет наук, с дарами
Изящества и простоты!..
Тебя проник Великий Гений,
И обозрев даль и простор
Твоих пучинистых владений,
Остановил внезапно взор...
И рек он: «Здесь да будет город!»
И, мощной волею Петра,
Вот заходил народ как ворот,
И застучали топора!
И скиptronосною десницею,
Сам, плотничий схватив топор,
Сруб первый положил столице,
Стихиям всем наперекор;
И силой творческой, в мгновенье,
Болотный кряж окаменел,
Воздвигся град. — И в удивленьи
Свет чудо новое узрел! —

Еще свежо так это время;
Едва столетье протекло,
И самых очевидцев племя
Недавно со свету сошло:
Досель еще, как след горячий,
Укажут многие, где встарь
Стояли хижины рыбацьи;
И домик тот, в котором Царь,
Небес изведывая тайны,
О благе царства помышлял,
И, зиждя град необычайный,
Сам план ему предназначтал —
Досель еще стоит у берега
Быстротекущих Невских вод;
От бурного времен набега
Одет в бревенчатый кивот.

< >

(1837)

.

Владимир Бенедиктов

53. ЗАНЕВСКИЙ КРАЙ

Нева, красавица Нева!
Как прежде, ты передо мною
Блестишь свободной шириною,
Чиста, роскошна и резва;
Но тот же ль я, как в прежни годы,
Когда, в обновлениях бытия,
На эти зеркальные воды
Любил засматриваться я?

Тогда, предчувствий робких полный,
Следил я взорами твой бег,
И подо мной, дробясь о брег,
Уныло всхлипывали волны,
И я под их волшебный шум,
Их вздохи и неясный ропот
Настроил лепет первых дум
И первых чувств любовный шёпот.

Потом, тоскуя и любя,
Потом, и мысля, и страдая,
О, сколько раз, река родная,
Смотрел я вдаль через тебя, —
Туда, на темный край столицы,
Туда, где чудная она
Под дланью творческой десницы
Державной мыслью рождена.
Зачем туда летели взгляды?
Зачем туда, чрез вольный ток,
Убогий нес меня челнок
В час тихой, девственной прохлады,
Или тогда, как невский вал
С возможной силой в брег плескал,
Иль в те часы заповедные,
Как меж гранитных берегов
Спирались иглы ледяные
И зимний саван был готов?

Зачем?.. Друзья мои, не скрою:
Тот край — любви моей страна.
Там — за оградой крепостною —

Пустынно стелется она.
Там не встречаются ваши взоры
Красой увенчанных громад,
Нагнувшись, хилые заборы
В безлюдных улицах стоят;
В глуши разметаны без связи
Жилища смертных как-нибудь,
И суждено им в море грязи
Весной и осенью тонуть.

Но, избалованные други!
Ужели не случилось вам,
Деля обильные досуги
По всем Петрополя концам,
В тот мирный край, хотя случайно,
Стопой блуждающей забресть?
Туда, друзья, скажу вам тайну:
Там можно сердце перевести!
Идиллий сладкие напевы
Там клонят юношу к мечте,
И в благодатной простоте
Еще пастушествуют девы.

.
.

О, сколько раз, страна глухая,
По темным улицам твоим
Бродил я, трепетно вздыхая,
Сердечной жаждою томим;
Потупя взор, мрачней кладбища,
Тая души глубокий плен,
Бродил я вдоль заветных стен
Алины мирного жилища
И видел в окнах бледный свет,
И всё гадал: зайти иль нет?
Что ж? чем решал недоуменье? —
Зайду. К чему в святом стремленьи
Себя напрасно побеждать?
Не грех ли сладкое мгновенье
У сердца нищего отнять?
И я был там... Как цвет эдема,
Моим доступная мечтам,
Она — души моей поэма —

Меня приветствовала там,
Меня в свой рай переносила,
Меня блаженствовать учила, —
Страдать — я выучился сам.

Теперь волшебница далеко,
Но и досель отраднo мне
Бродить безлюдно, одиноко
По той пустынной стороне.
Мне там приветней блещет в очи
И полдня пламенный убор,
И милый свет созвездий ночи —
Небес недремлющий дозор.
Земного счастья отчужденца,
Всё там живет меня досель
И тепит сердце, как младенца,
И зыблет грудь, как колыбель!

<1837>

54. НОЧЬ

Всё смолкло. Тишина в чертогах и во храмах;
Ночь над Петрополем прозрачна и тепла;
С отливом пурпурным, недвижна и светла,
Нева красуется в своих гранитных рамах,
И как торжественно-полна ее краса,
Что, кажется, небес хрустальных полоса
Отрезана, взята с каймой зари кровавой
И кинута к ногам столицы величавой,
Чтобы восставшая в час утренний от сна
Над этим зеркалом оправилась она.
Скользит по влаге чёлн. Свободно, без усилия
Летит он; веслами бока окрылены;
Грудь острая крепка; размашистые крылья
Росли в родных лесах, в дубравах рождены;
Они склоняются, и с шумом тонут дружно, —
В их шуме слито всё: вздох, шепот, поцелуи, —
Вдруг вынырнут они, — с них прыснет дождь
жемчужной,
И брызги окропят поверхность гладких струй.
Задумчив юноша над водною равниной
Плывет, ему незрим челна спокойный бег;
А этот каменный великолепный брег
Проходит перед ним широкою картиной.

И пышно тянется необозримый ряд
Сих зданий вековых, сна царственных громад,
И каждая из них, приблизясь постепенно
Взглянув на путника сурово и надменно,
Отводит медленно от грустного пловца
И стекла и врата блестящего лица.
И вот заветный дом, где вьется черный локоп
Где ножка дивная паркет животворит,
И тот на юношу бесчувственно глядит
Недвижной синевой своих широких окон,
И пуст на высоте привешенный балкон.
Молчит ночной гребец. Везде глубокий сон.

1840

Иван Ключников

55. МЕДНЫЙ ВСАДНИК

СОЗНАНИЕ РОССИИ У ПАМЯТНИКА ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Да, как точно можно гордиться, что
мы принадлежим России и называем
ее своим отечеством.

(Слова государя-цесаревича)

Есть у бога под луною
Много городов. Один —
Чудный град — там, над Невою,
Скачет конный исполин.

Как он светел, как он ясен!
Символ бога на земле!
Как Россия, он прекрасен!
Как она — тверд на скале!

Взоры на тебя, Россия,
Он орлиные вперил;
Знаешь ли его, Россия?
Рассказать ли, что он был?

Он огромною душою
Всю вселенну обнимал
И могучею рукою
Полвселенной всколебал.

Пробудил от сна полночи,
Жизнь другую сердцу дал,
Новый свет ей вдунул в очи,
Ум наукой воспитал.

Понимал свое он время,
Но его не понял век,
И он снес наветов бремя,
Дивный, божий человек!

Вняв высокому призванью,
Он в деяньях был поэт:
Наша Русь — его созданье,
Судия — весь божий свет!

На краю вселенной смело
Он воздвиг наш дивный град,
В нем он жив — и век уж целый
Царства на него глядят.

Смело он на них взирает,
Волю Божию, закон —
Он России представляет,
Чрез Европу скачет он.

Подойди к нему, Россия,
Поклонися до земли,
О самой себе, Россия,
У гиганта здесь спроси.

Здесь он думал, здесь учился,
Здесь он русских жить учил,
Здесь за русских он молился,
Сына здесь за них судил...

Посмотри, как конь могучий
От земли несется вдаль;
Словно хочет он за тучи
Унести отца печаль!

Царь спокоен; он судьбою
Лишь твоею дорожит,
И у бога над тобою
Уж сто лет он сторожит.

Светлым взором обнимает
Царства русского концы,
И сквозь тучи нам взывает:
«Браво, браво, молодцы!»

Русь, молись и веселись —
Ты идешь стезей добра;
Слышишь «браво» — отзовися
На могучий глас Петра!

И Россия отозвалась:
«Петр, тебя я поняла:
Я в тебе, гигант, создалась,
И в себе тебя нашла!»

Мир тебя не позабудет,
Воплощу твои мечты:
Будет время... Но что будет
Знает бог да знаешь ты!..»

(1838)

Борис Федоров

56. УТРО ПЕРЕД ПАМЯТНИКОМ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Стою, опершись на гранит,
В тиши беседа с мечтою;
С завесой мрака ночь бежит
И веет утро над Невой.
Небесный свод прозрачен, тих,
Торжественно зари сиянье;
С предвестьем дня лучей златых
Проснулось к жизни все созданье.

Смотрю, как памятник Петра
Уж заря осиявает;
Пред дивным всадником гора
Чело гранитное склоняет.
Се! длань простерги над Невой,
Летит наш исполин державный,
Попрал змею герой венчаный,
И плещет Балът ему волной.

Восстани, Петр, и зри Россию,
Как возвеличена Тобой!
Смирив враждебную стихию,
Неколебим Петрополь твой;
Нева кипит под кораблями,
И на вратах — побед трофей!
Златыми высится верхами
Твой град, в красе дневных лучей.
Твоя заря нам предвестила
День светозарный — и сбылось:
В тебе нам зрелась Божья сила,
И солнце славы нам зажглось.
Ты, мощный, Русь в Европу вдвинул
Ей царств судьбы решать велел,
Широко крылья раскинул
Тобой взлелеянный орел!

Взросло, что сеял ты; взгляни же:
Уперся в небо здесь гранит,
И о Москве и о Париже
Векам на диво говорит;
Храм в память твоего рожденья
Подъял столпы под облака;
Тобой исполнясь изумленья,
Здесь смотрят на тебя века.

<1839>

Андрей Подолинский

57. ПАМЯТНИК ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ

Столицы Невской посетитель,
Кто б ни был ты — Петру поклон!
Сей Медный всадник — это он,
Ее державный прародитель!
Как мощны конь и человек!
То Петр творящей мыслью правит
Летит, отважный, в новый век
И змея древних козней давит...
И здесь, руки простерший кисть,
Еще в металле жизнью дышит,
Из медных уст — Россия слышит —
Гремит: «Да будет свет!» — И бысть!

1839

58. ВАВИЛОН

Необузданный и чудный,
Сотворив кумиром ложь,
Город пышный, многолюдный,
Ты ликуешь и цветешь!
Похититель пирной славы,
Нег волшеббно-золотых,
Поднял ты с земли дубравы
И висеть заставил их.

Плавать в бездне наслажденья,
В море благ — тебе закон;
Для трудов самозабвенья,
Для любви ты не рожден...
Ты не помнишь, что на свете
Есть другие города —
Братья в скудости, не в цвете,
С горем дружные всегда.

Пусть они, бедами сыты,
Стонут в муках роковых, —
Ты, счастливец именитый,
Отвергаешь вопли их;
Кровных чествуя презреньем,
Знать не хочешь нищеты,
И слепым столпотвореньем
Занял руки и мечты.

И творец тебе не страшен...
Пусть потоп наводит он,
Ты взойдешь на выси башен,
Занесенных в небосклон.
И хоть шар земной с горами,
С сонмом рощ, полей и нив
Захлебнется под водами —
Нужды нет: ты будешь жив!

< /

Часть вторая

Farewell!

Byron*

Город пышный, город бедный.
Дух неволи, стройный вид,
Свод небес зелено-бледный,
Скука, холод и гранит.

Пушкин

We see and read,
Admire and sigh and then
Succumb and bleed.

Byron**

Письмо первое

< >

2

Петербург

Я прибыл вечером, друг мой.
Шел дождик мелкий, понемногу
Дома скрывались в тьме ночной...
Свершив трехдневную дорогу,
Хотел скорей я на покой;
Но сердца странную тревогу
Преодолеть никак не мог
И долго спать еще не лег.

Хотел я тут же к вам писать,
Но как-то глуп был; стал уныло
По комнате моей шагать,
И что меня тогда томило,
Не в силах я пересказать:
Утраты ли того, что было,
Иль недоверчивость к судьбе

* Прощайте. Байрон (англ.).

** Мы видим и читаем, восхищаемся и вздыхаем, потом падасм и истекаем кровью. Байрон (англ.).

Не мог отчета дать себе.
Но было на душе темно.
Я поздно лег, проснулся рано;
Мне ветер сырой пахнул в окно,
Седое небо сверх тумана
На мир смотрело холоднó,
И будто призрак великана,
В сырую мглу погружена,
Мне каланча была видна.

Вы согласитесь, что плохой
Прием мне сделала погода;
Я если б не страдал хандрой,
Ее туманная природа
На ум навеела бы мой...
Здесь говорят, что середь года
Выходит солнце только раз...
Блеснет и спрячется тотчас.

Я думал: житель здешних стран
Быть должен мрачен, даже злобен,
Всегда недуг сердечных ран
В себе самом таить способен,
Угрюм, задумчив, как туман,
Во всем стране своей подобен,
И даже песнь его должна
Быть однозвучна и грустна.

Хотелось город видеть мне.
Я на проспект пошел, зевая, —
И изумился! Нам во сне
Толпа не грезилась такая
В Москве, где мы по старине
Все по домам сидим, скучая;
А здесь, напротив, круглый год
Как бы на ярмарке народ.

Без стуку по торцам катясь,
Стремятся дрожки и кареты;
Заботой праздною томясь,
Толпы людей, с утра одеты,
Спешат, толкаясь и бранясь.
Мелькают перья, эполеты,
Бурнусы дам, пальто мужчин;
В одеждах всех покрой один.

Чем эти люди заняты?
Какая цель? К чему стремленье?
Какая мысль средь суеты,
Среди всеобщего движенья,
Средь этой шумной пестроты?
Уж не народное ль волненье?
И! что вы? право, пикакой
Тут мысли вовсе нет, друг мой.

Толпа стремится просто так,
Поест иль пробежать глазами,
Как Магомет, султана враг,
Гоним союзными дворами, —
И день убит уж кое-как.
С косою в руке, на лбу с часами,
Седой Сатурн на них на всех
Глядит сквозь ядовитый смех.

Мне стало страшно... Предо мной
Явилась вдруг жизнь миллионов
Людей, объятых пустотой,
К стыду всех божеских законов...
В толпе один приятель мой
Мне указал двух-трех шпионов,
И царь проехал мимо нас,
И сняли шляпы мы тотчас.

Потом пошли, и время шло,
И длинный день тянулся вяло,
И все мне было тяжело.
Толпа шуметь не преставала.
Обед; вино лилось светло,
Но уж меня не забавляло;
Так я, являясь на бал,
Всегда угрюм и дик бывал.

Мне странен смех казался их
В огромной освещенной зале;
Я был среди людей чужих,
И сам чужой был всем на бале,
И мысли далеко от них
Меня печально увлекали
Туда, куда-то в мирный дол,
Где годы детства я провел.

Но я кладу письмо в пакет,
Его с оказией вам шлю я.
Для вас ведь нового в том нет.
Писать по почте не люблю я;
Случиться может и секрет,
А уж никак не потерплю я,
Чтоб мне Коко* какой-нибудь
Смел в жизнь и душу заглянуть.

3

Ложилась ночь, росла волна,
И льдины проносились с треском;
Седую пеною полна,
Подернута свинцовым блеском,
Нева казалась страшна,
Стуча в гранит сердитым плеском.
В тумане тусклом ряд домов
Смотрел печально с берегов.

Уже огни погашены,
Беспечно люди сном объаты;
Под ропот плещущей волны
Поденщики, аристократы,
Свои все люди грезят сны.
Безмолвны стогны и палаты...
Один, недвижим, на коне,
Огромный всадник видел мне.

Чернея сквозь ночной туман,
С подъятой гордо головою,
Надменно выпрямив свой стан,
Куда-то кажет вдаль рукою
С коня могучий великан;
А конь, притянутый уздою,
Поднялся вверх с передних ног,
Чтоб всадник дальше видеть мог.

Куда рукою кажет он? .
Куда сквозь тьму вперил он очи?
Какою мыслью вдохновлен,
Не знает сна он середь ночи?

* Коко (франц.).

С чего он горд? Чем увлечен?
Из всей он будто конской мочи
Вскакал бесстрашно на гранит
И неподвижен тут стоит?

Он тут стоит затем, что тут
Построил он свой город славный,
С рассветом корабли придут —
Он кажет вдаль рукой державной.
Они с собою привезут
Европы ум в наш край дубравный
Чтоб в наши дебри свет проник,
Он горд затем, что он велик!

Благоговел я в позний час,
И трепет пробегал по телу;
Я сам был горд на этот раз,
Как будто б был причастен к делу
Которым он велик для нас.
Надменно вместе и несмело
Пред ним колено я склонил
И чувствовал, что русский был.

Подняв я голову, потом
В лицо взглянул ему — и было
Как будто грустное что в нем.
Он на меня смотрел уныло
И все мне вдаль казал перстом.
Какая скорбь его томила?
Куда казал он мне с коня?
Чего хотел он от меня?

И я невольно был смущен;
Печально, робкими шагами
Я отошел, но долго он
Был у меня перед глазами;
Я от него был отделен
Адмиралтейскими стенами,
А он за мною все следил,
И вид его так мрачен был.

И вот дворец передо мной
Стоял угрюмо и высоко;
В полудремоте часовой
Шагал у двери одиноко

И страхом веял мне покой,
В котором спал дворец глубоко.
У ног моих Нева одна
Шумела, ярости полна.

А там далеко за Невой
Еще страшней чернелось зданье
С зубчатой мрачною стеной
И рядом башен. Вопль, рыданья
И жертв напрасных стон глухой,
Проклятий полный и страданья,
Мне ветер нес с тех берегов
Сквозь стуки льдин и плеск валов.

Дворец! Тюрьма! Зачем сквозь тьму
Глядите вы здесь друг на друга?
Ужель навек она ему
Рабыня, злобная подруга?
Ужель, взирая на тюрьму,
Дворец свободен от испуга?
Ужель тюрьмою силен он
И слышать рад печальный стон?

О! сройте, сройте поскорей
Вы эти стены, эти своды!
Замки отбейте у дверей,
Зовите всех на пир свободы!
Тогда, тогда толпы людей,
Тогда из века в век пароды
Благословят вас и почтут
И вас святыми назовут.

Но глух дворец, глуха тюрьма,
И голос мой звучит в пустыне,
Кругом туман да ночи тьма,
И с шумом вал бежит по льдине...
Тоска души, тоска ума
Еще сильнее, чем доныне,
И тяжелее жизни крест...
И я бежал от этих мест.

И снова он, все тот же он,
Явился всадник предо мною,
Все так же горд и вдохновен,
Все вдаль с простертою рукою.

Я миновал сугроб, метелью нанесенный,
И выхожу на путь, санями уложенный...
Печален плоский край с замерзшею рекой!
Безвестным странником вхожу я в город людный,
Прямые улицы, высокие дома...
Знакомый мне дворец, знакомая тюрьма,
И медный богатырь в посадке многотрудной,
Сто лет уже взмощенный на гранит,
На медной лошади безмолвие хранит.
А люди около мелькают постоянно:
Курьеры вскачь спешат, как на пожар,
Летит жандарм — архангел царских кар;
Чернильный мученик — чиновник бесталаный —
Пешком усердствует со связкою бумаг;
Идут ряды солдат — сто ног в единый шаг,
И всюду суета да грохот барабанный...
Лишь редкий гость — брадатый раб, мужик —
Сторонится и головой поник,
Глядя в унынии на город чужестранный.
Бывало, тоже гость, невольный иль незванный,
Тоскуя, проклинал я бледный небосклон,
Мундиры и гранит, весь новый Вавилон,
И мерил с ужасом его тупую силу...
Теперь я знаю, он — торопится в могилу.

Толпа стоит без шляп — и в санках проскакал,
В шинели до ушей, какой-то генерал —
Вид озабоченный, военная посадка,
И зыбкость помысла, и робкая оглядка...
Знакомым призраком он показался мне,
Его, мне помнится, я видел — но во сне.
То было в ночь, темно сошедшую в молчаньи,
Над целою страной, томившейся в страданьи,
То было в ночь вослед за незабвенным днем,
Когда все в трауре, с торжественным пеньём,
Огромного венчающего злодея
Похоронили, не жалея, —
В ту ночь, во сне, передо мной стоял,
В порфире и венце, вот этот генерал...
Ступай себе пока!.. А мне своя дорога.

< >

< >

Часть первая

2

< >

Тоска, тоска! Невольно тут
 Радаев стал искать приют
 Среди иных воспоминаний,
 Среди своих родных преданий,
 И образы тут вспомнил он
 Иных людей, иных сторон.
 Он вспомнил, как во дни забавы,
 Когда он мальчик был кудрявый,
 Чтоб слабый возраст охранять,
 Ему сопутствовала мать,
 Высокая, со станом стройным,
 С лицом задумчиво-спокойным
 И лаской в голосе самом.
 Он вспомнил, как она сидела,
 Он на коленях перед ней,
 Не отводил с нее очей,
 Часы глядел бы, день бы целый;
 Пускай не мог он понимать,
 Но взоры детские искали
 На кротком лице разгадать
 Значенье думы и печали.
 Раз он застал ее в слезах;
 Отец его, веселый малый,
 На этот раз, как полинялый,
 Стоял с газетою в руках.
 Они тревожно разговоры
 Вели всё шепотом, как воры.
 Речь шла, как месяц уж тому
 Горячкой умер царь в Крыму,
 А в Петербурге в день присяги
 Был бунт, исполненный отваги.
 Полк вышел чуть не на заре
 И стал на площади в каре —
 Готов на смерть и жаждет воли.

Не надо больше рабской доли!
Ребята! Стойте в добрый час,
Святая Русь помянет вас!
Царь пушки выдвинул. Солдату,
Казалось, грех стрелять по брату.
Но дан приказ, свистит картечь,
Телам на снег пришлось лечь.
Сомкнись! Каре, привычный к строю,
Сомкнулся суженной стеною.
Ребята! Стойте в добрый час,
Святая Русь помянет вас!
Залп, залп — и сила одолела,
Шатнулись, погибло дело.

< >

Радаев вспомнил, как, в угоду
Отцу, служил он больше году
В блестящем городе Петра,
В одном из зданий многолюдных,
В одном из заведений чудных,
Где пишут с самого утра,
Спешат без смысла и без срока
С неутомностью потока
Справлять дела, дела, дела,
Решения добра и зла,
Свершенные по воле царской
Порядком дури канцелярской.
Радаеву навеял сплин
Ход государственных пружин...
Царя он видел на параде
В тугом воинственном наряде;
Огромный рост и зверский взгляд,
И лоб, откинутый назад,
Все, что могла создать казарма,
Все дико выразилось в нем,
Совокупив в одно с царем
России главного жандарма.
Царь на параде всех распек
За беспокойство конских ног
И ускакал так гордо, смело,
Как бы свершил святое дело.
Радаев ясно мог понять,
Что тут нельзя спасенья ждать,
«Боюсь свободы» — надпись эта
На знамя царское надета;

Как прежде в школе, так везде
Он видел — в войске и везде
Росло предательство, нахальство,
Тупела мысль и мозг дичал,
Дух чести голову склонял
Перед понятием начальства.
И Русь жила в суровой тьме,
И было душно, как в тюрьме.

< >

1856—1858

Иван Тургенев

62. НЕВА

Нет, никогда передо мной,
Ни в час полудня, в летний зной,
Ни в тихий час перед зарею,
Не водворялся над Невою
Такой торжественный покой.
Глубоким пламенем заката
Земля и небо — всё объято...
И, неподвижный, я стоял,
И всё забыл, и по простору
Невы великой — волю дал
Блуждать задумчивому взору.
И я глядел: неслась река,
Покрыта вся румяным блеском,
И кораблям, с небрежным плеском,
Лобзала темные бока.
И много их... но все прижались
Друг к другу тесною толпой,
Как будто ввек они не знались
Ни с темным морем, ни с грозой —
И флагов мягкие извивы
Так слабо ветер шевелил,
Как будто тоже позабыл
Свои безумные порывы...
А недалёко от стены,
В воде спокойно отражаясь,
Стоял, дремотно колыхаясь,
Корабль далекой стороны.
И возле мачты, под палаткой,

Моряк лежал — и отдыхал;
Кругом стыдливо замирал
Вечерний луч и вскользь, украдкой,
Лицо нерусское ласкал.
Откуда ты? в наш край туманный
Зачем приплыл? на много ль дней?
Зачем глядишь с улыбкой странной
На небо родины моей?
О чем ты думаешь? Быть может,
Тебя минувшее тревожит —
Ты вспомнил прежнюю любовь,
Разлучный час и взгляд печальный
И на губах, как будто вновь,
Зажегся поцелуй прощальный.
Теперь, быть может, у окна
Она сидит... и не страдает;
Но, как свеча от ветра, тает
И разгорается она...
Иль, руки страстно прижимая
К своей измученной груди,
Она глядит полуживая
На письма грустные твои.
Но нет... свои воспоминанья
Я на чужого перенес —
Не знал он смутного страданья,
Не проливал напрасных слез,
Не расставался, не сходилсь,
Не воскресал, не умирал...
Нет! беззаботно он влюбился
И безотчетно целовал.
И там, в стране его счастливой,
В стране широких, синих вод,
Где под белеющей оливой
Албэс огненный цветет,
В стране лучей и красок ярких,
В стране томительных ночей,
Объятий трепетных и жарких
И торжествующих страстей, —
Его беспечно ожидая,
Она за пряжею сидит...
Да утром, косу заплетая,
Поет и ходит, и, вздыхая,
На море синее глядит.

Александр Пальм

63. ОПУСТЕЛЫЙ ДОМ

Плыву по взморию в часы безмолвной ночи,
Струистый след ладьи подернут серебром;
На темном берегу давно забытый дом
Всегда приветливо мои встречают очи.
Люблю беседовать с сим хладным мертвецом,
Любуюся его нестройною громадой,
Балконом, портиком, тяжелой колоннадой
И львами, спящими над рухнувшим крыльцом.
Когда-то дом роскошно красовался
Огнями, музыкой и говором речей.
Какой пловец тогда тобою любовался,
Завидуя в душе уделу богачей?
В сих окнах легкие тогда мелькали тени,
И блесками ума, любезностью живой
Кого пленял тогда красавец молодой?
Не мучил ли кого насмешки злобный гений?..
И что ж теперь, скажи, в далекие ль края
Судьбой заброшены безвестные нам лица,
Иль грустно прервана их повести страница?
И отчего, скажи, покинули тебя?
Погас ли ясный взор хозяйки благосклонной,
Очаровательной царицы прежних мод...
Но безответен ты; как сторож полусонный,
Задумчиво стоишь у лона тихих вод.
И на душе моей, утратами убитой,
Всё пусто, всё темно,— и не воскреснет вновь
Ни радость прежняя, ни прежняя любовь —
Порывы юности, так рано позабытой!
И ежели порой в истерзанную грудь
Невольно западут былые впечатленья,
Мне станет тяжело, я жажду отдохнуть,
И сердце просится в приют уединенья!
И молчалив я стал, и думами богат,
Как ты, пустынный дом, печальный мой собрат!

Глядел я, стоя над Невой,
Как Исаака-великана
Во мгле морозного тумана
Светился купол золотой.

Всходили робко облака
На небо зимнее, ночное,
Белела в мертвенном покое
Оледенелая река.

Я вспомнил, грустно-молчалив,
Как в тех странах, где солнце грест,
Теперь на солнце пламенст
Роскошный Генуи залив...

О Север, Север-чародей,
Иль я тобою околдован?
Иль в самом деле я прикован
К гранитной полосе твоей?

О, если б мимолетный дух,
Во мгле вечерней тихо вея,
Меня унес скорей, скорее
Туда, туда, на теплый Юг...

1844

65. НА НЕВЕ

И опять звезда ныряет
В легкой зыби невских волн,
И опять любовь вверяет
Ей таинственный свой челн.

И меж зыбью и звездою
Он скользит, как бы во сне,
И два призрака с собою
Вдаль уносит по волне.

Дети ль это праздной лени
Тратят здесь досуг ночной?
Иль блаженные две тени
Покидают мир земной?

Ты, разлитая, как море,
Пышноструйная волна,
Приюти в твоём просторе
Тайну скромного челна!

1850

66

Опять стою я над Невой,
И снова, как в былые годы,
Смотрю и я, как бы живой,
На эти дремлющие воды.

Нет искр в небесной синеве,
Всё стихло в бледном обаянье,
Лишь по задумчивой Неве
Струится луиное сиянье.

Во сне ль всё это снится мне,
Или гляжу я в самом деле,
На что при этой же луне
С тобой живые мы глядели?

1868

Константин Аксаков

67. ПЕТРУ

Великий гений! муж кровавый!
Вдали, на рубеже родном,
Стоишь ты в блеске страшной славы,
С окровавленным топором.
С великой мыслью просвещенья
В своей отчизне ты возник,
И страшные подъял мученья,
И казни страшные воздвиг.
Во имя пользы и науки,
Добытой из страны чужой,

143

Не раз твои могучи руки
Багрились кровию родной.
Ты думал, — быстротою взора
Предупреждая времена, —
Что, кровью политые, скоро
Взойдут науки семена!
И вокруг она лилась обильно;
И, воплям Руси не внемля,
Упорство ты сломил, о сильный!
И смолкла Русская земля.
И по назначенному следу,
Куда ты ей сказал: «Иди!» —
Она пошла. Ты мог победу
Торжествовать... Но погоди!
Ты много снес голов стрелецких,
Ты много крепких рук сломил,
Сердец ты много молодецких
Ударом смерти поразил;
Но, в час невзгоды удаляся,
Скрыв право вечное свое,
Народа дух живет, таяся;
Храня родное бытие.
И ждет он рокового часа;
И вожделенный час придет,
И снова звук родного гласа
Народа волны соберет;
И снова вспыхнет взор отважный,
И вновь подвигнется рука!
Порыв молодой и помысл важный
Взволнуют дух, немой пока.
Тогда к желанному пределу
Борьба достигнет — и конец
Положит начатому делу,
Достойный, истинный венец!

Могучий муж! Желал ты блага,
Ты мысль великую питал,
В тебе и сила, и отвага,
И дух высокий обитал;
Но, истребляя зло в отчизне,
Ты всю отчизну оскорбил;
Гоня пороки русской жизни,
Ты жизнь безжалостно давил.
На благородный труд, стремленье

Не вызывал народ ты свой,
В его не верил убежденья
И весь закрыл его собой.
Вся Русь, вся жизнь ее доселе
Тобою презрена была,
И на твоём великом деле
Печать проклятия легла.
Откинул ты Москву жестоко
И, от народа ты вдали,
Построил город одинокой —
Вы вместе жить уж не могли!
Ты граду дал свое названье,
Лишь о тебе гласит оно,
И — добровольное сознанье —
На чуждом языке дано.
Настало время зла и горя,
И с чужестранною толпой
Твой град, пирующий у моря,
Стал Руси тяжкою бедой.
Он соки жизни истощает;
Названный именем твоим,
О Русской он земле не знает
И духом движется чужим.
Грех Руси дал тебе победу,
И Русь ты смял. Но не всегда
По твоему ей влечься следу,
Путем блестящего стыда.
Так, будет время! — Русь воспрянет,
Рассеет долголетний сон
И на неправду грозно грянет, —
В неправде подвиг твой свершен!
Народа дух распустит крылья,
Изменников обымет страх,
Гнездо и памятник насилья —
Твой град рассыплется во прах!
Восстанет снова после боя
Опять оправданный народ
С освобожденною Москвою —
И жизнь свободный примет ход:
Все отпадет, что было лживо,
Любовь все узы сокрушит,
Отчизна зацветет счастливо —
И твой народ тебя простит.

1845

68. ГОРОД

Да, я люблю его, громадный, гордый град.
Но не за то, за что другие;
Не здания его, не пышный блеск палат
И не граниты вековые
Я в нем люблю, о нет! Скорбящею душой
Я прозираю в нем иное —
Его страдание под ледяной корой,
Его страдание больное.

Пусть почву шаткую он заковал в гранит
И защитил ее от моря,
И пусть сурово он в самом себе таит
Волненье радости и горя,
И пусть его река к стопам его несет
И роскоши, и неги дани, —
На них отпечатлен тяжелый след забот,
Людского пота и страданий.

И пусть горят светло огни его палат,
Пусть слышны в них веселья звуки, —
Обман, один обман! Они не заглушат
Безумно страшных стонов муки!
Страдание одно привык я подмечать,
В окне ль с богатою гардиной,
Иль в темном уголку, — везде его печать!
Страданье — уровень единый!

И в те часы, когда на город гордый мой
Ложится ночь без тьмы и тени,
Когда прозрачно все, мелькает предо мной
Рой отвратительных видений...
Пусть ночь ясна, как день, пусть тихо все вокруг,
Пусть все прозрачно и спокойно, —
В покое том затих на время злой недуг,
И то — прозрачность язвы гнойной.

69. ГОРОД

(Посвящается И. А. Манну)

< >

Но я — я чужд тебе, великолепный град.
 Ни тихих слез, ни бешеного смеха
Не вырвет у меня ни твой больной разврат,
 Ни над святыней жалкая потеха.
Тебе уже ничем не удивить меня —
 Ни гордостью дешевого безверья,
Ни коловратностью бессмысленного дня,
 Ни бесполезной маской лицемерья.

Увы, столь многое прошло передо мной:
 До слез, до слез страдание смешное,
И не один порыв возвышенно-святой,
 И не одно великое земное
Судьба передо мной по ветру разнесла,
 И не один погиб избранник века,
И не одна душа за деньги продала
 Свою святыню — гордость человека.

И не один из тех, когда-то полный сил,
 Искавших жадно лучшего когда-то,
Благоразумно бред покинуть рассудил
 Или погиб добычею разврата;
А многие из них навеки отrekliсь
 От всех надежд безумных и опасных,
Спокойно в чьи-нибудь холопы продались
 И за людей сльвут себе прекрасных.

Любуйся ж, юноша, на пышный, гордый град,
 Стремись к нему с надеждой и любовью,
Пока еще тебя не истощил разврат
 Иль гнев твое не обдал сердце кровью,
Пока еще тебе в божественных лучах
 Сияет все великое земное,
Пока еще тебя не объял рабский страх
 Иль истощенье жалкое покоя.

70. ПРОЩАНИЕ С ПЕТЕРБУРГОМ

Прощай, холодный и бесстрастный,
Великолепный град рабов,
Казарм, борделей и дворцов,
С твоею ночью гнойно-ясной,
С твоей холодностью ужасной
К ударам палок и кнутов,
С твоею подлой царской службой,
С твоим тщаславьем мелочным,
С твоей чиновнической...
Которой славны, например,
И Калайдович, и Лакьер,
С твоей претензией — с Европой
Идти и в уровень стоять...
Будь проклят ты ...!

Февраль 1846

Михаил Дмитриев

71. ПОДВОДНЫЙ ГОРОД *Идиллия*

Море ропщет, море стонет!
Чуть поднимется волна,
Чуть пологий берег тронет, —
С стоном прочь бежит она!

Море плачет; брег песчаный
Одинок, печален, дик;
Небо тускло; сквозь туманы
Всходит бледен солнца лик.

Молча на воду спускает
Лодку ветхую рыбак,
Мальчик сети расстилает,
Глядя молча в дальний мрак!

И задумался он, глядя,
И взяла его тоска:
«Что так море стонет, дядя?» —
Он спросил у рыбака.

«Видишь шпиль? Как нас в погоду
Закачало с год тому,
Помнишь ты, как нашу лодку
Привязали мы к нему?..

Тут был город всем привольный
И над всеми господин,
Нынче шпиль от колокольни
Виден из моря один.

Город, слышно, был богатый
И нарядный, как жених;
Да себе копил он злато,
А с сумой пускал других!

Богатырь его построил;
Топь костями он забутил,
Только с богом как ни спорил,
Бог его перемудрил!

В наше море в стары годы,
Говорят, текла река,
И сперла гранитом воды
Богатырская рука!

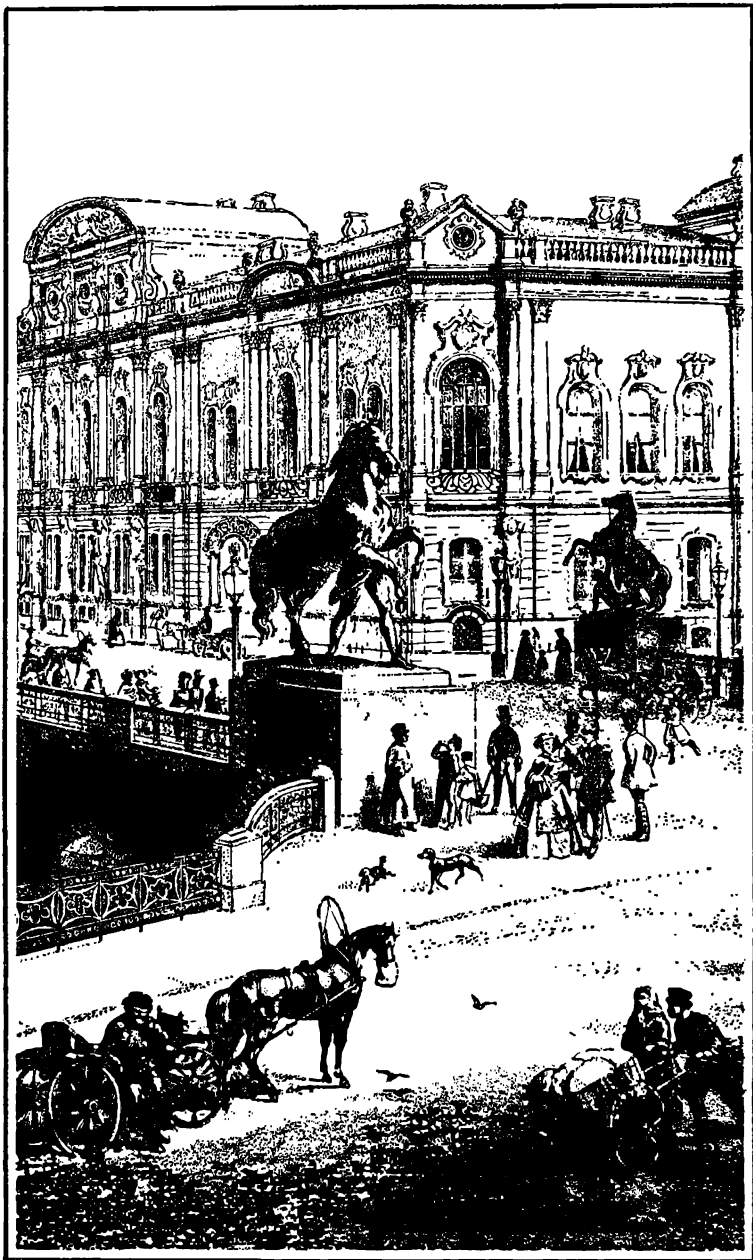
Но подула буря с моря,
И назад пошла их рать,
Волн морских не переспоря,
Человеку вымещать!

Всё за то, что прочих братий
Брат богатый позабыл,
Ни молитв их, ни проклятий
Он не слушал, ел да пил, —

Оттого порою стонет
Моря темная волна;
Чуть пологий берег тронет —
С стоном прочь бежит она!»

Мальчик слушал, робко глядя,
Страшно делалось ему:
«А какое ж имя, дядя,
Было городу тому?»

«Имя было? Да чужое,
Позабывтое давно,
Оттого что не родное —
И не памятно оно».

Николай Некрасов

72. ГОВОРУН

ЗАПИСКИ ПЕТЕРБУРГСКОГО ЖИТЕЛЯ А. Ф. БЕЛОПЯТКИНА

Глава I

< >

V

Столица наша чудная
Богата через край.
Житье в ней нищим трудное,
Миллионсрам — рай.
Здесь всюду наслаждения
Для сердца и очей,
Здесь все без исключения
Возможно для людей.
При деньгах — вдвое вырасти,
Чертовски разжиреть,
От голода и сырости
Без денег умереть
(Где розы, там и тернии —
Таков закон судьбы!
Бедняк, живи в губернии:
Там дешевы грибы).
С большими здесь и с малыми
В одном дому живешь
И рядом с генералами
По Невскому идешь.
Захочешь позабавиться —
Берешь газетный лист,
Задумаешь прославиться —
На то есть журналист:
Хвалы он всем славнейшие
Печатно раздает,
И как — душа добрейшая —
Недорого берет!
Чего б здесь не увидели,
Чего бы не нашли?
Портные, сочинители,

Купцы со всей земли,
Найлучшие сапожники,
Актеры, повара,
С шарманками художники
Такие, что — ура!..
Я в них влюблен решительно
И здесь их воспою...

1843—1845

73

Вчерашний день, часу в шестом,
Зашел я на Сенную;
Там били женщину кнутом,
Крестьянку молодую.

Ни звука из ее груди,
Лишь бич свистал, играя...
И Музе я сказал: «Гляди!»
Сестра твоя родная!»

1848

74. «НЕСЧАСТНЫЕ»

. Воображенье
К столице юношу манит,
Там слава, там простор, движенье,
И вот он в ней! Идет, глядит —
Как чудно город изукрашен!
Шпили его церквей и башен
Уходят в небо; пышны в нем
Театры, улицы, жилища
Счастливых мира — и кругом
Необозримые кладбища...

О город, город роковой!
С певцом твоих громад красивых,
Твоей ограды вековой,
Твоих солдат, коней ретивых
И всей потехи боевой,
Пленный лирой сладкострунной,
Не спорю я: прекрасен ты
В безмолвьи полночи безлунной,
В движеньи гордой суеты!

.
Пусть солнце тусклое, скупое
Глядится в невские струи;
Пусть, теща буйство удалое
И сея плевелы свои,
Толпы пустых, надменных, праздных,
Полны пороков безобразных,
В тебе кишат. В стенах твоих
И есть и были в стары годы
Друзья народа и свободы,
А посреди могил немых
Найдутся громкие могилы.
Ты дорог нам,— ты был всегда
Ареной деятельной силы,
Пытливой мысли и труда!

Всё так. Но если пенароком
В твои пределы загляну,
Купаясь в омуте глубоком,
Переживая старину,
Душа болит. Не в залах бальных,
Где торжествует суета,
В приютах нищеты печальных
Блуждает грустная мечта.
Не лучезарный, золотистый,
Но редкий солища луч... о нет!
Твой день больной, твой вечер мгlistый,
Туманный, медленный рассвет
Воображенье мне рисует...
Светает. Чу, как ветер дует!
Унять бы рады сорванца,
Но он смеется над столицей
И флагом гордого дворца
Играет, как простой тряпицей.
Нева волнуется, дома
Стоят, как крепости пустые;
Железным болтом запертые,
Угрюмы лавки, как тюрьма.
Их постепенно отворяют,
Товару в окна прибавляют,—
Так ставит с вечера капкан
Охотник, на добычу падкий.
Вот солнце глянуло украдкой,
Но одолел его туман —

И снова мрак. Какие лица
Теперь приходится встречать!
Такую страшную печать
Умеет класть одна столица.
Проехал воз: ни рус, ни сед,
Чухонец им курносый правил
И ельника зеленый след
На мокрой улице оставил —
Покойник будет. Вот и он!
До пышных дожил похорон:
Четверкой дроги, гроб угрюмый
Стоит высоко под парчой,
Идет родня с печальной думой,
Поникнув молча головой;
Плетутся дряхлые кареты,
То там, то тут, полуодеты,
Из окон женщины глядят,
Прохожий крестится сурово...
Прошла процессия — и снова
Всё пусто. — Вот идет солдат
За фурой вроде погребальной —
Глядит оттуда глаз печальный
И видно бледное лицо...
Довольно! что теперь ни встретишь,
На всем унынья след заметишь.
Но вот парадное крыльцо
В богатом доме отворяет
Какой-то рослый молодец, —
Теперь-то утро наступает!
Туман осилив наконец,
Одело солнце сетью чудной
Дворцы, и храмы, и мосты,
И нет следов заботы трудной
И недовольной нищеты!
Как будто появляться вредно
При полном водвореньи дня
Всему, что зелено и бледно,
Несчастно, голодно и бедно,
Что ходит голову склоня!
Теперь гляди на город шумный!
Теперь он пышен и богат —
Несется в толкотне безумной
Блестящих экипажей ряд,
Все полно жизни и тревоги,

Все лица блещут и цветут,
И с похорон обратно дроги
Пустые весело бегут...

Ликует сердце молодое —
В восторге юноша Постой!
Ты будешь говорить другое
Родство постигнув роковое
Меж этим блеском и тобой!
Пройдут года в борьбе бесплодной,
И на красивые плиты,
Как из машины винт негодный
Быть может, брошен будешь ты?
Счастли́в, кому мила дорога
Стяжанья, кто ей верен был
И в жизни ни однажды бога
В пустой груди не ощутил.
Но если той тревоги смутной
Не чуждо сердце — пропадешь!
В глухую полночь, бесприютный,
По стогнам города пойдешь:
Громадный, стройный и суровый,
Заснув под тучею свинцовой,
Тогда предстанет он иным
И, опоясанный гробами,
Своими пышными дворцами,
Величьем царственным своим —
Не будет радовать

1856

75. РАЗМЫШЛЕНИЯ У ПАРАДНОГО ПОДЪЕЗДА

Вот парадный подъезд. По торжественным дням,
Одержимый холопским недугом,
Целый город с каким-то испугом
Подъезжает к заветным дверям;
Записав свое имя и званье,
Разъезжаются гости домой,
Так глубоко довольны собой,
Что подумаеть — в том их призванье!
А в обычные дни этот пышный подъезд
Осаждают убогие лица:
Прожектеры, искатели мест,
И преклонный старик, и вдовица.

От него и к нему то и знай по утрам
Всё курьеры с бумагами скачут.
Возвращаясь, иной напевает «трам-трам»,
А иные просители плачут.
Раз я видел, сюда мужики подошли,
Деревенские русские люди,
Помолились на церковь и стали вдали,
Свесив русые головы к груди;
Показался швейцар. «Допусти», — говорят
С выраженьем надежды и муки.
Он гостей оглядел: некрасивы на взгляд!
Загорелые лица и руки,
Армячишка худой на плечах,
По котомке на спинах согнутых,
Крест на шее и кровь на ногах,
В самодельные лапти обутых
(Знать, брели-то долгонько они
Из каких-нибудь дальних губерний).
Кто-то крикнул швейцару: «Гони!
Наш не любит оборванной черни!»
И захлопнулась дверь. Постояв,
Развязали кошли пилигримы,
Но швейцар не пустил, скудной лепты не взяв,
И пошли они, солнцем палимы,
Повторяя: «Суди его бог!»,
Разводя безнадежно руками,
И, покуда я видеть их мог,
С непокрытыми шли головами...

А владелец роскошных палат
Еще сном был глубоким объят...
Ты, считающий жизнью завидною
Упоение лестью бесстыдною,
Волокитство, обжорство, игру,
Пробудись! Есть еще наслаждение:
Вороти их! в тебе их спасенис!
Но счастливые глухи к добру...
Не страшат тебя громы небесные,
А земные ты держишь в руках,
И несут эти люди безвестные
Неисходное горе в сердцах.
Что тебе эта скорбь вопиющая,
Что тебе этот бедный народ?
Вечным праздником быстро бегущая

Жизнь очнуться тебе не дает.
И к чему? Щелкоперов забавою
Ты народное благо зовешь;
Без него проживешь ты со славою
 И со славой умрешь!
Безмятежней аркадской идиллии
Закатятся преклонные дни:
Под пленительным небом Сицилии,
В благовонной древесной тени,
Созерцая, как солнце пурпурное
Погружается в море лазурное,
Полосами его золотя,—
Убаюканный ласковым пением
Средиземной волны,— как дитя
Ты уснешь, окружен попечением
Дорогой и любимой семьи
(Ждущей смерти твоей с нетерпением);
Привезут к нам останки твои,
Чтоб почтить похоронною тризною,
И сойдешь ты в могилу... герой,
Втихомолку проклятый отчиною,
Возвеличенный громкой хвалою!..

Впрочем, что ж мы такую особу
Беспокоюм для мелких людей?
Не на них ли нам выместить злобу —
Безопасней... Еще веселей
В чем-нибудь приискать утешенье...
Не беда, что потерпит мужик:
Так ведущее нас провиденье
Указало... да он же привык!
За заставой, в харчевне убогой
Всё пропьют бедняки до рубля
И пойдут, побираясь дорогой,
И застонут... Родная земля!
Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал?
Стонет он по полям, по дорогам,
Стонет он по тюрьмам, по острогам,
В рудниках, на железной цепи;
Стонет он под овином, под стогом,
Под телегой, ночуя в степи;

Стонет в собственном бедном домишке,
Свету божьего солнца не рад;
Стонет в каждом глухом городишке,
У подъезда судов и палат.
Выдь на Волгу: чей стон раздастся
Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песней зовется —
То бурлаки идут бечевой!..
Волга! Волга!.. Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной
Переполнилась наша земля,—
Где народ, там и стон... Эх, сердечный!
Что же значит твой стон бесконечный?
Ты проснешься ль, исполненный сил,
Иль, судеб повинуюсь закону,
Всё, что мог, ты уже совершил,—
Создал песню, подобную стону,
И духовно навеки почил?..

1858

76. ДРУЖЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА МОСКВЫ С ПЕТЕРБУРГОМ

1

МОСКОВСКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

На дальнем севере, в гиперборейском крае,
Где солнце тусклое, показываясь в мае,
Скрывается опять до лета в сентябре —
Столица новая возникла при Петре.
Возникнув с помощью чухонского народа
Из топей и болот в каких-нибудь два года,
Она до наших дней с Россией не срослась:
В употреблении там гнусный рижский квас,
С немецким языком там перемешан русский,
И над обоими господствует французский.
А речи истинно-народный оборот
Там редок столько же, как честный патриот!

Да, патриота там наищешься со свечкой:
Подбиться к сильному, прикинуться овечкой,
Местечка теплого добиться, и потом

Безбожно торговать и честью и умом —
Таков там человек! Но впрочем, без сомненья,
Слешу оговорить, найдутся исключенья.
Забота промысла о людях такова,
Что если где растет негодная трава,
Там есть и добрая: вот, например, Жуковский,—
Хоть в Петербурге жил, но был с душой московской.
Театры и дворцы, Нева и корабли,
Несущие туда со всех концов земли
Затеи роскоши; музеи просвещенья,
Музеи древностей — «все признаки ученья»
В том городе найдешь; нет одного: души!
Там высох человек, погрязнув в барыши,
Улыбка на устах, а на уме коварность:
Святого ничего — одна утилитарность!
Итак, друзья мои! клянусь тщеславный град!
Рыдаю и клянусь... Прогрессу он не рад.
В то время, как Москва надеждами пылает,
Он погружается по-прежнему в разврат
И против гласности стишонки сочиняет!..

1859

77. О ПОГОДЕ

Часть первая УЛИЧНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Что за славная столица
Развеселый Петербург!

Лакейская песня

I

УТРЕННЯЯ ПРОГУЛКА

Слава богу, стрелять перестали!
Ни минуты мы нынче не спали,
И едва ли кто в городе спал:
Ночью пушечный гром грохотал,
Не до сна! Вся столица молилась,
Чтоб Нева в берега воротилась,
И минула большая беда —
Понемногу сбывает вода.
Начинается день безобразный —
Мутный, ветреный, темный и грязный.
Ах, еще бы на мир нам с улыбкой смотреть!

Мы глядим на него через тусклую сеть,
Что как слезы струится по окнам домов
От туманов сырых, от дождей и снегов!
Злость берет, сокрушает хандра,
Так и просятся слезы из глаз.
Нет! Я лучше уйду со двора...
Я ушел — и наткнулся как раз
На тяжелую сцену. Везли на погост
Чей-то вохрой окрашенный гроб
Через длинный Исакиев мост.
Перед гробом не шли ни родные, ни поп,
Не лежала на нем золотая парча,
Только, в крышу дощатого гроба стуча,
Прыгал град, да извозчик палач
Бил кургузым кнутом спотыкавшихся кляч,
И вдоль спин побелевших удары кнута
Полосами ложились. Съезжая с моста,
Зацепила за дроги коляска, стремглав
С офицером, кричавшим: «Пошел!» — проскакав,
Гроб упал и раскрылся.

«Сердечный ты мой!

Натерпелся ты горя живой,
Да пришлось терпеть и по смерти...
То случился проклятый пожар,
То теперь наскружили вдруг — черти!
Вот уж подлинно бедный Макар!
Дом-то, где его тело стояло,
Загорелся, — забыли о нем, —
Я схватилась: побились немало,
Да спасли-таки гроб целиком,
Так опять неудача сегодня!
Видно, участь его такова...
Расходилась рука-то господня,
Не удержишь!..»

Такие слова

Говорила бездушно и звонко,
Подбежав к мертвецу впопыхах,
Провожавшая гроб старушонка,
В кацавейке, в мужских сапогах.
«Вишь, проклятые! Ехать им тесно!»
— «Кто он был?» — я старуху спросил.
«Кто он был? да чиновник, известно;
В департаментах разных служил.

Петербург ему солон достался:
В наводнение жену потерял,
Целый век по квартирам таскался
И четырнадцать раз погорал.
А уж службой себя как неволил!
В будни сиднем сидел да писал,
А по праздникам ноги мозолил —
Все начальство свое поздравлял.
Вот и кончилось тем — простудился!
Звал из Шуи родную сестру,
Да деньжонок послать поспешился.
„Так один, говорит, и умру,
Не дождусь... кто меня похоронит?
Хоть уж ты не оставь, помоги!”
Страх, бывало, возьмет, как застонет!
„Подари, говорю, сапоги,
А то вишь разошелся дождище!
Неравно в самом деле умрешь,
В чем пойду проводить на кладбище?”
Закивал головой...» — «Ну и что ж?» —
«Ну и умер — и больше ни слова:
Надо места искать у другого!»
— «И тебе его будто не жаль?» —
«Что жалеть! нам жалеть недосужно,
Что жалеть? хоронить теперь нужно.
Эка, батюшки, страшная даль!
Эко времечко!.. господи боже!
Как ни дорого бедному жить,
Умирать ему вдвое дороже.
На кладбище-то место купить,
Да попу, да на гроб, да на свечи...»

Говоря эти грустные речи,
До кладбища мы скоро дошли
И покойника в церковь внесли.
Много их там гуртом отпевалось,
Было тесно — и трудно дышалось.
Я ушел по кладбищу гулять;
Там одной незаметной могилы,
Где уснули великие силы,
Мне хотелось давно поискать.

Сделав даром три добрые круга,
Я у сторожа вздумал спросить.
Имя, званье, все признаки друга

Он заставил пять раз повторить
И сказал: «Нет, такого не знаю;
А, пожалуй, приметку скажу,
Как искать: ты ищи его с краю,
Перешедши вон эту межу,
И смотри: где кресты — там мещане,
Офицеры, простые дворяне;
Над чиновником больше плита,
Под плитой же бывает учитель,
А где нет ни плиты, ни креста,
Там, должно быть, и есть сочинитель»

За совет я спасибо сказал,
Но могилы тот день не искал.
Я старуху знакомую встретил
И покойника с ней хоронил.
День, по-прежнему гнил и не светел,
Вместо града дождем нас мочил.
Средь могил, по мосткам деревянным
Довелось нам долгонько шагать.
Впереди, под навесом туманным,
Открывалась болотная гладь:
Ни жилья, ни травы, ни кусточка,
Все мертво — только ветер свистит.
Вон виднеется черная точка:
Это сторож. «Скорее!» — кричит.
По танцующим жердочкам прямо
Мы направились с гробом туда.
Наконец, вот и свежая яма,
И уж в ней по колено вода!
В эту воду мы гроб опустили,
Жидкой грязью его завалили,
И конец! Старушонка опять
Не могла пересилить досады:
«Ну, дождался, сердечный, отрады!
Что б уж, кажется, с мертвого взять?
Да господь, как захочет обидеть,
Так обидит: вчера погорал,
А сегодня, изволите видеть,
Из огня прямо в воду попал!»
Я взглянул на нее — и заметил,
Что старухе-то жаль бедняка:
Бровь одну поводило слегка...
Я немым ей поклоном ответил

И ушел... Я доволен собой,
Я недаром на улице вышел:
Я хандру разогнал — и смешной
Каламбур на кладбище услышал,
Подготовленный жизнью самой...

II

ДО СУМЕРЕК

< . >

3

Я горячим рожден патриотом,
Я весьма терпеливо стою,
Если войско, несметное счетом,
Переходит дорогу мою.
Ускользнут ли часы из кармана,
До костей ли прохватит мороз
Под воинственный гром барабана.
Не жалею: я истинный Росс!
Жаль, что нынче погода дурная,
Солнца нет, кивера не блестят
И не лоснится масть вороная
Лошадей... Только сабли звенят;
На солдатах едва ли что сухо,
С лиц бегут дождевые струи,
Артиллерия тяжело и глухо
Подвигает орудья свои.
Все молчит. В этой раме туманной
Лица воинов жалки на вид,
И подмоченный звук барабанный
Словно издали жидко гремит...

4

Прибывает толпа ожидающих,
Сколько дрожек, колясок, карет!
Пеших, едущих, празднично-зсвающих
Счету нет!
Тут квартальный с захваченным пьяницей,
Как Федотов его срисовал,
Тут старуха с аптечною стекляницей,
Тут жандармский седой генерал;

Тут и дама такая сердитая —
Открывай ей немедленно путь!
Тут и лошадь, недавно побитая:
Бог привел и ее отдохнуть!
Смотрит прямо в окошко каретное,
На стекле надышала пятно.
Вот лицо, молодое, приветное,
Вот и ручка, — раскрылось окно,
И погладила клячу несчастную
Ручка белая... дождь зачастил,
Словно спрятаться ручку прекрасную

Поскорей торопил.

Тут бедняк итальянец с фигурами,
Тут чухна, продающий грибы,
Тут рассыльный Минай с корректурами.

«Что, старинушка, много ходьбы?»

— «Много было до сорок девятого;

Отдохнули потом... да опять

С пятьдесят этак прорвало с пятого,

Успевай только ноги таскать!»

— «А какие ты носишь издания?»

— «Пропасть их — перечесть мудрено.

Я „Записки“ носил с основания,

С „Современником“ нянчусь давно:

То носил к Александру Сергеичу,

А теперь уж тринадцатый год

Все ношу к Николай Алексеичу, —

На Литейной живет.

Слог хорош, а жиденько издание,

Так, оберточкой больше берут.

Вот „Записки“ — одно уж название!

Но и эти, случается, врут.

Всё резать друг дружку стараются,

Впрочем, нас же надуть норовят:

В месяц тридцать листов обещаются,

А рассыльный таскай шестьдесят!

Знай ходи — то в Коломну, то к Невскому,

Даже Фрейганг устанет марать:

«Объяви, говорит, ты Краевскому,

Что я больше не стану читать!..»

Вот и нынче несу что-то спешное —

Да пускай подождут, не впервой.

Эх, умаялось тело-то грешное!..»

— «Да, пора бы тебе на покой».

— «То-то нет! говорили мне многие,
Даже доктор (в тридцатом году
Я носил к нему «Курс патологии»):
Жить тебе, пока ты на ходу!
И ведь точно: сильнее нездоровится,
Коли в праздник ходьба остановится:
Ноет спинушка, жилы ведет!
Я хожу уж полвека без малого,
Человека такого усталого

Не держи — пусть идет!
Умереть бы привел бог со славою,
Отдохнуть отдохнем, потрудясь...»
Принял позу старик величавую,
На Исакия смотрит, крестясь.
Мне понравилась речь эта странная.
— «Трудно дело твое!» — я сказал.--
«Дела нет, а ходьба беспрестанная,
Зато город я славно узнал!
Знаю, сколько в нем храмов считается,
В каждой улице сколько домов.
Сколько вывесок, сколько шагов
(Так, идешь да считаешь, случается).
Грешен, знаю число кабаков.
Что ни есть в этом городе жителей,
Всех по времени вызнал с лица».
— «Ну, а много видал сочинителей?»
— «День считай — не дойдешь до конца,
Чай, и счет потерял в литераторах!
Коиx помню — пожалуй, скажу.
При царице, при трех императорах
К ним ходил... при четвертом хожу:
Знал Булгарина, Греча, Сенковского,
У Воейкова долго служил,
В Шепелевском сыпал у Жуковского
И у Пушкина в Царском гостил.
Походил я к Василью Андреичу,
Да гроша от него не видал,
Не чета Александру Сергеичу —
Тот частенько на водку давал.
Да зато попрекал все цензурою:
Если красные встретит кресты,
Так и пустит в тебя корректурую:
Убирайся, мол, ты!
Глядя, как человек убивается,

Раз я молвил: сойдет-де и так!
„Это кровь, говорит, проливается, —
Кровь моя, — ты дурак!..”».

5

Полно ждать! за последней колонною
Отсталые прошли,
И покрытого красной попоною
В заключение коня провели.
Торжествуя конец ожидания,
Кучера завопили «пади!»
Все спешит. — «Ну, старик, до свидания,
Коли нужно идти, так иди!!!»

6

Я, продрогнув, домой побежал.
Небо, видно, сегодня не сжалится:
Только дождь перестал,
Снег лепешками крупными валится!
Город начал пустеть — и пора!
Только бедный да пьяный шатаются,
Да близ медной статуи Петра,
У присутственных мест дожидаются
Сотни сотен крестьянских дровней,
И так щедро с небес посыпаются,
Что за снегом не видно людей.
Чу! рыдание баб истеричное!
Сдали парня? Жалей не жалей,
Перемелется — дело привычное!
Злость-тоску мужики на лошадках сорвут,
Коли денежки есть — раскошелятся
И кручинушку штофом запьют,
А слезами-то бабы поделаются!
По ведерочку слез на сестренок уйдет,
С полведра молодухе достанется,
А старуха-то мать и без меры возьмет —
И без меры возьмет — что останется!

III

СУМЕРКИ

Говорят, еще день. Правда, я не видал,
Чтобы месяц свой рог золотой показал,
Но и солнца не видел никто.

Без его даровых, благодатных лучей
Золоченые куполы пышных церквей

И вся роскошь столицы — ничто.

Надо всем, что ни есть: над дворцом и тюрьмой,
И над медным Петром, и над грозной Невой,

До чугунных коней на воротах застав
(Что хотят ускакать из столицы стремглав) —

Надо всем распростерся туман.

Душный, стройный, угрюмый, гнилой,
Некрасив в эту пору наш город большой,
Как изношенный фат без румян...

Наша улица улиц столичных краса,

В ней дома все в четыре этажа,

Не лазурны над ней небеса,

Да зато процветает продажа.

Сверху донизу вывески силошь

Покрывают громадные стены,

Сколько хочешь тут немцев найдешь —

Из Берлина, из Риги, из Вены.

Всё соблазны, помилуй нас бог!

Там перчатка с руки великана,

Там торчит Веллингтонов сапог,

Там с открытою грудью Диана,

Даже ты, Варсонофий Петров,

Подле вывески «Делают гробы»

Прицепил полуженные скобы

И другие снаряды гробов,

Словно хочешь сказать: «Друг-прохожий!

Соблазنىсь — и умри поскорей!»

Человек ты, я знаю, хороший,

Да многонько родил ты детей —

Непрестанные нужны заказы...

Ничего! обеспечен твой труд,

Бедность гибельней всякой заразы —

В нашей улице люди так мрут,

Что по ней то и знай на кладбища,

Как в холеру, тащат мертвецов:

Холод, голод, сырые жилища —

Не робей, Варсонофий Петров!..

В нашей улице жизнь трудовая:

Начинают ни свет ни заря

Свой ужасный концерт, припевая,

Токари, резчики, слесаря,
А в ответ им гремит мостовая!
Дикий крик продавца-мужика,
И шарманка с пронзительным воем,
И кондуктор с трубой, и войска,
С барабанным идущие боем,
Понуканье измученных кляч,
Чуть живых, окровавленных, грязных,
И детей раздирающий плач
На руках у старух безобразных:
Все сливается, стонет, гудёт,
Как-то глухо и грозно рокошет,
Словно цепи куют на несчастный народ,
Словно город обрушиться хочет.
Давка, говор... (о чем голоса?
Все о деньгах, о нужде, о хлебе).
Смрад и копоть. Глядишь в небеса,
Но отрады не встретишь и в небе.

Этот омут хорош для людей,
Расставляющих ближнему сети,
Но не жалко ли бедных детей!
Вы зачем тут, несчастные дети?
Неужели душе молодой
Уж знакомы нужда и неволя?
Ах, уйдите, уйдите со мной
В тишину деревенского поля!
Не такой там услышите шум,
Так шумит созревающий колос,
Усыпляя младенческий ум
И страстей преждевременный голос.
Солице, воздух, цветов аромат —
Это всех поколений наследство,
За пределами душевных оград
Проведете вы сладкое детство.
Нет! вам красного детства не знать,
Не прожить вам покойно и честно.
Жребий ваш... но к чему повторять
То, что даже ребенку известно?

На спине ли дрова ты нессшь на чердак,
Через лоб потянувши веревку,
Грош ли просишь, идешь ли в кабак,
Задают ли тебе потасовку —

Ты знаком уже нам, петербургский бедняк,
Нарисованный ловкою кистью
В модной книге, — угрюмый, худой,
Обесмысленный дикой корыстью,
Страхом, голодом, мелкой борьбой.
Мы довольно похвал расточали
И довольно плели мы венков
Тем, которые нам рисовали
Любопытную жизнь бедняков.
Где ж плоды той работы ползстрой?
Увидав, как читатель иной
Льет над книгою слезы рекой,
Так и хочешь сказать» «Друг любезный,
Не сочувствуй ты горю людей,
Не читай ты гуманных книжонок,
Но не ставь за каретой гвоздсей,
Чтоб, вскочив, накололся ребенок!»

Часть вторая

II

КОМУ ХОЛОДНО, КОМУ ЖАРКО!

Свечерело. В предместиях дальних,
Где, как черные змеи, летят
Клубы дыма из труб колоссальных,
Где сплошными огнями горят
Красных фабрик громадные стены,
Окаймляя столицу кругом. —
Начинаются мрачные сцены.
Но в предместия мы не пойдем.
Нам зимою приятней столица
Там, где ярко горят фонари,
Где гуляют довольные лица,
Где катаются сами цари.

Надышавшись классической пылью
В Петербурге, паспорт мы берем
И чихать уезжаем в Севилью.
Но кто летом толкается в нем,
Тот ему одного пожелает —
Чистоты, чистоты, чистоты!
Грязны улицы, лавки, мосты,
Каждый дом золотухой страдает;

Штукатурка валится — и бьет
Тротуаром идущий народ,
А для едущих есть мостовая,
Не щадящая бедных боков;
Летом взруют ее, починяя,
Да наставят зловонных костров:
Как дорогой бросаются в очи
На зеленом лугу светляки,
Ты заметишь в туманные ночи
На вершине костров огоньки, —
Берегись!.. В дополнение, с мая,
Не весьма-то чиста и всегда,
От природы отстать не желая,
Зацветает в каналах вода...

(Наша муза парит невысоко,
Но мы пишем не легкий сонет,
Наше дело исчерпать глубоко
Воспеваемый нами предмет.)

Уж давно в тебя летней порою
Не случилось нам заглянуть,
Милый город! где трудной борьбою
Надорвали мы смолоду грудь,
Но того мы еще не забыли,
Что в июле пропитан ты весь
Смесью водки, конюшни и пыли —
Характерная русская смесь.

Но зимой — дышишь вольно; для глаза —
Роскошь! Улицы, зданья, мосты
При волшебном сиянии газа
Получают печать красоты.
Как проворно по хрупкому снегу
Мчитя тысячный, кровный рысак!
Даже клячи извозчицьи бегу
Прибавляют теперь. Каждый шаг,
Каждый звук так отчетливо слышен,
Всё свежо, всё эффектно: зимой,
Словно весь посеребренный, пышен
Петербург самобытной красой!
По каналам, что летом зловонны,
Блещет лед, ожидая коньков,
Серебром отливают колонны,

Орнаменты ворот и мостов;
В серебре лошадиные гривы,
Шапки, бороды, брови людей,
И, как бабочек крылья, красивы
Ореолы вокруг фонарей!

<

>

1859—1865

78. ПЕСНИ О СВОБОДНОМ СЛОВЕ

I

РАССЫЛЬНЫЙ

Люди бегут, суетятся,
Мертвых везут на погост...
Еду кой с кем повидаться
Через Николаевский мост.

Пот отирая обильный
С голого лба, стороной —
Вижу — плетется рассыльный,
Старец угрюмый, седой.

С дедушкой этим, Минасм,
Я уж лет тридцать знаком:
Оба мы хлеб добываем
Литературным трудом.

(Молод я прибыл в столицу,
Вирши в редакцию свез, —
Первую эту страницу
Он мне в наборе принес!)

Оба судьбой мы похожи,
Если пошире глядеть:
Век свой мы лезли из кожи,
Чтобы в цензуру поспеть;

Цензор в спокойствии нашем
Равную ролю играл, —
Раньше, бывало, мы ляжем,
Если статью подписал;

Если ж сказал: «Запрещаю!» —
Вновь я садился писать,
Вновь приходилось Минаю
Бегать к нему, поджидать.

Эти волнения были
Сходны в итоге вполне:
Ноги ему подкосили,
Нервы расстроили мне.

Кто поплатился дорожке,
Время уж скоро решит,
Впрочем, я вдвое моложе.
Он уж непрочен на вид,

Длинный и тощий, как олов,
Но стариковски пригож...
— Эй! на Васильевский остров
К цензуре, что ли, идешь? —

«Баста ходить по цензуре!
Освобонилась печать.
Авторы наши в натуре
Стали статейки пушать.

К ним да к редактору ныне
Только и носим статьи...
Словно повысились в чине,
Ожили детки мои!

Каждый теперича кроток,
Ну да и нам-то расчет:
На восемь гривен подметок
Меньше изнаосится в год!..»

1865

79. УТРО

Ты грустна, ты страдаешь душою:
Верю — здесь не страдать мудрено.
С окружающей нас нищетою
Здесь природа сама заодно.

Бесконечно унылы и жалки
Эти пастбища, пивы, луга,
Эти мокрые, сонные галки,
Что видят на вершине стога;

Эта кляча с крестьянином пьяным,
Через силу бегущая вскачь
В даль, сокрытую синим туманом,
Это мутное небо... Хоть плачь!

Но не краше и город богатый:
Те же тучи по небу бегут;
Жутко нервам — железной лопатой
Там теперь мостовую скребут.

Начинается всюду работа;
Возвестили пожар с каланчи;
На позорную площадь кого-то
Провезли — там уж ждут палачи.

Проститутка домой на рассвете
Поспешает, покинув постель;
Офицеры в наемной карете
Скачут за город: будет дуэль.

Торгаши просыпаются дружно
И спешат за прилавки засесть:
Целый день им обмеривать нужно,
Чтобы вечером сытно поесть.

Чу! из крепости грянули пушки!
Наводнение столице грозит...
Кто-то умер: на красной подушке
Первой степени Анна лежит.

Дворник вора колотит — попался!
Гонят стадо гусей на убой;
Где-то в верхнем этаже раздался
Выстрел — кто-то покончил с собой...

1872 — 1873

Гора высокая, вершина чуть видна,
Пустыня жаркая, нет ни дождя, ни тени;
Вся тернием густым обложена она
И знойным воздухом удушливых растений.
И мне, бессильному, досталось идти
По столь тяжелому пустынному пути!..
И я иду по нем, едва переступаю,
Шатаюсь, иду, иду, и за собой
Кровавые следы страдания оставляю, —
Судьба жестокая свершилась надо мной!
Со взором ищущим, палящими устами
Иду, от крутизны мне сердце в грудь стучит;
И солнце жжет и жжет меня лучами,
Грудь задыхается, и голова горит!
Куда ж ведет меня пустынный путь, мне новый?
На эту высь и даль — туда мне не взойти...
И с ужасом смотрел я на мой путь терновый,
И оглянулся я, нельзя ль назад сойти.
И вдруг глазам моим видение предстало —
Я женщину увидел пред собой:
Чудовище передо мной стояло
Ужасной вышины, с огромной головой,
И руки грязные с участием простирало:
Старуха мерзкая, отжившая свой век,
Не мытая со дня рожденья,
На ней болезнь, разврат и преступленье —
Все, чем когда-либо был гадок человек;
Навешены на ней сокровища земли —
И жемчуг, и алмаз, и золота куски,
Но язвами покрыто ее тело
И из-под золотой блистающей парчи
Рубаха черная лохмотьями висела.
Глава лохматая покровом величавым
Покрыта вся, как твердою броней,
Кругом штыки, мечи, доспехи дикой славы,
И там же наверху лежал закон кровавый,
И эшафот стоял с отрубленной головой.
На раменах ее столицы возвышались,
И между ними был и наш шпиц крепостной,
И он не меньше всех блистал своей главой.

И там же близ церквей построены темницы.
И за решетками, едва просунув нос,
Виднелись в окнах всё замученные лица:
В глазах их не было ни капли больше слез,
И нечем было им ни плакать, ни молиться.

< >

Меж тем стемнело все, — я на горе стоял...
И, оглянувшись, увидел, изумленный,
Тот город, где я жил, томился и страдал, —
Там, в глубине, внизу, огнями освещенный,
Он как бы в пропасти передо мной мерцал!

1849

Афанасий Фет

81. ОТВЕТ ТУРГЕНЕВУ

Поэт! ты хочешь знать, за что такой любовью
Мы любим родину с тобой!
Зачем в разлуке с ней, наперекор злословью,
Готово сердце в нас истечь до капли кровью
По красоте ее родной?

Что ж! пусть весна у нас позднее и короче, —
Но вот дождались наконец.
Синей, мечтательней божественные очи,
И раздражительней немеркнувшие ночи,
И зеленей ее венец.

Вчера я шел в ночи и помню очертанье
Багряно-золотистых туч.
Не мог я разгадать: то яркое сиянье —
Вечерней ли зари последнее прощанье,
Иль утра пламенного луч?

Как будто среди дня, замолкнувши мгновенно,
Столица севера спала,
Под обаяньем сна горда и неизменна.
И над громадой ночь, бледна и вдохновенна,
Как ясновидящая шла.

Не верилось мне, а взоры различали,
Скользя по ясной синеве,
Чьи корабли вдали на рейде отдыхали, —

А воды, не струясь, под ними отражали
Все флаги пестрые в Неве.

Заныла грудь моя,— но в думах окрыленных
С тобой мы встретились, друг!
О, верь, что никогда в объятьях раскаленных
Не мог таких ночей вполне разоблаченных
Лелеять сладострастный юг!

1856

Николай Добролюбов

82

Тронúлся лед — так тихо, стройно...
Плывет в гранитных берегах
Он так покорно и спокойно,—
Смягченный в солнечных лучах

И о чугунные преграды
Разбитый в мелкие куски:
Так ровно, мерно, средь парада,
На плаце движутся полки...

И нет ни бури, ни волнения...
Лишь воздух стал похолодней,
Прервались средства сообщенья
Да воды сделались мутней...

1857

Платон Кусков

83. ПЕТР

Люблю я памятник Великого Петра,
Стоящий весело над царственной Невою:
Проста и нехитра гранитная гора,
Что, кажется, звенит под мощною пятою
Могучего коня; с открытой головою,
В наряде древности, с классическим мечом,
Ненужным все равно почившему герою,
Он весь с одним лишь тем, что было в нем самом.
И всю его любовь к Руси непросвещенной

Я чувствую пред ним душою умиленной
И душу выразить не обретаю слов:
Все пусто на земле; лишь велика любовь!
1858

Петр Вейнберг

84

Печально я брожу по Невскому проспекту...
Как полон жизни он! как много в нем эффекту!
Бездельники, дельцы, народ мастеровой
Проходят и снуют по звонкой мостовой.

В коляске щегольской проносится красотка,
Гвардейца-молодца мчит узкая пролетка,
Линейку подает желающим лихач,
Плетется омнибус на паре тощих кляч.

Гуляющей толпой пестреют тротуары,
Там саблями стучат красивые гусары,
С лорнеткой на носу проходит дипломат,
Обнявшись с бабою, качается солдат.

Чиновники, купцы, швеи, кавалергарды,
Прически à l'anglaise*, усы и бакенбарды,
И львы лохматые, и франты без волос —
Все в массу пеструю, жужжащую слилось.

А я — один в толпе, потерянный, забытый,
В заплатанном пальто, нечесанный, небритый,
Брожу, — и с злобою глаза мои глядят
На всех, кто сыт, обут, и весел, и богат.

К чему мне Доминик, и Вольфы, и Рабоны?
И в окнах у портных жилеты, панталоны?
К чему мне это все, когда карман мой чист,
И ходит только в нем зловещий, вечный свист?

Громадный Петербург, как ты хорош в то время,
Когда души не жмет забот житейских бремя.
И как противен ты, и как болит душа,
Когда в кармане нет ни медного гроша!

1858

* На английский манер (франц.).

Николай Щербина

85. ПЕРЕД ПАМЯТНИКОМ ПЕТРУ I-МУ В ПЕТЕРБУРГЕ

Нет, не змия Всадник медный
Растоптал, стремясь вперед, —
Растоптал народ наш бедный,
Растоптал простой народ.

1859

Сперанский

86. ТОСКА ПО РОДИНЕ

Город роскоши и шума,
Суеты, молвы, балов,
Где одна «Градская дума»
Выше каменных дворцов,
Где все весело скучают
И всегда чего-то ждут,
Служат, пляшут иль гуляют —
Но житеье свое клянут!
Петра Первого «окошко»
С толстой рамою двойной,
Запад виден там немножко,
А Восток весь за стеной.
Коль зима — окошко стынет,
Вид в Немстчину закрыт,
Осенью — волна пахлынет,
Летом — из окна сквозит!
А Европа — словно нищий,
Не отходит от окна,
За копейкой или пищей
Лезет в форточку она.
И хоть много там народу,
Но — не стерпит ни один:
Из окошка — прямо в воду
И отправится в Штеттин!

1860

Ходит ветер избочась
Вдоль Невы широкой.
Снегом стелет калачи
Бабы кривобокой.

Бьется весело в гранит,
Вихри завивает
И, метелицей гудя,
Плачет да рыдает.

Под мостами свищет он
И несет с разбега
Белогрудые холмы
Молодого снега.

Под дровнишки мужика
Всё ухабы сует,
Кляче в старые бока
Безотвязно дует.

Он за валом крепостным
Вост жалким воет
На соборные часы
С их печальным боем:

Много близких голосов
Слышно в песнях ваших,
Сказок муромских лесов,
Песен дедов наших!

Ходит ветер избочась
Вдоль Невы широкой,
Снегом стелет калачи
Бабы кривобокой.

1860

Вспыхнуло утро в туманах блуждающих,
Трепетно, робко сказалось едва...
Точно как сеткою блессток играющих
Мало-помалу покрылась Нева!

Кой-где блеснут! В полутьне облаченные,
Высятся зданья над сонной водой,
Словно на лики свои оброненные
Молча глядятся, любуются собой.

Света всё больше... За тенью лиловою
Солнце чеканит струей огневой
Мачты судов над водой бирюзовою,
Выше их, ярче их — шпиль крепостной;

Давняя мачта! Огней прибавляется!
Блеск так велик, что где чайка крылом
Тронет волну — блеск волны разрывается,
Гребень струи проступает пятном.

Вон, пробираясь как будто с усилиями
В этом великом свету, кое-где
Ялики веслами машут, как крыльями,
Светлые капли роняя к воде...

Что-то как будто восточное, южное
Видится всюду! Какой-то налет,
Пыль перламутра, сиянье жемчужное —
Вдоль широко разгоревшихся вод...

Вот... Вот и говор пошел, и несмелое
Всюду движенье; заметен народ...
Гибнет картина, как чудное целое
Сгинет совсем, по частям пропадет...

Ну, и тогда, если где над пучиною
Чайка заденет плывучую глыбу,
Там не пятно промелькнет над картиною —
Блестками, искрами скажется зыбь!

Ох, холодно!.. Жаль, градусника нету...
А у меня, с заутрени, мороз
На стекла набросал гирлянды белых роз,
И все — одна в одну, как есть, по трафарету.
И все — одну в одну — под небом голубым,
Все трубы в небеса стремят посильный дым.
И засмотрелся я на них сегодня...

Трубы!

Все оглянул я вас и думал: «Люди грубы:
Твердят им мелочность и гордость свысока,
Что жизнь юдольная ничтожна и низка,
И вообще, внизу узка у жизни тропка.
О трубы!.. Не понять не зябшим, что есть топка,
Что на земле она, но что порой и дым
Летит о госпoде под небом голубым
И — может быть — горе рассказывает что-то.
Быть может...»

Вот и я, пиитом чердачка,
Столицу обозрел, конечно, свысока
И видел я: Нева, и крепость, и Исакий,
И Академия, и мост через Неву,
И Стрелка с Биржею, и все, что видит всякий,
Побывши в Питере во сне иль наяву...
Я «питерщик» вполне... На Питере съел зубы:
Затем и говорят со мною даже трубы,
И дымом говорят.

«Вот, — говорит одна, —
Вы, сударь, видите, что я совсем бедна,
Что йстопель принес мне дворник за послугу...
Да как же к празднику не угодить друг другу?» —
«Ариша! — говорю я мысленно трубе, —
Жила бы ты себе у батюшки в йзбе,
Доила бы коров, купалась под Купало
И...»

Только из трубы дым по ветру умчало...
Но пристально за ним я по ветру смотрю:
Он обнялся с другим...

«Ариша! — говорю. —
Как раз туда! Для нас, чернорабочих братьев,
Там постлали целый ряд фланелевых кроватей;
Там есть и доктора, там есть и фельдшера;
Там, помнишь, родила Марфушина сестра?..
И померла...»

Бежит родоприимный дым,
Стеляся саваном под небом голубым...

А рядом — черный дым, как с чумного погоста,
Как с погребального потухшего костра,
Где зараженных жгли с полночи до утра,
Да, заживо здесь жгут, под буйный возглас тоста,
Безумных юношей...

И вьется чумный дым.
Ехидною клубясь под небом голубым,
С собою унося весь пепел лицемерья
Перед природою, обмана чувств, безверья —
И радужных бумажек...

Вот валит

Дым тучей; где-то здесь — недалеко горит.
Кто погорел — бедняк или богатый?
Что вспыхнуло — лачуга иль палаты?..
Иль просто занялись сарай и сеновал?
Иль пламя охватить готово весь квартал?
Не знаю... Пусть горит: быть может, и сгорело
В пожаре темное и казусное дело...
< >
И много говорят мне трубы... В клубах дыма
Я вижу образы живые... Много их,
И малых и больших, чредой воздушной мимо
Промчались в небесах морозно-голубых.

Сказал бы я им вслед... А впрочем, что скажу я?
Ужели, от трубы к иной трубе кочуя,
Я стану говорить, что дороги дрова;
Что вот последний грош сейчас сожгла вдова
Страдальца бедного...

Что далее, вот там,
Дымится фабрика, а здесь — науки храм,
А тут — гостиный двор, театры, магазины;
А это-де — не дым, а пар — и от машины,

Что, может быть, уйдет за тридевять земель,
В то царство, где никто и не бывал досель,
Где, может быть, и нет, под многотрубной крышей,
Ни вздорожалых дров, ни дворника с Аришей,
Ни бесприютных вдов; где не бсжит из труб
Каким-то узником тюремным дымный клуб
И будто говорит с высй такие речи:
«Нет солнца, холодно — зато есть плошки, свечи,
Пожалуй, и дрова казенные и печи...»
В такое царство я с тобою, беглый дым,
Понесся бы теперь под небом голубым...
Да!.. есть глубокий смысл в сравнении

простодушном

Всей нашей жизни сей с тобой, полувоздушным.
Да! ...есть глубокий смысл в предании святом,
Из века в век таинственно хранимом,
Что весь наш грешный мир очистится огнем
И в небесах исчезнет дымом.

(1861)

Михаил Михайлов

90. ПЯТЕРО

Над вашими телами наругавшись,
В неизвестную могилу их зарыли
И над могилой выровняли землю,
Чтоб не было ни знака, ни отметы,
Где тлеют ваши кости без гробов,
Чтоб самый след прекрасной жизни вашей
Изгладился, чтоб ваши имена
На смену вам идущим поколениям
С могильного креста не говорили,
Как вы любили правду и свободу,
Как из-за них боролись и страдали,
Как шли на смерть с лицом спокойно-ясным
И с упованием, что пора придет —
И вами смело начатое дело
Великою победой завершится. •

Пора та близко. Пусть могила ваша
Незнаема, пусть царственная зависть
Старается стереть повсюду память
О вашем деле, ваших именах, —

В глуби живых сердец она живет!
И с каждым днем таких сердец всё больше,
Самоотверженных, могучих, смелых
И любящих.

Близ места вашей казни
Есть пышный храм. Там гордыми рядами
Стоят великолепные гробницы,
Блестя резьбой и золотом. Над ними
Курится ладан, теплятся лампы,
И каждый день священство в черных ризах
Поет заупокойные обедни.
Гробницы эти прочны; имена
Их мертвцев угодливой рукою
Глубоко в камень врезаны. Напрасно!
От одного дыхания Свободы
Потухнет ладан и елей в лампадах,
Наемный клир навеки онемеет
И прахом распадется твердый мрамор,
Последняя их память на земле.
Пора близка. Уже на головах,
Обремененных ложью и коварством,
И преступленьем, шевелится волос
Под первым дуновеньем близкой бури,
И слышатся, как дальний рокот грома,
Врагам народа ваши имена,
Рылеев, Пестель, Муравьев-Апостол,
Бестужев и Каховский! Буря грянет.
Под этой бурей дело ваших внуков
Вам памятник создаст несокрушимый.
Не золото стирающихся букв
Предаст святыне ваши имена
Далекому потомству — песнь народа
Свободного; а песнь не умирает!
Не хрупкие гробницы сохранят
Святую вашу память, а сердца
Грядущих просветленных поколений,
И в тех сердцах народная любовь
Из рода в род вам будет неизменно
Гореть неугасимую лампадой.

1861 или 1862

91. БЕЛАЯ НОЧЬ

Дым потянуло вдаль, повеяло прохладой,
Без тени, без огней, над бледною Невой
Идет ночь белая — лишь купол золотой
Из-за седых дворцов, над круглой колоннадой,
Как мертвеца венец перед лампадой,
Мерцает в высоте холодной и немой.
Скажи, куда идти за счастьем, за отрадой,
Скажи, на что ты зол, товарищ бедный мой?!
Вот — темный монумент вознесся над гранитом...
Иль мысль стесненная твоя
Спасенья ищет в жале ядовитом,
Как эта медная змея
Под медным всадником, прижатая копытом
Его несущего коня...

1862

92. МИАЗМ

Дом стоит близ Мойки — вензеля в коронках
Скрасили балкон.
В доме роскошь — мрамор — хоры на колонках —
Расписной плафон.

Шумно было в доме: гости презжали —
Вечера — балы;
Вдруг все стало тихо — даже перестали
Натирать полы.

Няня в кухне плачет, повар снял передник,
Перевязь — швейцар:
Заболел внезапно маленький наследник —
Судороги, жар...

Вот перед киотом огонек лампадки...
И хозяйка-мать
Приложила ухо к пологу кровати —
Стон не слышать.

«Боже мой! ужели?! Кажется, что дышит...»
Но на этот раз
Мнимое дыханье только сердце слышит —
Сын се погас.

«Боже милосердый! Я ли не молилась
За родную кровь!
Я ли не любила! Чем же оплатилась
Мне моя любовь!

Боже! страшный боже! Где ж твои щедроты,
Коли отнял ты
У отца — надежду, у моей заботы —
Лучшие мечты!»

И от взрыва горя в ней иссякли слезы, —
Жалобы напев
Перешел в упреки, в дикие угрозы,
В богохульный гнев.

Вдруг остановилась, дрогнула от страха,
Крестится, глядит:
Видит — промелькнула белая рубаха,
Что-то шелестит.

И мужик косматый, точно из берлоги,
Вылез на простор,
Сел на табурете и босые ноги
Свесил на ковер.

И вздохнул, и молвил: «Ты уж за ребенка
Лучше помолись;
Это я, голубка, глупый мужичонко, —
На меня гневись...»

В ужасе хозяйка — жмурится, читает
«Да воскреснет бог!»
«Няня, няня! Люди! — Кто ты? — вопрошает. —
Как войти ты мог?»

«А сквозь щель, голубка! Ведь твое жилище
На моих костях,
Новый дом твой давит старое кладбище —
Наш отпетый прах.

Вызваны мы были при Петре Великом...
Как пришел указ —
Взвыли наши бабы, и ребята криком
Проводили нас —

И, крестясь, мы вышли. С родиной проститься
Жалко было тож —
Подрастали детки, да и колоситься
Начинала рожь...

За спиной-то пилы, топоры несли мы:
Шел не я один,—
К Петрову, голубка, под Москву пришли мы,
А сюда в Ильин.

Истоптал я лапти, началась работа,
Пóчали спешить:
Лес валить дремучий, засыпать болота,
Сваи колотить,-

Годик был тяжелый! За Невой, в лето,
Вырос городок!
Прихватила осень,— я шубенку где-то
Заложил в шинок.

К зиме-то пригнали новых на подмогу;
А я слег в шалаш;
К утру, под рогожей, отморозил ногу,
Умер и — шабаш!

Вот на этом самом месте и зарыли,—
Барыня, поверь,
В те поры тут ночью только волки выли —
То ли, что теперь!

Ге! теперь не то что...— миллион народу...
Стены выше гор...
Из подвальной ямы выкачали воду —
Дали мне простор...

Ты меня не бойся,— чтó я? мужичонко!
Грязен, беден, сгнил,
Только вздох мой тяжкий твоего ребенка
Словно придушил...»

Он исчез — хозяйку около кровати
На полу нашли;
Появленье духа к нервной лихорадке,
К бреду отнесли.

Но с тех пор хозяйка в северной столице
Что-то не живет;
Вечно то в деревне, то на юге, в Ницце...
Дом свой продаст,—

И пустой стоит он, только дождь стучится
В запертой подъезд,
Да в окошках темных по ночам слезится
Отраженье звезд.

1868

93. НОЧНАЯ ДУМА

Я червь - я бог!

Державин

Ты не спишь, блестящая столица.
Как сквозь сон, я слышу за стеной
Звяканье подков и экипажей,
Грохот по неровной мостовой...

Как больной, я раскрываю очи.
Ночь, как море темное, кругом.
И один, на дне осенней ночи
Я лежу, как червь на дне морском.

Где-нибудь, быть может, в эту полночь
Праздничные звуки льются с хор.
Слезы льются — сладострастье стонет —
Крадется с ножом голодный вор...

Но для тех, кто пляшет или плачет,
И для тех, кто крадется с пожом,
В эту ночь неслышный и незримый
Разве я не червь на дне морском?!

Если нет хоть злых духов у ночи,
Кто свидетель тайных дум моих?
Эта ночь не прячет ли их раньше,
Чем моя могила спрячет их!

С этой жаждой, что воды не просит
И которой не залить вином,
Для себя — я дух, стремлений полный,
Для других — я червь на дне морском.

Духа титанические стоны
Слышит ли во мраке кто-нибудь?
Знает ли хоть кто-нибудь на свете,
Отчего так трудно дышит грудь!

Между мной и целою вселенной
Ночь, как море темное, кругом.
И уж если бог меня не слышит —
В эту ночь я — червь на дне морском!

(1874)

Василий Курочкин

94. ПИСЬМО ОБ РОССИИ ФУКИДЗИ-ЖЕН-ИЦИРО К ДРУГУ ЕГО ФУКУТЕ ЧАО-ЦЕЕ-ЦИЮ

(Перевод с японского
и примечания Тацци-Ио-Саки)

Милый друг, Фукута Чао-Цее-Цию,
Мы благополучно прибыли в Россию,

Через порт Кронштадтский к Петербургу прямо.
Будь благословенно имя Тентосама!

Всё нам здесь по нраву: уци, хадомадо,
Данмио. но-ками — лучше быть не надо.

Хоть теплей в Европе, например, в Париже.
Здесь суровый климат, к полюсу поближе,

Но всей грудью дышишь и вольней и шире,
Точно на Нипоне или Кунашире,

Ибо под суровым петербургским солнцем
В русском очень много общего с японцем.

Даже утверждают здешние витии —
Сходство это резче в глубине России.

Потому что, видишь, милый друг Фукута,
Строить государство начал очень круто

Кумбо Петр Великий, славный в целом мире,
Как наш Кумбо Первый, свергнувший Даири.

Обучать народ свой он велел голландцам
Всяким европейским фокусам и тапцам,

Как погами шаркать, лить из меди пушки,
Из науки пули и из глины кружки,

Чтобы в оных кружках, Азии на диво,
Пить, под страхом казни, в ассамблеях пиво.

Бороды всем выбрил... Не пришло время
Брить, как у японцев, маковку и темя.

Ибо перед нами русские, как дети,
Только на границе двух тысячелетий,—

Даже не созрели в доблести гражданской,
Как сказал в пассаже баниос Ламанский.

Так лились в Россию волны просвещения,
Сияясь переспорить волны наводнения,

Ибо, поглощенный думами о флоте,
Кумбо им построил город на болоте.

В этом-то болоте, в Петербурге то есть,
Я насчет России сочиняю повесть.

Минуло столетье. Там, где были топи.
Выросли громады западных утопий.

< . . . >

На проспекте Невском появились франты,
Из печати вышли первые куранты.

Кумбо сам в то время корректуры правил
И для сочинений образцы оставил,—

Нынче ж заправляют этими делами
Зайдю-Арсеньев и Катков-по-ками.

В десять раз, конечно, менее, чем Едо,
Чуждая для русских, страшная для шведа,

Стала украшаться невская столица.
Землю поклонилась ей Москва-вдовица,

Продолжая, впрочем, жить по Домострою
(Книга в роде Дзинов, чтимая Москвою),

Чад и домочадцев плеткой обучая,
До седьмого пота напиваясь чая,

Каждую субботу в жарких банях прея,
Фраками гнушаясь и бород не брея.

Да и петербуржец зоркий глаз японца
Не надует фракком тонкого суконца.

Здесь для виду носят, как в Европе, фраки,
А живут, как наши деды в Нагасаки.

Люди всех сословий, звания и сорту,
Как домой приходят — фраки тотчас к чёрту

И уж не снимают целый день халатов,
Лежа на перинах, вроде наших матов.

Так прошел бесследно славный век петровский...
Впрочем... есть проспект здесь —
Каменноостровский,

На проспекте зданье — тех времен затея, —
И на оном зданьи надпись: «Ассамблея».

В зданье этом ночью множество народу,
Данмио, но-ками пьют саки́ как воду,

Как пивали древле предки их славяне;
Там басят тирольки, там ревут цыгане,

Там старик, стоягу, сделавшись ребенком,
Шепчет по-французски нежности чухонкам,

Там бушуют немцы, там народ толпами,
Как за диким зверем, следует за нами.

Барства и холопства там видны остатки:
Там все сохранилось в дивном беспорядке,

Европейски-модном, азиатски-диком
Как при Кумбо Первом, при Петре Великом!

1862

Александр Яхонтов

95. ОКНО В ЕВРОПУ

...И думал он:
Отсель грозить мы будем шведу.
Здесь будет город заложен
Назло надменному соседу.
Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно...

А. Пушкин

Знать, одолел мороз трескучий,
Знать, было на Руси темно,
Коль сильным взмахом царь могучий
В Европу прорубил окно.
Не нам судить, за что обрек он
Нас вечно мерзнуть над Невою —
Как будто не нашлось бы окон
В привольной местности иной, —
За что в убийственной работе
Толпы людей погибли там,
Где нынче город на болоте
Чело возносит к облакам...

Вот с лишком полтора столетья
Сидим мы сиднем у окна,
Дожили до тысячелетья,
Достигли совершеннолетия,
А Русь-то всё еще темна!
Всё лед еще под нами тонок!
Давно мы вышли из пеленок,
А пред глазами — пелена...
Как долго в полусне зевая,
Мы лбом совалясь в окно!

Мысль не влетала к нам живая:
От ней хранило нас оно
Своими стеклами двойными!..
Под волей и резцом стальными
Упала наша *борода*,
Но не расстались и тогда
Мы с распорядками родными.
Мукой напудрив парики,
Бойка на слово, Русь сызмала
По-европейски лепетала,
Брала, что было ей с руки,
Гналась за всем *наружно* новым
И, пользуясь добром готовым,
Хватала мудрости вершки;
Увлечшись духом подражанья,
Не сознавая сил своих,
Едва разжевывала знания
И не усваивала их;
На грех в политику пустилась,
Но дома ей не повезло...
В Париж, по паспорту, просилась,
Да не пускали — как назло!

.

И вдруг шагнули мы далеко,
И заповедное окно
Дыханьем времени широко
Пред нами вдруг растворенó!
Неотразимую волною
К нам свежий воздуха приток
Ворвался — и принес с собою
Цивилизации итог.
Вот тут себя мы показали!
Мы сном таким блаженным спали,
Что то, о чем еще вчера
Не думали и не гадали,
Свершилось — почерком пера!
Как после страшного разгрома,
Не вдруг очнулись мы... Затем,
Благословясь, засесть бы дома
И дело делать бы? Зачем?
Нет! Мы бросаем наши нивы,
Сбираем скромный наш доход,

И быстро мчат локомотивы
Нас в Запада круговорот.
В кредит добыв себе заране
Кредитных *радужных* надежд,
С дешевым паспортом в кармане,
Мы грезим, не смыкая вежд;
На всё глядим мы сплошь и рядом,
Мотая русские рубли;
В Берлине запасаясь нарядом,
В Париже — современным взглядом,
Мы рады плыть на край земли;
Играем в Бадене в рулетку,
И скверный курс нам — нипочем!
И осень в родную клетку
Нас не заманишь калачом...
Вот наконец, свершивши много
К^о облегчению сумы,
Упрыгались! В конце зимы
Лежит нам к северу дорога...
От стужи морщась, мы в окно
Обратно лезем поневоле:
Нас ждет невспаханное поле,
Нас ждет раскрытое гумно;
Вид сельский — безотрадно скучен,
Мужик не впес еще оброк,
Меж тем за неуплату в срок
От *опекунского* получен
Категорический намек...
Как быть? До нового потопу
Не лучше ль силы побережь?
Не завалиться ли на печь,
Заколотив окно в Европу?

1863

Алексей Апухтин

96. ПЕТЕРБУРГСКАЯ НОЧЬ

Холодна, прозрачна и уныла,
Ночь вчера мне тихо говорила:
« Не дивися, друг, что я бледна
И как день блестеть осуждена,
Что до утра этот блеск прозрачный
Не затмится хоть минутой мрачной,

Что светла я в вашей стороне...
Не дивись и не завидуй мне.
Пронсясь без устали над вами,
Я прочла пытливыми очами
Столько горя, столько слез и зла,
Что сама заснуть я не могла!
Да и кто же спит у вас? Не те ли,
Что весь день трудились и терпели
И теперь работают в слезах?
Уж не те ль заснули, что в цепях
Вспоминать должны любовь, природу
И свою любимую свободу?
Уж не он ли спит, мечтатель мой,
С юным сердцем, с любящей душой?
Нет, ко мне бежит он в испугленьи,
Молит хоть участия иль забвенья...
Но утешить власть мне не дана:
Я как лед бледна и холодна...
Только спят у нас глупцы, злодеи:
Их не душат слезы да идеи,
Совести их не в чем упрекать...
Эти чисты, эти могут спать».

1863

Виктор Буренин

97. <ГРАЖДАНСКАЯ КАЗНЬ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО>

Это было печальное утро: туман
Над столицей свой саван гробовый
Распростер, с неба дождь, будто слезы, лился,
Веял холод повсюду суровый...

Я на площадь пришел... Там толпа собралась,
Эшафот поднимался там черный:
Три ступени, дощатый помост и на нем
Столб с тяжелою цепью позорный.

В строй сомкнувшись, солдаты стояли кругом,
Палачи на помосте гуляли,
И жандармы задами своих лошадей
С наглым видом толпу оттесняли.

Отделения Третьего мерзостный штаб
Тут же был — и с султанами кеши
Любовались с злорадством жестоким, когда
Укрепляли железные цепи...

Небо было темно, ветер жалобно выл...
Час за часом тянулся уныло...
Сердце было мучительной пыткой полно
И тоской ожидания выло...

Раздался стук колес... Загремел барабан,
И карета подъехала... Вышел
Из нее человек — и его на помост
Палачи повели... Я не слышал

Вздохов скорби в толпе: каждый в сердце таил
Муки сердца... но взоры сверкали
Скорбным гневом... Он шел мимо нас, и пред ним
Все мы головы низко склоняли.

Бледен лик его был, но смотрел, как всегда,
Он с иронией горькой... Своими
Палачами он был окружен, но в тот миг
Не они — он смеялся над ними...

Но когда, приговор прочитавши, к столбу
Притянули ему цепью руки
И с открытым челом он стоял под дождем
С бледным ликом, исполненным муки,—

О, тогда вздохи скорби толпа не могла
Превозмочь... и у женщин катились
Слезы, горькие слезы из глаз,
И сердца наши злобою бились...

Палачи! Как Христа, приковали его
У столба казни цепью позорной,
Приковали за то, что к свободе он звал,
Что насилья был враг он упорный!..

Дмитрий Минаев

98. НА УЛИЦЕ (четыре мгновения)

I

Утро. Весь город от сна просыпается...
Люди рабочие всюду бегут.
Гул и движение... Кто-то ругается
И... непременно кого-нибудь бьют.

II

Полдень. Столица как будто наряднее,
Взад и вперед экипажи снуют...
Треск: на передних наехали задние
И... непременно кого-нибудь бьют.

III

Вечер. По улицам газ зажигается,
Речи свободней слетают, и кнут
Как-то живее в руке поднимается
И... непременно кого-нибудь бьют.

IV

Ночь. Люди спят уже. Время приспело им
Кончить поденный свой труд,
Если же шаг мы по улице сделаем —
Там непременно кого-нибудь бьют.

<1865>

99. ГРАЖДАНИН НЕВСКОГО ПРОСПЕКТА

I

На Невском проспекте в четыре часа
Пышней и нарядней столицы краса;

Счесть всех экипажей блестящих нельзя,
И зимнее солнце, по окнам скользя,

Дробится лучами в зеркальном стекле.
Огромные шлейфы влача на земле

И шляпкой прикрывши затылок едва
(Подобная мода у нас не нова),

Мелькают обычные группы из львиц,
Румяных старушек и чахлых девиц —

И вьются вблизи их — то вычурный франт,
То сбруей гремящий лихой адъютант,

То модный художник с кудрями до плеч,
Но, чу! раздается знакомая речь...

В обеденный час целый Невский проспект
Судьбой осужден на привычный эффект —

Смотреть, как гуляет чиновный приап,
Разгулов вакхических ментор и раб,

Которому память такая дана,
Что знает камелий он всех имена,

Их адрес последний и номер квартир,
И, если заглянем в их замкнутый мир,

У каждой под рамкой знакомый портрет
На стенке красуется как амулет...

Смотрите, бежит он! Смеясь, на бегу
Жмет женские ручки на каждом шагу;

С одной перекинется царюю слов,
С другою к Борелю поехать готов,

Забыв свое дело, служебную цель
И с срочной работой изящный портфель.

Юнейший из старцев!.. Безделью ты рад,—
Пропустишь ли ты хоть один маскарад?

Забудешь ли новый скандальный балет,
Где с каждой статисткой знаком много лет?

Кто лучше научит богатых повес
Скоромным куплетам французских пиес?

Кто лучше устроит секретный пикник,
Где жирицы веселья, разгульный старик,

Откинув назад соблазнительный стан,
Тебя увлекают в безумный канкан,

И песни сменяются криком — ура!..
И оргия длится всю ночь до утра...

II

А утром... А утром в приемной твоей,
Под скромной вуалью, у самых дверей

Видали просительниц... Гнет нищеты
Не с каждой стирает следы красоты,

Не каждую женщину бедность хранит
От пошлы намеков и горьких обид.

Красавицы прелесть, как ловкий знаток,
Под бедной одеждой заметить ты мог

И, слушая голос, дрожащий от слез,
Вопрос предлагал ты... невинный вопрос:

«Хотите любить меня, милочка?» Что ж,
Ну чем же подобный вопрос нехорош?

И чем он обиден? С чего же она
Вдруг вся задрожала и вышла бледна,

Как будто бы грубо была принята?..
Решительн портит людей нищета!

О, юный з старцев! Не трать своих слов
Для бедных чиновниц и плачущих вдов.

Зачем переходят они твой порог?
Оставь ты в покое таких недотрог

И крови напрасно своей не тревожь:
Их ласки — печальны, их гнев — нехорош;

Они огрубели от вечных забот,
И с честною женщиной много хлопот.

Ласкай ты цыганок, танцовщиц, актрис...
За шляпу, за шляпу скорее берись —

Тебя ожидают побед чудеса
На Невском проспекте в четыре часа.

1867

Петр Шумахер

100. К ПАМЯТНИКУ КРЫЛОВА

Лукавый дедушка с гранитной высоты
Глядит, как рѣзвятся вокруг него ребята,
И думает себе: «О милые зверята,
Какие, выросши, вы будете скоты!»

1866

101

У Цепного моста
Видел я потеху:
Черт, держась за пузо,
Помирал со смеху.

«Батюшки! нет мочи! —
Говорил лукавый. —
В Третьем отделеньи
Изучают право!»

Право на бесправие!..
Этак скоро, братцы,
Мне за богословье
Надо приниматься».

1870-е годы

Владимир Шиглев

102. В ЛЕТНЕМ САДУ

Гуляли по Неве валы,
Ревущий ветер не знал преграды...
Ах, сада Летнего громады,
Дерев столетние стволы,
Валясь, слагались в баррикады...
Ходила публика вздыхать,
На эти глядя разрушенья...
Наполеон бы, без сомненья,
Велел сейчас стволы убрать:
Соблазн — зачинщик преступления.

Вторая половина 1860-х годов?

Алексей Плещеев

103

Я тихо шел по улице безлюдной
И, погружен в раздумье о былом,
Среди домов, облитых лунным светом,
Узнать хотел давно знакомый дом.

Он неуклюж был, ветх и с мезонином:
Я помню, мне казалось все, что он
Из городка уездного в столицу
Каким-то чудом был перенесен.

Куда исчез тот дом? Иль дух стяжанья
Беднягу стер давно с лица земли,
И где стоял он, серенький и скромный,
Высокие хоромы возвели?

Нет, нет! Вот он! Сейчас узнал я друга!
Он тот же все каким был и тогда,
И ишь чуть-чуть как будто покривился.
Немудрено! Берут свое года! .

Привет тебе! В стенах твоих нередко
Я поздний час в беседе забывал...
То были дни, когда стопой несмелой
Впервые в жизнь я, юноша, вступал.

Привет тебе! Под этой старой крышей
Жил труженик с высокою душой;
Любви к добру и веры в человека
В нем до конца не гас огонь святой.

Учил он нас мириться с темной долей,
Храня в душе свой чистый идеал;
Учил идти путем тернистым правды
И не искать за подвиги похвал;

Учил любить страну свою родную,
Отдать ей весь запас духовных сил,
Чтить имена борцов за свет и знанье —
Тех, кто одной лишь истине служил.

Читая нам создания поэтов,
Воспламенял он юные сердца;
И мы клялись идти к высокой цели,
Не изменять клялись ей до конца.

Уж нет его: давно он спит в могиле!
Но кто из тех, в чью грудь он заронил
Зерно благих, возвышенных стремлений,
Кто памяти о нем не сохранил?

И предо мной тот скромный образ часто
Встает, хотя десятки лет прошли;
Все помню я: беседы зти, споры,
Что в уголке убогом мы вели.

О, как бы мне хотелось в дом проникнуть
Иль заглянуть хотя на миг в окно...
Кто здесь живет? Что здесь сердца волнует?
Безмолвен дом; как в гробе, в нем темно.

И дальше я по улице пустынной
Иду... Но все мне кажется, что вот
За мной знакомый голос раздастся
И в старый дом опять меня зовет...

1877

Быстро нагрянет и осень дождливая,
В поле желтеет трава,
Жизнь городская в свои хлопотливые
Снова вступает права...

С жалобным стоном волной обливается
Берег гранитной Невы,
В ранние сумерки газ зажигается,
Бродят по Невскому львы...

Вижу у многих с душою встревоженной
Точку оснóвную дум:
Как бы для выкупа шубы заложенной
Сбыть свой весенний костюм?

Многих с нуждою да с дачей холодной
Осень застанет, как враг;
Ищет, как клада, квартиру свободную
Мелкий чиновник-бедняк...

Клубы открыты... И вновь оживляются
Опера, драма, балет...
Снова больницы битком набиваются,
Места свободного нет!

Лето промаявшись, камни ворочая,
С жалким достатком в руках,
Едет на родину сила рабочая
В тех же убогих лаптях...

Слышишь повсюду печальные новости,
Строго натянутый смех,
Видишь на всех отпечаток суровости,
Строгие лица у всех...

Если не сгладило лето цветущее
С нас рокового клейма,
Чем подаришь ты нас, осень грядущая?
Что ты нам скажешь, зима?

<

5

Холодным лучом заливая
И лед, и чугун, и гранит,
Над пышной столицей играя,
Полярное солнце горит.
Свод неба безоблачно-синий
Раскинулся ярким шатром,
И мягкий, ласкающий иней
Всё щедро осыпал кругом.
По крышам дворцов, на карнизах
Висит изо льда бахрома,
Деревья в серебряных ризах,
В алмазных уборах дома.
Морозно и ясно... Всё блещет,
И всюду могильный покой.
Уснула природа... Не плещет
Река своей ясной волной...

.

Как будто бы мчась от погони,
Серебряной сбруей горя,
Несут опененные кони
По улице сани царя...
Весь в искрах взметенного снега,
Сидит как изваянный он, —
Лишь треплется ветром разбега
Шинели его капюшон.
А кони, всё рысь подбавляя,
Дробят под копытами лед...
Сторонится, шапки ломая,
Идущий навстречу народ.
Царь весел... Немногие годы
С его воцаренья прошли,
А свой и чужие народы
Склонились пред ним до земли.
У мира нет голоса боле:

Над ним, как над морем гранит,
Его лишь единая воля,
Его лишь желанье царит...
Не слышен протест бесполезный,
Ребячеством кажется он,
Умолк под рукою железной
Свободы задавленный стон...
«И что за нелепость — свобода!..
На что им, безумцам, она?
Быть вечно желаньем народа
Лишь слава владыки должна...
Лишь в блеске ее он, могучий,
Как сказочный витязь, взрастет
И грозной, всевластною тучей
В истории мира пройдет!»
...Путь кончен... Рысак утомленный
Задержан вожжой наконец...
Царь входит в дворец отдаленный,
Давно им забытый дворец.
Массивные двери раскрыты,
Лакеев торжественный строй,
Мундиры блестящие свиты...
И лестницы мраморной плиты
Звенят под державной стопой...
Навстречу за залю горя...
Идут, позолотой горя...
Вдруг что-то ударом кинжала
Откликнулось в сердце царя...
Он двинулся медленней... тише...
Вгляделся, тревогой томим:
Белеется в сумраке ниши
Статуя опять перед ним...
Глядит на него не робея,
Открыто, бесстыдно, как грех;
Как жало взбешенного змея,
Дрожит на устах ее смех,
Смех страшный, дразнящий, могучий...
Царь дрогнул, как раненый лев,
Чело его темною тучей
Покрыв опьяняющий гнев.
И слово «разбить!» прозвучало
Как гром среди пышных палат,—
И вон из громадного зала
Царь бросился быстро назад...

...Но — боги ль искусству радели,
Иль случай счастливый опять —
На лик мудреца не посмели
Холопы руки приподнять!

1877

Николай Морозов

106. В ДОМЕ
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Комнатки, точно пчелиные соты,
Стройно и плотно, рядами, стоят;
Люди в них тихо, без дел и заботы,
Словно личинки в тех сотах, сидят.

Самою чистою пылью одеты
Стены кругом, от окон до дверей,
Лишнего воздуха, вредного света
Нет — как ума в голове у царей.

Точно орехом под их скорлупою,
Так нам уютно в камерке пустой!
Сколько удобств!.. И за нашей стеною
Стали мы бодры, как мухи зимой!..

1877

Неизвестный автор

107. ПЕТЕРБУРГСКИЕ МОТИВЫ

(Вольный перевод
из «Floh»*)

Вот толпа зевак у окон:
В большом доме освещенье,
И жандармы у порога,
И заметное движенье...

Верно, бал здесь или вечер
Элегантно-европейский...
Нет, мой друг, не угадали —
Это обыск полицейский.

* «Блоха» (нем.).

Перед зданием громадным
Экипажей съезд огромный;
Вылезают генералы,
Со звездами люд сановный...

Верно, слушать собралися
Знаменитого артиста?..
Нет, сегодня в зданьи этом
Судить будут нигилиста!

Вот хор музыки военной.
И войска идут повзводно.
Офицеры встречным дамам
Глазки строят превосходно...

Полковой, должно быть, праздник
Иль штандарта освященье?! —
Нет, над пленным нигилистом
Смертной казни исполненье!

Шум в столице и движенье,
Ко дворцу народ стремится,
С генералами и знатью
Ряд карет туда катится.

Уж не празднует ли Питер
Конституции явленье?!.. —
Нет, то вновь бог спас монарха
От седьмого покушенья!

1880

Петр Якубович

108. СКАЗОЧНЫЙ ГОРОД

Ты знавал этот город туманов,
Город холода, мглы и тоски? •
Сонм блестящий дворцов-великанов
Пред лицом горделивой реки,
Грозно плещущей в стену гранита,
Лабиринты гремящих сердито
Стройных улиц, громад-площадей,—

Ты знавал на заре своих дней?..
Ах! любовью болезненно-страстной
Я люблю этот город несчастный!

Бледный север, наш север родной,
С красотой его монотонной,
Тихой грусти лучом просветленной,—
Весь он тут, как в картине живой.
Без цветов и без песен весна;
В белый саван наряжены ночи,
И от страха не светит луна...
Жаждают отдыха скорбные очи,
Но сомкнуться не могут для сна,
С тайным ужасом в даль устремляясь,
Где, загадочно, странно сплетаясь,
Тени бледные движутся... стон
Чей-то чудится... Явь, или сон?

А январские долгие ночи
Над закованной в цепи Невой,
Когда яркие звездные очи
Смотрят в душу с тоскою немой,
И, облитый огнями земными,
Словно хочет соперничать с ними
Возносящийся к небу чертог,
Где пирует земной полубог.
Или — день, ослепляющий блеском,
Когда с глухо рокочущим плеском,
Пестроты и движенья полна,
Вдаль уходит людская волна?..
Даже грозно-немые твердыни,
Где во имя великой святыни
Столько мук, страшных мук без конца
Горделиво, без слез принималось,
Столько сил молодых разбивалось,
В темноте гробовой задышалось,
Не прося и в грядущем венца,—
Даже эту глухую твердыню,
О друзья! я люблю, как святыню...
В этих каменных глыбах и он,
Лучший друг моей юности бедной,
Был свирепым врагом погребен.
Часто, слабый, беспомощный, бледный,
Он мерещился мне в тьме ночей,
Когда сон убегал от очей,

И, бессильною злобой сгорая,
В лютой горести руки ломая,
Я на битву врага вызывал,
Как о счастье, о жертве мечтал!..
Мимо ленты таинственно-красной
Этой грозной темницы не раз
Проходил я в полуночный час
С горькой думой: «Товарищ несчастный!
Отчего искупительный рок
Не меня на страданья обрек!..»

Там и ты, наш учитель-избранник,
С гордо поднятым ясным челом,
Смелым взором и речью-огнем
Ты пришел к нам как божий посланник:
К язвам совести властно приник,
Колесанья и муки постиг
И из наших сердец наболевших
Силой слов, убежденьем горевших,
Вырвал гордой решимости крик.
Будто шумный порыв огневого
Урагана на нас налетел
И на крыльях безумья святого
Унести в беспредельность хотел!
Но пророки побиты камнями:
Метеором блеснул ты над нами
В блеске сил молодых, в цвете лет,
В недрах каменных страшного гроба
Погребла тебя дикая злоба
Мертвецов, ненавидящих свет!

.

Вот за что так болезненно-страстно
Я люблю этот город несчастный,
Это кладбище лучших людей,
Стольких братьев, сестер и друзей, —
Колыбель нашей русской свободы,
Где во имя ее прозвучал
Первый гром, призывая народы*
На борьбу за святой идеал!
Я люблю этот омут, где дышишь
Опьяняющим запахом ран
И клокочущий грозно вулкан
Под ногами усталыми слышишь,

Где так жадно бороться спешишь,
Жить и действовать. Дерзко усилия
Напрягаешь... пьянеешь и, крылья
За спиной ощущая, летишь
Прямо к бездне с отвагою дикой...
Как колодник оковы свои,
Я люблю этот город великий,
В неповинной омытый крови!

Часто, в вихре борьбы бесконечной
Обессилевши, с болью сердечной,
Со стыдом, без оглядки бежишь
В ту родимую ясную тишь,
Где волшебною сделаться сказкой
Могут лютые муки твои,
Где живет благодатною лаской
Мать-природа, царица любви,
Где забыть хоть на время возможно,
Как порою борьба безнадежна...
Что ж? Едва в глубине твоих ран
Стихнет боль и горячий, кровавый
На мгновенье растает туман, —
Он уж вновь пред тобой, великан
Роковой, в красоте величавой.
Грустный, скорбный, зовет он к себе
Днем и ночью... В великой борьбе
Истекая слезами и кровью,
Жить враждою зовет и любовью!
В этом зове — моление и власть,
И угроза и ласка участия,
Обещание муки и счастья...
Он зовет — победить, или пасть!

109. СВИДАНИЕ*

(Посвящается М. П. Орлову)

1

Не к матери родной и не к сестре любимой
В волненьи радостном я к первым прибежал —
Туда, где на дыбы скакун неукротимый
С железным всадником у края бездны встал.

Вдали, в чужих снегах, в разлуке сиротливой,
Средь мук забвения и боли старых ран,—
Как первых лет любовь,— душе моей строптивой
Он грезился, земли родимой великан.

Не там, где наглый блеск и гул людских
волнений,—
Поодаль от дворцов и шумных площадей,
В укромной зелени акаций и сиреней,
Где нежно смех звучал ревящихся детей,

Стоял Он в вышине, объятый вещей думой,
Со взором, поднятым к невидимой заре;
В чертах властительных горел огонь угрюмый,
Огонь презрения к довольной мишуре!

И между мной и им — песчинкой и скалою —
Таинственная связь мне чудилась порой...
То был ли сон? — Не раз, задумчивой весною,
Когда скитался я над царственной рекой.

И пышный город спал в сияньи ночи кроткой,
И думы дерзкие рождались в тишине,—
Я помню, там, в саду, за темною решеткой,
Ездок над пропастью кивал с улыбкой мне...

* Внешняя обстановка памятника Петра В(еликого) в Петербурге менялась несколько раз. В годы моей юности, в конце 70-х — в начале 80-х годов, Александровский сад замыкал его внутри своей ограды, и только в начале 90-х годов — говорят, по желанию и совету императора Вильгельма II — часть этого сада была уничтожена, и памятник принял современный казарменный вид. Старожилы утверждают, впрочем, что такой же вид имел он и когда-то прежде (*Прим. авт.*).

Но цепь тяжелых лет, увы, легла недаром —
 С трудом я отыскал заветную скалу.
 Как будто смерч прошел, дыша губящим жаром,
 Всё опалив кругом, оставил смерть и мглу!

Ни травки бархатной, ни шепчущей березки,
 Левкоев, хризантем исчез цветистый луг...
 Казарма мрачная, булыжник серый, жесткий
 Пустыней голою раскинулся вокруг!

И Он... Всё тут же Он, над роковым обрывом,
 На топчущем змею взбесившемся коне,
 Но — сколько холода в полете горделивом,
 Как странно и знаком, и незнаком Он мне!

Простерта в воздухе могучая десница,
 И, чудится, гремит угроза с высоты:
 «Проклятие тебе, моих надежд гробница,
 О город роковой, где гибнут все мечты!

И ты, потомок-червь, мой тихий сон могильный
 Безумный ропотом дерзнувший возмутить, —
 Тебя не знаю я... Ничтожный и бессильный!
 Мой гордый замысел тебе ли завершить?»

— Да... Пусть бессилен я! Пускай во мраке глухо
 Замрет мой вопль, — как раб, не сдамся я судьбе!
 Пигмей я и червяк, но в светлом царстве духа,
 Средь малых и больших, родной я сын тебе.

Навстречу пошлости бесстыдной и бесславной,
 Во имя Истины, Добра и Красоты,
 Ты первый поднял бунт рукой самодержавной,
 И первый ты зажег свободные мечты!

И жив он, твой завет бойца и гражданина:
 Лишь Родину любить, как истинную мать,
 Бестрепетной рукой себя, родного сына
 В годину черную на жертву ей отдать!

И если дел твоих и дум кипучих пламя
На искры малые распалось в бурной мгле,
Твой дух живет и в них! Твое несем мы знамя,
Разбитые, с венком терновым на челе...

.
И — чудо! Медный лик внезапно прояснился...
На миг вновь расцвела душистая весна —
И снова наяву мне сон блаженный снился,
И поднимала грудь могучая волна!..

1900

Спиридон Дрожжин

110. В СТОЛИЦЕ

Д. В. Гарицу

Туман окутал небосклон,
Давно проснулася столица,
По улицам и гул, и звон,
И смех, и сумрачные лица;
Плетется нищий, и вдовица,
И горемычный, бедный люд
Спешит на свой поденный труд.
Клубится дым из труб огромных,
Среди машин неугомонных
Работа жаркая идет.
Никто здесь песен не поет —
Все только заняты работой
И ежедневною заботой,
Чтоб, кончив день свой трудовой,
Не быть без крова и без хлеба
И в миг, когда стемнеет небо,
Не ночевать на мостовой.
Вот закрывается завод...
Огни погасли, и народ
Опять по улицам толпою
К ночлегу мирному идет.
А вот, с склоненной головою,
По скользской лестнице сквозь мрак
Проходит ощупью бедняк
В свой уголок; ему в нем жутко...
Он отдается здесь вполне
Воспомианьям о жене
И о покинутых малютках

В родной далекой стороне...
Ожесточенно проклинаят
Свою судьбу он, что не знает
Себе век счастья, что нужда
Глядит в лицо ему всегда
И, словно коршун, грудь терзает;
Что жизнь проходит трудовая
Однообразной чередой,
И гибнет сила молодая,
И всё грозит ему бедой.

1884

Семен Надсон

111

Дитя столицы, с юных дней
Он полюбил ее движенье,
И ленты газовых огней,
И шумных улиц оживленье.

Он полюбил гранит дворцов,
И с моря утром ветер влажный,
И перезвон колоколов,
И пароходов свист протяжный.

Он не жалел, что в вышине
Так бледно тусклых звезд мерцанье,
Что негде проливать весне
Своих цветов благоуханье;

Что негде птицам распевать,
Что всюду взор встречал границы, —
Он был поэт и мог летать
В своих мечтах быстрее птицы.

Он научился находить
Везде поэзию — в туманах,
В дождях, не устающих лить,
В киосках, клумбах и фонтанах

Поблекших городских садов,
В узорах инея зимою,
И в дымке хмурых облаков,
Зажженных зимнею зарею...

1884

112. СТАРЫЙ ДОМ

Посвящается А. Я. Надсон

Как уцелел ты здесь, деревянный старый дом,
Одноэтажный дом, убогий и невидный?
Чертоги и дворцы, стоящие кругом,
Глядят в лицо твое с брезгливостью обидной:
Им стыдно за тебя... Твой простодушный вид
И странен и смешон в семье их франтоватой.
И им как будто жаль, что солнце золотит
Равно своим лучом красу их карьятид
И твой фасад с его недавнею заплатой.
Взгляни: прильнув к тебе гранитною стеной,
Но высясь над тобой, как над цветком

стыдливым,

Дуб высится в лесу косматой головой, —
Стоит гигант-дворец в величьи горделивом.
На строй колонн его лег мраморный портал;
Смеясь, из ниш глядят амурсы, как живые;
А там, за окнами, — там роскошь пышных зал,
Цветы, и зеркала, и ткани дорогие...
Как чудно он хорош, твой чопорный сосед,
Когда румяная, как дева молодая,
Вечерняя заря коралловый отсвет
Бросает на него, в лазури угасая!
Как чудно он хорош и в тихий час ночной,
Весь, сверху донизу осыпанный огнями,
Гремящий музыкой, наполненный толпой,
Манящий издали зеркальными дверями...
А ты?.. Глубокой мглой окутан, как плащом,
Ть крепко спишь у ног блистательной громады;
И лишь одно окно трепещет огоньком,
Неверным огоньком полуночной лампы.
Под шум чужих пиров ненарушим твой сон;
Ты равнодушен к ним, ты полон мглой обычной,
И кажется, что ты лишь чудом занесен
Из дремлющей глуши в водоворот столичный!..

Бледнеет летний день... Над пышною Невую,
 Вдоль строгой линии гранитных берегов
 Еще освещены янтарною зарею
 Немые мраморы покинутых дворцов.
 Но уж сады полны прохладой и тенями,
 И к зыбкой пристани, по синей глади вод,
 Как сказочный дракон, сверкающий глазами,
 С огнями вдоль бортов причалил пароход.
 Я этот час люблю. В столице опустелой
 Есть грусть какая-то в такие вечера.

1885

Арсений Голенищев-Кутузов

114. ЛАМПАДА

Пробил час полночи, но белая денница
 Объемлет небеса и не уходит прочь
 Страстей и суеты не в силах превозмочь,
 Гремит и бессонная столица
 Снует по улицам разгульный, праздный люд
 В тревоге бледного усталого разврата;
 Какой-то удалю недужной ночь объята,
 И не страшит ее зари бесстрастный суд.
 В безмолвии и думы одинокой
 По улице бреду я людной и широкой,
 Но, кажется мне все безжизненно вокруг.
 Мертвы и сумрачны домов немых громады;
 В слепые окна их гляжу — и вижу вдруг,
 Там, где-то в вышине под кровлей, луч лампы
 Из тесной комна сквозь тусклое стекло,
 Как пламень маяка над бурей злого моря,
 Как чистый взор любви сквозь тьму земного горя,
 Мне светит набожно, умильно и тепло.
 И долго от него не отвожу я очи,
 И долго я смотрю в то дальнейшее окно...
 Чья вера, чья любовь над бездной этой ночи
 Молитвенный огон зажгла?.. Не все ль равно!
 Но пусть в то мирное, безгрешное жилище
 Не властен я войти, мне сердце говорит,
 Что, может быть, душа — зари небесной чище
 И краше светлых звезд — там в этот час горит,

Что молится она вдали земного пира,
Вдали тревог и зол, в победной тишине,
О всепрощении, о вечном счастье мира,
О всех вокруг меня, и... даже обо мне.

1880—1890-е

Константин Фофанов

115

Столица бредила в чаду своей тоски,
Гонясь за куплей и продажей.
Общественных карет болтливые звонки
Мешались с лязгом экипажей.
Движенью пестрому не виделось конца.
Ночные сумерки сползали,
И газовых рожков блестящие сердца
В зеркальных окнах трепетали.
Я шел рассеянно; аккорды суеты
Мой робкий слух не волновали,
И жадно мчались вдаль заветные мечты
На крыльях сумрачной печали.
Я видел серебро сверкающих озер,
Сережки вербы опушенной,
И серых деревень заплаканный простор,
И в бледной дали лес зеленый.
И веяло в лицо мне запахом полей,
Смущало сердце вдохновенье,
И ангел родины незлобивой моей
Мне в душу слал благословенье.

1884

116. НА НЕВЕ

Нет ночи, а не день. Над сонною Невою
Вечерняя заря румянится тепло,
Но ветер уж пахнул прохладой ночью
И морщит светлых вод спокойное стекло.

Пурпурным янтарем пылают окна зданий,
Как будто бы там ночь справляет пир весны,
Узоры пестрые далеких очертаний
В лиловый полумрак, как в дым, погружены.

Удавом каменным змеится цепь гранита,
И паутиной мачт темнеют корабли.
Уныло ночь молчит, и грусть кругом разлита,
И слышен вздох небес в молчании земли.

И точно чей-то глаз, как луч любви случайной,
Мне в душу заглянул пытливо и светло,—
И всё, что было в ней загадкою иль тайной,
Всё в звуки облеклось, всё имя обрело.

И страстные мечты, больные до истомы,
Наполнили меня блаженною тоской...
И мнится, что вокруг всё пышные хоромы,
Вся эта ночь и блеск нам вызваны мечтой.

И мнится — даль небес, как полог, распахнется,
И каменных громад недвижный караван
Вот-вот, сейчас, сейчас волнуясь, колыхнется —
И в бледных небесах исчезнет, как туман.

Апрель 1888

Сергей Андреевский

117. ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ

У самых вод раскатистой Невы,
Лицом к лицу с нарядною столицей,
Темнеет, грозный в памяти молвы,
Гранитный вал с внушительною спицей.
Там виден храм, где искони внутри
Опочивают русские цари,
А возле стен зарыты коменданты,
И тихий плач в гробницы льют куранты,
И кажется, на линию дворцов,
Через Неву, из недр иного света,
Глядят в столицу тени мертвецов,
Как Банко тень на пиршество Макбета...

Завидна ль им исторгнутая власть?
Полна ль их совесть запоздалой боли,

И всем царям они желают пасть,
 А всем гнетомым встать из-под неволи?
 Или свои алмазные венцы
 Они сложили кротко пред Еговой
 И за грехи народа, как отцы,
 Прияли там иной венец, терновый?
 Иль спор ведут перед Царем царей
 Повешенный с тираном на турнире,
 Чей вздутый лик величия полней,
 Раба в петле — иль царственный, в мундире?
 Иль, убоясь своих кровавых рук,
 Крамольники клянут свои деянья?
 Или врагов на братские лобзанья
 Толкнула смерть, в забвеньи зол и мук?..
 Но я люблю гранитную ограду
 И светлый шпиль при северной луне,
 Когда куранты грустную руладу
 Издалека разносят по волне.
 Они поют в сияющем тумане
 О свергнутых земных богатырях,
 О роскоши, исчезнувшей в нирване,
 О подвиге, задавленном впотьмах, —
 О той поре, где всякий будет равен,
 И, внемля им, подумаешь: «Коль славен...»

Август 1881

118. ОБРУЧЕНИЕ

Из «хроники происшествий»

<

II

А Невский в этот день, как и в другие дни,
 Кипел прохожими на солнце и в тени,
 И так же, в две реки, тянулись экипажи
 Меж стекол, блещущих соблазнами продажи,
 И разноцветные, но бледные дома
 Под небом высились, как ровная кайма,
 И башня думская, подобно часовому,
 Внимала холодно движению дневному...
 Все та же вечная живая суэта

И тот же вольный вид с Аничкова моста
На уходящие наклоны перспективы:
Шпалеры стройные так горды и красивы!
Меж них чернеет люд на гладком полотне —
А там рисуется в далекой глубине,
Как под косым дождем, под нитью телефона,
Адмиралтейский шпиль на дымке небосклона.—
Движенье улицы пришло теперь в разгар:
Гудел торцовый путь, покрылся тротуар,
Зеваки скупились на лестнице пассажа,
А перед лавочкой подвального этажа
Чредой прохожие сгибались у витрин,
Где блещут образы певиц и балерин
И в тусклых копиях желтеют наши славы...
Газетчик предлагал последние уставы,
Сулил вам выигрыш с обманчивых таблиц...
Мелькали профили, пестрели сотни лиц:
Курсистка с книжкой и с думою суровой;
Кокотка смуглая под шляпкою пунцовой,
В боа закутана — два обруча в ушах;
Убогий инвалид привстал на костылях
Пред сочной выставкой съестного магазина;
На дрожках трепетных стремглав летел мужчина,
Объявшись с дамою; в карете биржевик
Качался выбритый, откормленный как бык;
Артельщики несли золоченые стулья,
Из конок публика валила, как из улья,
Сходя пред линией Гостиного двора;
Над уровнем толпы носились кучера;
Лакей посланника проплыл с своим плюмажем,
С портфелем — адвокат... по всех не перескажем.
< >

1878—1885

Александр Добролюбов

119. НЕВСКИЙ ПРИ ЗАКАТЕ СОЛНЦА

Блага дрожит освежительно.
Лиц вереница медлительна...
Тонкие, мягкие пятна...

Шумы бледнеют невнятно.
Светлые башни. Вдали
Светлые тени легки.

Мутною цепью нависшие
Стены. Как призраки высшие,
Дремлют дома неподвижно.
Теплится ночь непостижно.
Зыблются краски... во сне
Зыблется лист на окне.

<1894>

120. ЛИТЕЙНЫЙ ВЕШНИМ УТРОМ

Светлой нитью вдаль уходит
Гордый, тесный ряд домов.
Тени меркнут, чуть колеблясь,
И весенним ровным солнцем
Каждый камень озарен.

Строго смотрят в окнах лица,
Строги думы стен высоких,
Строго вырезалась в небе
Церковь с темной колокольней.

Ты прошла лукаво мимо,
Словно свет зари вечерней...
Улыбнулись дерзко глазки.

<1894>

Иван Коневский

121. СВЕРСТНИКИ

В шумящей пустыне,
В твердыне из камня,
На дальней границе обширной пустой стороны
На свет родились
Мы, нежные дети,
И не были сказки веков с малых лет нам родны —

Заветные сказки
Обителей отчих...
Росли мы в чуланах, на диких дворах.

А чувства кипели,
И жизнь нас манила:
Вдыхали под солнцем мы извести прах.

О бедные дети!..
Никто нас не пестовал —
И сами сумели мы сразу святыни презреть.
Нас в даль увлекло...
Мы со всем рассчитались —
И кто нам поможет в боренье мирском уцелеть?

8 марта 1899

122. ОСЕННИЕ ГОЛОСА

II

Убийственный туман сгустился над столицей.
И ноют, смерть в себе тая, сердца, дома.
Сцепились всюду колесница с колесницей.
И цвет земли погиб, а далека зима.

Удел наш — нищета, уродство и бессилье.
Высасывает кровь из нас сырая мразь.
И Скука распластать губительные крылья
С Тоской седой вослед идут, не торопясь.

Зачем ты здесь, мой дух, в крови глухих страданий,
О ты, что веруешь в блаженство горячо?
Властителен, как царь, строитель славных зданий,
Ты вражьей силе дал ломать свое плечо.

Ты — в мире демонов, зловонных и холодных,
И в их руках теперь — теснящая судьба.
Но сущий — ты один, создатель чар природных
И тех же демонов, чтоб с ними шла борьба.

С беспечностью косясь на призрачное тело,
Что в слякоть немощью своей меня влечет,
Прозращий взор летит к блаженному пределу,
Где радужная жизнь в глуби теней течет.

А тут же, близ меня — я знаю — есть собратья,
Которым нем юдоли покаянный плач.
Он небылица: в нас ведь — бытия заклетье.
Из смертной сей земли вперед! Наш свет горяч.

Сентябрь 1899

123. ВЕДУНЫ

Мы пройдем над коснеющим городом плавной стопой,
Как пары, мы пройдем над немыми, глухими домами.
Он навек ли кирпичный, булыжный застой?
Нет ли тайной и точной беседы меж ними и нами?

Да, их строили мертвые люди, с пустою душой.
Но забились сердца за тупыми, слепыми стенами.
Исполинская заводь, запруда, о город большой,
Испаряется песнь над зловонными мути волнами.

Если там, за лампадой, убогое сердце горит,
И его не принять ли нам в веденье наше с приветом?
Где ютятся торги, ремесло в полумраке творит,
Это быт устрояется, глушь украшается цветом.

Ты свети, не копти, о подгорных елеев огонь!
И топи, и дыми, о лесов красно-бурое пламя!
От осенних снегов до весенних ручьев ты их тронь
Плоти, крови, что стынут, замкнуты прямыми углами.

Пусть грохочут подводы, повозки по злым мостовым,
Пусть светильные газы бегут неживой вереницей —
Вещуны улетят в небеса по трубам дымовым,
Чтоб витать и гадать над мечтами, судьбами Столицы!

1900

Федор Сологуб

124

Вот у витрины показной
Стоит, любуясь, мальчик бедный.
Какой он худенький и бледный,
И некрасивый, и больной!

224

Блестят завистливо и жадно
Его широкие глаза.
Порой сверкнет на них слеза,
И он вздыхает безотрадно.

Вот нагляделся он, идет.
Вокруг него шумит столица.
Мечтаний странных вереница
В душе встревоженной растет.

1892

125

На гулких улицах столицы
Трепещут крылья робких птиц,
И развернулись вереницы
Угрюмых и печальных лиц.

Под яркой маской злого света
Блестит торжественно глазет.
Идет, вся в черное одета,
Жена за тем, кого уж нет.

Мальчишки с песнею печальной
Бредут в томительную даль
Пред колесницей погребальной,
Но им покойника не жаль.

1896

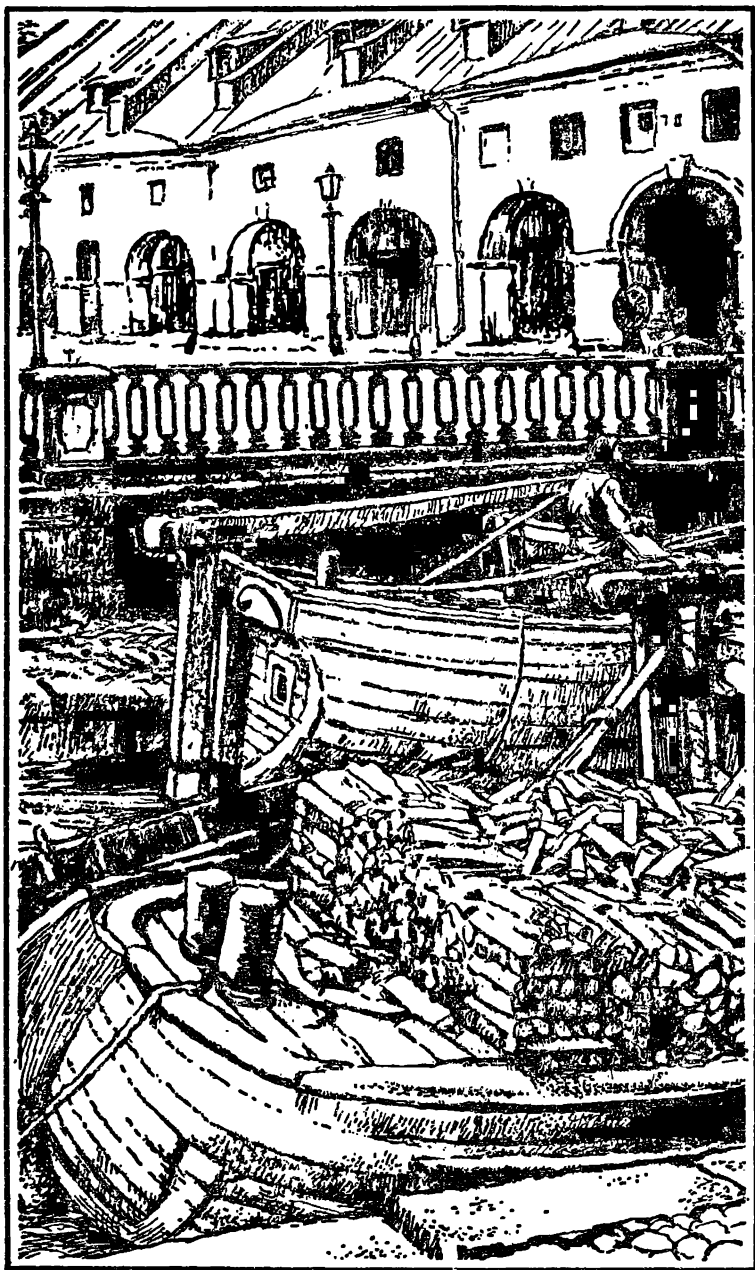
126

Над безумием шумной столицы
В темном небе сияла луна
И далеких светил вереницы,
Как виденья прекрасного сна.

Но толпа проходила беспечно,
И на звезды никто не глядел,
И союз их, вещающий вечно,
Безответно и праздно горел.

И один лишь скиталец покорный
Подымал к ним глаза от земли,
Но спасти от гибели черной
Их вещанья его не могли.

28 марта 1897

127. ИСКАЛИ ДОЧЬ

Печаль в груди была остра
 Безумна ночь, —
И мы блуждали до утра
 Искали дочь.

Нам запомнилась навеки
Жутких лиц тишина,
Хрупкий снег, немые реки,
Дым костров, штыки, луна.

Чернели тени на огне
 Ночных костров.
Звучали в мертвой тишине
 Шаги врагов.

Там, где били и рубили,
У застав и у палат,
Что-то чутко сторожили
Цепи хмурые солдат.

Всю ночь мерещилась нам дочь,
 Еще жива,
И нам нашептывала ночь
 Ее слова.

По участкам, по больницам
(Где пускали, где и пет)
Мы склоняли к многим лицам
Тусклых свеч неровный свет.

Бросали груды страшных тел
 В подвал сырой.
Туда пустить нас не хотел
 Городовой.

Скорби пламенной язык ли,
Деньги ль дверь открыли нам, —
Рано утром мы проникли
В тьму, к поверженным телам.

Ступени скользкие вели
В сырую мглу,
Под грудой тел мы дочь нашли
Там, на полу...

1905

Поликсена Соловьева

[Allegro]

128. ПЕТЕРБУРГ

Город туманов и снов
Встает предо мною
С громадой неясною
Тяжких домов,
С цепью дворцов,
Отраженных холодной Невойю.
Жизнь торопливо бредет
Здесь к цели незримой...
Я узнаю тебя с прежней тоской,
Город больпой,
Неласковый город любимый!
Ты меня мучишь, как сон,
Вопросом несмелым...
Ночь, но мерцает зарей небосклон...
Ты весь побежден
Сумраком белым.

(1901)

129. ПЕТЕРБУРГ

Быть Петербургу пусты

Евдокия

Мне снятся жуткие провалы
Зажатых камнями дворов,
И черно-дымные каналы,
И дымы низких облаков.
Молчат широкие ступени,
Молчат угрюмые дворцы,
Лишь всхлипывает дождь осенний,
Слезясь на скользкие торцы.

На площадях пустынно-гулких
Погас огней янтарный ряд,
Безмолвны щели-переулки,
Безогнен окон мертвый взгляд.
И ветер панихиду стонет
По скатам крыш, средь черных труб,
И мгла осенняя хоронит,
Омыв дождями, тяжкий труп.
О, город крови и мучений,
Преступных и великих дел!
Незабываемых видений
Твой зодчий дал тебе удел.
О, город страшный и любимый!
Мне душу пьют твой мрак и тишь.
Проклятьем женщины томимый,
Ты умер?.. Нет, не умер — спишь.
И снится: кто-то невысокий
В плаще, с кудрявой головой,
Проходит грустный, одинокий,
И шепчет сладостные строки
Над молчаливою Невой.
И верю я, что смерть безвластна
И нет бесславного конца,
Что Он проходит не напрасно
И что сильнее злобы страстной
Благословение певца.

1915

Татьяна Щепкина-Куперник

130. КУРАНТЫ

Песенка старых курантов...
— Слышится мерный гавот:
В буклях, в уборах из бантов
Парочка чинно идет.
Пудра... румяна и мушки...
В нежной усмешке — каприз...
— Жду приговора пастушки!
— Этою ночью, маркиз!..
Бьет час желанный свиданья:
Туфелька красная смело стучит

По коридорам старинного зданья...
 Нежно,
Светло, безмятежно
Времени голос звучит.
Песня старинных курантов:
— Грозно темнеет Нева;
Крупным узором брильянтов
Блещет небес синева.
Ночь холодна и сердита,
Черные волны дрожат;
Крепкие стены гранита
Верно тюрьму сторожат.
Здесь каждый час — час страданья;
Шаг часового так гулко стучит
По коридорам старинного зданья...
 Важно,
Печально, протяжно
Времени голос звучит.

<1901>

131. РОЗЫ

(из летнего альбома)

В рассветном тумане стоят острова;
Скрывается море за серую далью:
Несет к нему гордые воды Нева,
Сверкая то чернью, то жидкою сталью.
Как сторож суровый и вечный, гранит
Красавицу-реку безмолвно хранит.
И только с далекого моря, свободный,
Бушует и рвет ее ветер холодный.
Всё мрачные, серые всюду тона;
Блестящая звездами ночь — холодна.
Деревья шумят своей темной листвою
С какою-то тайной тоской роковой,
А длинные, черные крылья теней
От звездного света черней и страшней.
Не спит еще город, — и мчатся коляски,
Спеша уносить за четою чету.
Смех, говор, слова беззастенчивой ласки
Звучат в этот утренний час на мосту;
Усталые лица... небрежные позы...

Пресыщенность поздних ночных кутежей...
А рядом вдруг голос:

«Душистые розы!

Вот розы! Вы роз не найдете свежей!..»

То жалкий бедняк, озираясь с опаской,

Тревожно и долго бежит за коляской,

Стремясь обогнать поворот колеса;

Охрип, весь оборван, прикрыт еле-еле,

Лохмотья на тощем, продрогнувшем теле,

В глазах — выражение голодного пса;

А в грязных руках его свежие розы,

С улыбкой своей бессознательной грезы...

— Не в пышных садах благодатной земли,

Италии светлой, те розы цвели,

Не роскоши дерзкой Нероновских оргий

Они с упоением венчали восторги;

На севере бедном взрастали цветы;

В позорных и пестрых притонах разгула

Мгновеньем их юная свежесть мелькнула...

Там к стройным ногам покупной красоты

Несла их толпа раболепную данью,

Покорна греха и позора созданию.

Свое отыграли — и брошены прочь...

Бедняк подобрал их под страхом угрозы,

И так простоят он до утра всю ночь,

Взывая напрасно:

«Душистые розы!

Купите, вот розы, вот свежие розы!..»

< >

<1900>

Аполлон Коринфский

132. В ТУМАНЕ

Конст<антипу> Михайл<овичу> Фофанову

И вот опять ползут косматые туманы

Из северных болот и сумрачных лесов,

Покинув нехотя просторные поляны

Для тесной суеты шумливых городов...

Задернуты с утра какой-то мутной мглою

Огромные дома, сады и острова,

Гранитные дворцы над смолкшею рекою
И в латах ледяных красавица Нева..
И целый день по улицам туманным
Брожу я, затаив в груди печаль свою,
И — ка больной в бреду — в своем кошмаре
странном

Ни близких, ни врагов кругом не узнаю..
Худые, бледные, измученные лица
Повсюду предо мной елькают; из-за них
Глядит в мои глаза туманная столица
Зрачкам мутными несчастных г своих...
И думается мне: весь этот город шумный
Внезапно заболел, и бред его больной
Сливаясь с моей тоскою многодумной,
Звучит во мне самом и гонится за мной...

19 декабря

Иннокентий Анненский

133. ПЕТЕРБУРГ

Желтый пар петербургской зимы,
Желтый снег, облипающий плиты...
Я не знаю, где *вы* и где *мы*,
Только знаю, что крепко мы слиты.

Сочинил ли нас царский указ?
Потопить ли нас шведы забыли?
Вместо сказки в прошедшем у нас
Только камни да страшные были.

Только камни нам дал чародей,
Да Неву буро-желтого цвета,
Да пустыни немых площадей,
Где казнили людей до рассвета.

А что было у нас на земле,
Чем вознесся орел наш двуглавый,
В темных лаврах гигант на скале,—
Завтра станет ребячьей забавой.

У на что был он грозен и смел,
Да скакун его бешеный выдал,

Царь змеи раздавить не сумел,
И прижатая стала наш идол.

Ни кремлей, ни чудес, ни святынь,
Ни миражей, ни слез, ни улыбки...
Только камни из мерзлых пустынь
Да сознание проклятой ошибки.

Даже в мае, когда разлиты
Белой ночи над волнами тени,
Там не чары весенней мечты,
Там отравы бесплодных хотений.

(1910)

Иван Бунин

134

Просыпаюсь в полумраке.
В занесенное окно
Смуглым золотом Исакий
Смотрит дивно и темно.

Утро сумрачное снежно,
Крест ушел в густую мглу.
За окном уютно, нежно
Жмутся голуби к стеклу.

Все мне радостно и ново:
Запах кофе, люстры свет,
Мех ковра, уют алькова
И сырой мороз газет.

1915

135. НА НЕВСКОМ

Колеса мелкий снег взрывали и скрипели,
Два вороних надменно пролетели,
Каретный кузов быстро промелькнул,
Блеснувши глянцем стекол мерзлых,
Слуга, сидевший с кучером на козлах,

От вихрей голову нагнул,
Поджал губу, синевшую щетиной,
И ветер веял красной пелериной
В орлах на позументе золотом...
Все пронеслось и скрылось за мостом,
В темнеющем буране... Зажигали
Огни в несметных окнах вокруг меня,
Чернели грубо баржи на канале,
И на мосту, с дыбящего коня
И с бронзового юноши нагого,
Повисшего у диких конских ног,
Дымились клочья праха снегового...
Я молод был, безвестен, одинок
В чужом мне мире, сложном и огромном.
Всю жизнь я позабыть не мог
Об этом вечере бездомном.

1916

Вячеслав Иванов

136. НА БАШНЕ

Л. Д. Зиновьевой-Аннибал

Пришелец, на башне притон я обрел
С моею царицей — Сивиллой,
Над городом-мороком — смурый орел
С орлицей ширококрылой.

Стучится, вскрутя золотой листопад,
К товарищам ветер в оконца:
«Зачем променяли свой дикий сад
Вы, дети — отступники Солнца,

Зачем променяли вы ребра скал,
И шепоты вещей пещеры,
И ропоты моря у гордых скал,
И пламенноликие сферы —

На тесную башню над городом мглы?
Со мной, на родные уступы!..»
И клекчет Сивилла: «Зачем орлы
Садятся, где будут трупы?»

Между 1905 и 1907

137. МЕДНЫЙ ВСАДНИК

В этой призрачной Пальмире,
В этом мареве полярном,
О, пребудь с поэтом в мире,
Ты, над взморьем светозарным

Мне являвшаяся дивной
Ариадной, с кубком рьяным,
С флейтой буйно-заунывной
Иль с узывчивым тимпаном,—

Там, где в гроздьях, там, где в гимнах
Рдеют Вакховы экстазы...
В тусклый час, как в тучах дымных
Тлеют мутные топазы,

Закружись стихийной пляской
С предзакатным листопадом
И под сумеречной маской
Пой, подобная менадам!

В желто-серой рысей шкуре,
Увенчавшись хвоей ельной,
Вихревейной взвейся бурей,
Взвейся вьюгой огнехмельной!..

Ты стоишь, на грудь склоняя
Лик духовный, лик страдальный,
Обрывая и роняя
В тень и мглу рукой печальной

Лепестки прощальной розы,
И в туманные волокна,
Как сквозь ангельские слезы,
Просквозили розой окна —

И потухли... Все смешилось,
Погасилось в волнах сизых...
Вот — и ты преобразилась
Медленно... В убогих ризах

Мнишься ты в ночи Сивиллой...
Что, седая, ты бормочешь?

Ты грозишь ли мне могилой?
Или миру смерть пророчишь?

Приложила перст молчанья
Ты к устам — и я, сквозь шепот,
Слышу медного скаканья
Заглушенный тяжкий топот...

Замирая, кликом бледным
Кличу я: «Мне страшно, дева,
В этом мороке победном
Медноскачущего Гнева...»

А Сивилла: «Чу, как туго
Ударяет медь о плиты...
То о трупы, трупы, трупы
Спотыкаются копыта...»

Между 1905 и 1907

138. СФИНКСЫ НАД НЕВОЙ

Волшба ли ночи белой приманила
Вас маревом в полон полярных див,
Два зверя-дива из стовратных Фив?
Вас бледная ль Изида полонила?

Какая тайна вам окаменила
Жестоких уст смеющийся извив?
Полночных волн немеркнущий разлив
Вам радостней ли звезд святого Нила?

Так в час, когда томят нас две зари
И шепчутся лучами, дея чары,
И в небесах меняют янтари,—

Как два серпа, подъемля две тиары,
Друг другу в очи — девы иль цари —
Глядите вы, улыбчивы и яры.

18 мая 1907

139. БЕЛАЯ НОЧЬ

Червленный щит тонул — не утопал,
В струях калился золотого рая...
И канул... Там, у заревого края,
В купели неугасной свет вскипал.

В синь бледную и в празелень опал
Из глуби камня так горит, играя.
Ночь стала — без теней. Не умирая,
В восточный горн огонь закатный пал.

Недвижен свет. Дома, без протяженья,—
И бдительны, и слепы. Ночь — как день.
Но не межует граней четко тень.

Река хранит чудес отображенья.
Ей расточить огонь небесный — лень...
Намеки здесь — и там лишь достиженья.

<1907>

Валерий Брюсов

140. К МЕДНОМУ ВСАДНИКУ

В морозном тумане белсает Исакий,
На глыбе оснеженной высится Петр.
И люди проходят в дневном полумраке,
Как будто пред ним выступая на смотр.

Ты так же стоял здесь, обрызган и в пене,
Над темной равниной взмутившихся волн;
И тщетно грозил тебе бедный Евгений,
Охвачен безумием, яростью полн.

Стоял ты, когда между криков и гула
Покинутой рати ложились тела,
Чья кровь на снегах продымилась, блеснула
И полюс земной растопить не могла!

Сменяясь, шумели вокруг поколенья,
Вставали дома, как посевы твои...
Твой конь попирал с беспощадностью звенья
Бессильно под ним изогнутой змеи.

Но северный город — как призрак туманный,
Мы, люди проходим, как тени во сне
Лишь ты сквозь века, неизменный, венчанный,
С рукою простертой летишь на коне

24—25 января 1906

141. АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ СТОЛП

На Невском, как прибор нестройный,
Растет вечерня тблпа.
Но неподвижен сон спокойный
Александрйского столпа.

Гранит суровый, величавый,
Обломок довременных скал!
Как знак побед, как вестник славы,
Ты перед царским домом стал.

Ты выше, чем колонна Рима,
Поставил знаменье креста.
Несокрушима, недвижима
Твоя тяжелая пята.

И через кровли низких зданий,
Всё озирая пред собой,
Ты видишь в сумрачном тумане
Двух древних сфинксов над Невой.

Глаза в глаза вперив, безмолвны,
Исполнены святой тоски,
Они как будто слышат волны
Иной, торжественной реки.

Для них, детей тысячелетий,
Лишь сон — виденья этих мест,
И эта твердь, и стены эти,
И твой, взнесенный к небу, крест.

И, видя, что багряным диском
На Запад солнце склонено,
Они мечтают, как — давно —
В песках, над падшим обелиском,
Горело золотом оно.

9 апреля 1909

142. ПЕТЕРБУРГ

Здесь снов не ваял Сансовино,
Не разводил садов Ле-Нотр.
Все, волей мощной и единой
Предначертал Великий Петр.

Остановив в болотной топи
Коня неистового скок,
Он повернул лицом к Европе
Русь, что смотрела на Восток;

Сковал седым гранитом реки,
Возвысил золоченый шпиль,
Чтоб в ясной мгле, как призрак некий,
Гласил он будущую быль.

Вдали — поля, поля России,
Усталый труд, глухая лень,
Все те же нивы вековые
Все тех же скудных деревень;

Вдали, как редкие цветенья,
Шумят несмело города,
В краях тоски и униженья,
Былого рабства и стыда.

Но Петроград огнями залит,
В нем пышный роскоши расцвет,
В нем мысль неутомимо жалит,
В нем тайной опьянен поэт,

В нем властен твой холодный гений,
Наш Кесарь-Август, наш Ликург!
И отзвуком твоих стремлений
Живет донныне Петербург!

1912

143. <ИЗ КНИГИ «СТИХИ НЕЛЛИ»>

ВЕЧЕРНЕЕ КАТАНЬЕ

Качая тихо черепа
В цилиндре, в котелке и в фетре,
По Невскому плывет толпа
При нежащем, вечернем ветре.

Уже размножились огни
За стеклами, в больших витринах,
И две звезды зажглись в тени,
Как искры двух зрачков змеиных.

Скользят коляски; мимо них,
Гудя, летят автомобили;
Но строго, у коней своих,
Литые юноши застыли.

Сходящим сумраком дыша,
В вечернем говоре и шуме,
Опять безвольная душа
Нисходит в круг ночных безумий.

Не засыпают ли дома,
Как старики, в постели, рано?
Но вдалеке разбита тьма
Горящим взором ресторана.

Гудя, лети, автомобиль,
В сверканьи исступленных светов...
Вдали Адмиралтейский шпиль,
В огне закатном, фиолетов.

<1913>

144. ТРИ КУМИРА

В этом мутном городе туманов,
В этой, тусклой безрассветной мгле,
Где строенья, станом великанов,
Разместились тесно по земле,—

Попирая, в гордости победной,
Ярость змея, сжатого дугой,

По граниту скачет Всадник Медный,
С царственно протянутой рукой;

А другой, с торжественным обличем,
Строгое спокойствие храня,
Упоенный силой и величем,
Правит скоком сдержанным коня;

Третий, на коне тяжелоступном,
В землю втиснувши упор копыт,
В полусне, волненью недоступном,
Недвижимо, сжав узду, стоит.

Иступленно скачет Всадник Медный;
Непоспешно едет конь другой;
И сурово, с мощностью наследной,
Третий конник стынет над толпой, —

Три кумира в городе туманов,
Три владыки в безрассветной мгле,
Где строенья, станом великанов,
Разместились тесно по земле.

1 декабря 1913

145. К ПЕТРОГРАДУ

...над самой бездной,
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы...

Пушкин

Город Змеи и Медного Всадника,
Пушкина город и Достоевского,
 Ныне, вчера,
 Вечно — единый,
От небоскребов до полисадника,
От островов до шумного Невского, —
 Мощью Петра,
 Тайной — змеиной!

В прошлом виденья прожиты, отжиты
Драм бредовых, кошмарных нелепостей;
 Душная мгла
 Крыла злодейства...

Что ж! В веке новом — тот же ты, тот же ты!
Те же твердыни призрачной крепости,
Та же игла
Адмиралтейства!

Мозг всей России! с трепетом пламенным,
Полон ты дивным, царственным помыслом:
Звоны, в веках,
Славы — слышнее...

Как же взгнездились в черепе каменном,
В ужасе дней, ниспосланных Промыслом,
Прячась во прах,
Лютые змеи?

Вспомни свой символ: Всадника Медного!
Тщетно Нева зажата гранитами,
Тщетно углы
Прямы и строги:
Мчись к полосе луча заповедного,
Злого дракона сбросив копытами
В пропасти мглы
С вольной дороги!

1916

Александр Блок

146. СТАТУЯ

Лошадь влекли под уздцы на чугунный
Мост. Под копытом чернела вода.
Лошадь храпела, и воздух безлунный
Храп сохранял на мосту навсегда.

Песни воды и хрипящие звуки
Тут же вблизи расплывались в хаос.
Их раздирали незримые руки.
В черпой воде отраженье неслоь.

Мерный чугун отвечал однотонно.
Разность отпала. И вечность спала.
Черная ночь неподвижно, бездонно —
Лопнувший в бездну ремень увлекла.

Все пребывало. Движенья, страданья —
Не было. Лошадь храпела навек.
И на узде в апряженьи молчанья
Вечно застывший висел человек.

1903

147. ПЕТР

Евг Иванову

Он спит, пока закат румян
И сонно розовеют латы.
И с тихим свистом сквозь туман
Глядится Змей, копытом сжатый.

Сойдут глухие вечера,
Змей расклубится над домами.
В руке протянутой Петра
Запляшет факельное пламя.

Зажгутся нити фонарей.
Блеснут витрины и тротуары.
В мерцаньи тусклых площадей
Потянутся рядами пары.

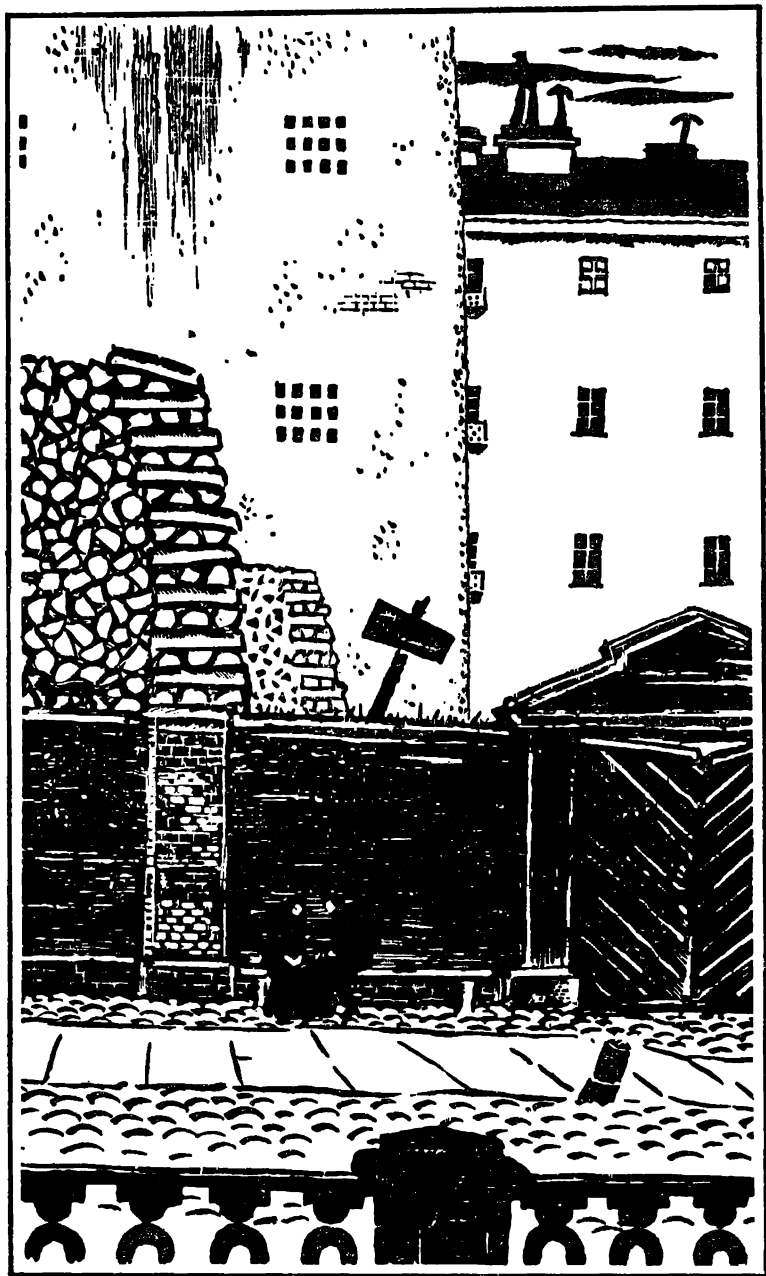
Плащами всех укроет мгла,
Потонет взгляд в маящем взгляде.
Пускай невинность из угла
Протяжно молит о пощаде!

Там, на скале, веселый царь
Взмахнул зловонное кадило,
И ризой городская гарь
Фонарь манящий облачила!

Бегите все на зов! на лов!
На перекрестки улиц лунных!
Весь город полон голосов
Мужских — крикливых, женских — струнных!

Он будет город свой беречь,
И, заалев перед денницей,
В руке простертой вспыхнет меч
Над затихающей столицей.

22 февраля 1904

Вися над городом всемирным,
 В пыли прошедшей заточен,
 Еще монарха в утре лирном
 Самодержавный клонит сон.

И предок царственно-чугунный
 Всё так же бредит на змее,
 И голос черни многострунный
 Еще не властен на Неве.

Уже на дóмах веют флаги,
 Готовы новые птенцы,
 Но тихи струи невской влаги,
 И слепы темные дворцы.

И если лик свободы явлен,
 То прежде явлен лик змеи,
 И ни один сустав не сдавлен
 Сверкнувших колец чешуи.

18 октября 1905

149. В ОКТЯБРЕ

Открыл окно. Какая хмурая
 Столица в октябре!
 Забитая лошадка бурая
 Гуляет на дворе.

Снежинка легкою пушинкою
 Порхает на ветру,
 И елка слабенькой вершинкою
 Мотает на юру.

Жилось легко, жилось и молодо —
 Прошла моя пора.
 Вон — мальчик, посинев от холода,
 Дрожит среди двора.

Всё, всё по старому, бывалому,
 И будет как всегда:
 Лошадке и мальчишке малому
 Не сладки холода.

Да и меня без всяких поводов
Загнали на чердак.
Никто моих не слушал доводов,
И вышел мой табак.

А всё хочу свободной волею
Свободного житья,
Хоть нет звезды счастливой более
С тех пор, как запил я!

Давно звезда в стакан мой канула,—
Ужели навсегда?..
И вот душа опять воспрянула:
Со мной моя звезда!

Вот, вот — в глазах плывет манящая,
Качается в окне...
И жизнь начнется настоящая,
И крылья будут мне!

И даже все мое имущество
С собою захвачу!
Познал, познал свое могущество!..
Вот вскрикнул... и лечу!

Лечу, лечу к мальчишке малому,
Средь вихря и огня...
Всё, всё по старому, бывалому,
Да только — без меня!

Октябрь 1906

150. О СМЕРТИ

Все чаще я по городу брожу.
Все чаще вижу смерть — и улыбаюсь
Улыбкой рассудительной. Ну, что же?
Так я хочу. Так свойственно мне знать,
Что и ко мне придет она в свой час.

Я проходил вдоль скачек по шоссе.
День золотой дремал на горах щебня,
А за глухим забором — ипподром
Под солнцем зеленел. Там стебли злаков
И одуванчики, раздутые весной,

В ласкающих лучах дремали. А вдали
Трибуна придавила плоской крышей
Толпу зевак и модниц. Маленькие флаги
Пестрели там и здесь. А на заборе
Прохожие сидели и глазели.

Я шел и слышал быстрый гон коней
По грунту легкому. И быстрый топот
Копыт. Потом — внезапный крик:
«Упал! Упал!» — кричали на заборе,
И я, вскочив на маленький пенек,
Увидел все зараз: вдали летели
Жокеи в пестром — к тонкому столбу.
Чуть-чуть отстав от них, скакала лошадь
Без седока, взметая стремяна.
А за листвой кудрявеньких березок
Так близко от меня — лежал жокей,
Весь в желтом, в зеленых весенних злаков,
Упавший навзничь, обратив лицо
В глубокое ласкающее небо.
Как будто век лежал, раскинув руки
И ногу подогнув. Так хорошо лежал.
К нему уже бежали люди. Изадали,
Поблескивая медленными спицами, ландо
Катилось мягко. Люди подбежали
И подняли его...

И вот повисла

Беспомощная желтая нога
В обтянутой рейтузе. Завалилась
Им на плечи куда-то голова...
Ландо подъехало. К его подушкам
Так бережно и нежно приложили
Цыплячью желтизну жокея. Человек
Вскочил неловко на подножку, замер,
Поддерживая голову и ногу,
И важный кучер повернул назад.
И так же медленно вертелись спицы,
Поблескивали козла, оси, крылья...

Так хорошо и вольно умереть.
Всю жизнь скакал — с одной упорной мыслью,
Чтоб первым доскакать. И на скаку
Запнулась запыхавшаяся лошадь,
Уж силой ног не удержать седла.

И утлые взмахнулись стремена,
И полетел, отброшенный толчком...
Ударился затылком о родную,
Весеннюю, приветливую землю,
И в этот миг — в мозгу прошли все мысли,
Единственные нужные. Прошли —
И умерли. умерли глаза.
И труп мечтательно глядит наверх.
Так хорошо и вольно.

Однажды брел по набережной я.
Рабочие возили с барок в тачках
Дрова, кирпич и уголь. И река
Была еще синей от белой пены.
В отстегнутые ворота рубах
Глядели загорелые тела,
И светлые глаза привольной Руси
Блестели строго с почерневших лиц.
И тут же дети голыми ногами
Месили груды желтого песку,
Таскали — то кирпичик, то полено,
То бревнышко. И прятались. А там
Уже сверкали грязные их пятки,
И матери — с отвислыми грудями
Под грязным платьем — ждали их, ругались
И, надавав затрещин, отбирали
Дрова, кирпичики, бревёшки. И тащили,
Согнувшись под тяжелой ношей, вдаль.
И снова, воротясь гурьбой веселой,
Ребятки начинали воровать:
Тот бревнышко, другой — кирпичик...

И вдруг раздался всплеск воды и крик:
«Упал! Упал!» — опять кричали с барки,
Рабочий, ручку тачки отпустив,
Показывал рукой куда-то в воду,
И пестрая толпа рубах неслась
Туда, где на траве, в камнях булыжных,
На самом берегу — лежала сотка.
Один тащил багор.

А между свай,
Забитых возле набережной в воду,
Легко покачивался человек
В рубахе и в разорванных портках.

Один схватил его. Другой помог.
И длинное растянутое тело,
С которого ручьем лилась вода,
Втащили на брег и оложил
Городовой, о камн шашкой,
Зачем-то щеку к груди
Намокшей, и прилежно
Должно быть, сердце. народ,
И каждый пришедший задавал
Одни и те глуп вопросы:
Когда упал, да сколько пролежал
В воде, да сколько выпил?
Потом все стали тихо отходить,
И я пошел своим путем, и слушал,
Как истовый, но выпивши рабочий
Авторитетно говорил другим,
Что губит каждый день людей вино

Пойду бродить Покуда солнце
Покуда жар, покуда
Туша, и мысли вялы..

Сердце!

Ты будь вожатаем моим. И смерть
С улыбкой наблюдай Само устанешь,
Не вынесешь такой веселой жизни,
Какую я веду. Такой любви
И ненависти люди не выносят,
Какую я в себе ношу.

Хочу,

Всегда хочу смотреть в глаза людские,
И пить вино, и женщин целовать,
И яростью желаний полнить вечер,
Когда жара мешает днем мечтать
И песни петь! И слушать в мире ветер!

1907

151. СНЕЖНАЯ ДЕВА

Она пришла из дикой дали —
Ночная дочь иных времен.
Ее родные не встречали,
Не проснял ей ебосклон.

Но сфинкса с выщербленным ликом
Над исполинскою Невой
Она встречала легким вскриком
Под бурей ночи снеговой.

Бывало, вьюга ей осыпет
Звездами плечи, грудь и стан,—
Всё спится ей родной Египет
Сквозь тусклый северный туман.

И город мой железно-серый,
Где ветер, дождь, и зыбь, и мгла,
С какой-то непонятной верой
Она, как царство, приняла.

Ей стали нравиться громады,
Уснувшие в ночной глуши,
И в окнах тихие лампы
Слились с мечтой ее души.

Она узнала зыбь и дымы,
Огни, и мраки, и дома —
Весь город мой непостижимый —
Непостижимая сама.

Она дарит мне перстень вьюги
За то, что плащ мой полон звезд,
За то, что я в стальной кольчуге,
И на кольчуге — строгий крест.

Она глядит мне прямо в очи,
Хваля неробкого врага.
С полей ее холодной ночи
В мой дух врываются снега.

Но сердце Снежной Девы немо
И никогда не примет меч,
Чтобы ремень стального шлема
Рукою страстною рассечь.

И я, как вождь враждебной рати,
Всегда закованный в броню,
Мечту торжественных объятий
В священном трепете храню.

17 октября 1907

Вторая глава

IV

Но перед майскими ночами
 Весь город погружался в сон,
 И расширялся небосклон;
 Огромный месяц за плечами
 Таинственно румянил лик
 Перед зарей необозримой...
 О, город мой неуловимый,
 Зачем над бездной ты возник?..
 Ты помнишь: выйдя ночью белой
 Туда, где в море сфинкс глядит,
 И на обтесанный гранит
 Склонясь головой отяжелелой,
 Ты слышать мог: вдали, вдали,
 Как будто с моря, звук тревожный,
 Для божьей тверди невозможный
 И необычный для земли...
 Провидел ты всю даль, как ангел
 На шпигеле крепостном; и вот —
 (Сон, или явь): чудесный флот,
 Широко развернувши фланги,
 Внезапно заградил Неву...
 И Сам Державный Основатель
 Стоит на головном фрегате...
 Так снилось многим наяву...
 Какие ж сны тебе, Россия,
 Какие бури суждены?..
 Но в эти времена глухие
 Не всем, конечно, снились сны...
 Да и народу не бывало
 На площади в сей дивный миг
 (Один любовник запоздалый
 Спешил, поднявши воротник...)
 Но в алых струйках за кормами

Уже грядущий день сиял,
И дремлющими выпелами
Уж ветер утренний играл,
Раскинулась необозримо
Уже кровавая заря,
Грозя Артуром и Цусимой,
Грозя Девятым января...

1911—1921

153

Петроградское небо мутилось дождем,
На войну уходил эшелон.
Без конца — взвод за взводом и штык за штыком
Наполнял за вагоном вагон.

В этом поезде тысячью жизней цвели
Боль разлуки, тревоги любви,
Сияла, юность, надежда... В закатной дали
Были дымные тучи в крови.

И, садясь, запевали *Варяга* одни,
А другие — не в лад — *Ермака*,
И кричали *ура*, и шутили они,
И тихонько крестилась рука.

Вдруг под ветром взлетел опадающий лист,
Раскачнувшись, фонарь замигал,
И под черною тучей веселый горнист
Заиграл к отправленью сигнал.

И военною славой заплакал рожок,
Наполняя тревогой сердца.
Громыханье колес и охрипший свисток
Заглушило *ура* без конца.

Уж последние скрылись во мгле буфера,
И сошла тишина до утра,
А с дождливых полей всё несло к нам *ура*,
В грозном клике звучало: *пора!*

Нет, нам не было грустно, нам не было жаль,
Несмотря на дождливую даль.

Это — ясная, твердая, верная сталь,
И нужна ли ей наша печаль?

Эта жалость — ее заглушает пожар,
Гром орудий и топот коней.
Грусть — ее застилает отравленный пар
С галицийских кровавых полей...

1 сентября 1914

Андрей Белый

154. В АЛЬБОМ В. К. ИВАНОВОЙ

О том, как буду я с тоскою
Дни в Петербурге вспоминать,
Позвольте робкою рукою
В альбоме Вашем начертать.
(О Петербург! О Всадник Медный!
Кузмин! О, песни Кузмина!
Г***, аполлоновец победный!)
О Вера Константинов-на,
Час — пятый... Самовар в гостиной
Еще не выпит... По стенам
Нас тени вереницей длинной
Уносят к дальним берегам:
Мы — в облаке... И всё в нем тонет —
Гравюры, стены, стол, часы;
А ветер с горизонта гонит
Разлив весенней бирюзы;
И Вячеслав уже в дремоте
Меланхолически вздохнет:
«Михаил Алексич, спойте!..»
Рояль раскрыт: Кузмин поет.
Проходит ночь... И день встает,
В окно влетает бледной птицей...
Нам кажется, незримый друг
Своей магической десницей
Вокруг очерчивает круг:
Ковер — уж не ковер, а луг —
Цветут цветы, сверкают доли;
Прислушайтесь, — лепечет лес,
И бирюзовые глаголы
К нам ниспадающих небес.

Всё это вспомню я, вздыхая,
Что рок меня от вас умчал,
По мокрым стогнам отъезжая
На Николаевский вокзал.

(1910—1912)

Максимилиан Волошин

155. ПРЕДВЕСТИЯ

Сознание строгое есть в жестах Немезиды—
Умей читать условные черты:
Пред тем, как сбылись Мартовские Иды,
Гудели в храмах медные щиты...

Священный занавес был в скинии распорот —
В часы Голгоф трепещет смутный мир...
О, Бронзовый Гигант! Ты создал призрак-город.
Как призрак-дерево из семени факир...

В багряных свитках зимнего тумана
Нам солнце гневное явило лик тройне,
И каждый диск сочился, точно рана...
И выступила кровь на снежной пелене.

А ночью по пустым и гулким перекресткам
Струились шелесты невидимых шагов,
И город весь дрожал далеким отголоском
Во чреве времени шумящих голосов...

Уж занавес дрожит перед началом драмы...
Уж кто-то в темноте — всезрящий, как сова,
Чертит круги и строит пентаграммы,
И шепчет вещи заклятья и слова.

9 января 1905

156. ПЕТЕРБУРГ

Посвящается Бальмонту

Над призрачным и вещим Петербургом
Склоняет ночь край мертвенных хламид.
В челне их два. И старший говорит:

«Люблю сей град открытый зимним пургам
На топях вод, закованный в гранит.
Он создан был безумным Демиургом.
Вон конь его и змей между копыт!
Конь змею — „сгинь!“, а змей в ответ: „Resurgam!“*
Судьба империи в двойной борьбе:
Здесь бунт — там строй; здесь бред — там клич судьбе.
Но вот сто лет в стране цветут Рифейской
Ликеев мирт и строгий лавр палестр...»
И глядя вверх на шпиль Адмиралтейский,
Сказал другой: «Вы правы, граф де Местр».

1915

Александр Кондратьев

157. БЕЛАЯ НОЧЬ

Небо хрустальное сине.
Тихие звезды, мерцаая,
Светят небесной пустыне
В ночи тоскливые мая.

Сонная грезит столица.
И отразились устало
Темные бледные лица
В зеркале темном канала.

(1904)

Вильгельм Зоргенфрей

158. ДЕКАБРЬ

Выйди в полночь. Площадь белая
Стелет саван у реки.
Гулко ночь обледенелая
Застучит в твои виски.

* Resurgam (лат.) — воскресну.

Месяц, облаком завешенный,
Глянет в дымное кольцо,
И, волнуясь, ветер взбешенный
Бросит снег тебе в лицо.

Стань, окованная холодом,
Там, где вскинут черный мост.
Стихнет ветер. Пыльным золотом
Загорятся пятна звезд.

Над перилами чугунными
Перегнись и посмотри:
Вдоль реки цепями лунными
Зыбко пляшут фонари.

Свищет снег по дальним линиям,
Стынет, шепчется вода,
И, окутанные инеем,
Глухо плачут провода.

Что ты ждешь? Свистками грубыми
Утро рвет волшебный бред.
Там, над каменными трубами,
Встал мигающий рассвет.

Переулками разрытыми
Ночь из города ползет.
И кровавыми гранитами
Расцветает небосвод.

Хмуро камни просыпаются,
Стынет сердце... Отдохни.
За рекою зажигаются
Безнадежные огни.

В зеркала свинцово-синие
Слепо смотрится заря —
Это встал в короне инея
Белый призрак Декабря.

1907

И волею неземнородной
Царя, закованного в сталь,
В пустыне, скудной и холодной,
Воздвигнут северный Версаль.

Где вечно плакали туманы
Над далью моха и воды,
Забили светлые фонтаны,
Возникли легкие сады.

Где плавали за рыбной данью
Два-три убогие челна,
Закована глухою гранью
Невы державная волна.

Над зыбями свинцовой влаги,
На вечно веющем ветру,
Российский флот развеял флаги,
Гремя приветствие Петру.

И, мудростью подобен змию,
Веселый царь, как утро юн,
Новорожденную Россию
Забил в железо и чугуны.

От Бельта до Сибири дальней,
До поздней полночи с утра,
Гудят и стонут наковальни
Под тяжким молотом Петра.

И за победою победа
Венчает наши знамена:
Наказана кичливость Шведа
И гордость русских спасена.

И дочерей на ассамблеи
Везут отцы, как на позор,
Везде — амурные затеи,
Пожатые рук и томный взор.

Дерзят, но в выраженьях лестных,
Цитируя латинский стих,
Под статуями нимф, прелестных
И соблазнительно нагих.

Псишей, Венусы и Фрины
Скльзят аллеями. «У вас
Ланиты — розы, перси — крины,
Купидо целится из глаз».

— «К чему сей комплимент нескромный?
Он оскорбителен весьма».

— «Алина, ах! улыбкой томной
Ты тайну выдала сама».

А во дворце — банкет веселый,
С вином шипучим, золотым.
Снуют зеленые камзолы,
И стелется табачный дым.

И над кипящей, мутной бездной
— Мечтами в будущих судьбах —
Проходит исполин железный
С голландской трубкою в зубах.

1906—1909

Георгий Чулков

160. ПЕТЕРБУРГСКИЕ СТИХИ

1. ЖИВАЯ ФОТОГРАФИЯ

Красный паяц намалеван на витро кинематографа;
Лысый старик, с мудрыми глазами и с тонкой улыбкой,
играет вальс на фортепиано;
Двигаются и дрожат жизни на полотне, плененные
механикой;
Кто эти милые актеры, так самоотверженно отдавшие
машине?
Кто эти актрисы, с расстегнутыми лифами, захваченные
(будто бы нечаянно) фотографическим аппаратом?
Быть может, вас уже нет на свете?

Не раздавил ли вас бесстыдно громыхающий трамвай?
Не погибаете ли вы в больнице, отравленные ртутью?
Где вы? Где ваши губы, утомленные поцелуями?
Зачем вы продолжаете махать вашими руками на полотно?
Вон дерутся на рапирах два тореадора из-за прекрасной
испанки.
О, как вы смешны черномазые соотечественники
Сервантеса!
Но посмотрите на зрителей: они очарованы представ-
лением:
Мальчик из лавки стоит, засунув палец в рот;
Толстая барыня задыхается в своем корсете;
Томная проститутка влажными глазами следит за
зрелищем;
А тореадоры, пламенея от страсти, скрещивают шпаги.
И женский голос в публике произносит внятно:
«Мужчины всегда дерутся».

(1908)

Владимир Пяст

161. У ЛЕТНЕГО САДА

Небо нежно-голубос
Прячут в мягкие подушки
Груды серых облаков.
В бледно-матовом покое
Незапятнанных снегов
Ровный полог. Вдоль опушки
Я иду. Мелькают прутья
Строго вычурной решетки
Меж законченных колонн.
Здесь оставлен отпечаток четкий
Отошедших в даль времен.
С ним себя могу сомкнуть я.
Вдоль возделанной аллейки
Статуй домики седые
Протянулись полосой,
И недвижна на скамейке
Дева с русою косою.
Всё, как в дни давно былые.

1909

162. ПЕТЕРБУРГСКОЕ

Тишина предзакатная города,
На Неве серебристая зыбь.
В сердце ясность последнего холода.
Сердце теплом певучим насыпь!

В несказанной тоске замурованный
Не пойму очертания лиц.
В синеве кисеи затушеванный
Золотится над городом шпиц.

Сел в трамвай с дребезжащими стеклами,
Тускло стелется будничный путь.
Нависает лоскутьями блеклыми
Над Невею вечерняя жуть.

1906—1908

Б. Дикс

163

Город холодный и скучный,
Город, влюбленный в туман,
В шепот дождя однозвучный,
В северной ночи обман.

Небо тоскою объято,
Улицы стынут во мгле,
Розовый жемчуг заката
Тает вдали на стекле.

Тени дрожат, замирая
В серых уступах камней,
В сумраке, тихо мерцая,
Тянется цепь фонарей. •

Город, где бледные краски
В небе вечернем горят;
Город, где люди как сказки
Тихо в туманах скользят.

Серый, усталый и скучный
Город, влюбленный в туман,
В шепот дождя однозвучный,
В северной ночи обман.

⟨1908⟩

Владимир Ладыженский

164. НА НЕВСКОМ

Трамваев скучные звонки,
Автомобиль, кричащий дико.
Походки женские легки,
И шляпы, муфты полны шика.

Вдруг замешательства момент.
Какой-то крик, и вопль злодейский...
Городовой, как монумент,
И монумент, как полицейский.

Не видно неба и земли,
Лишь камни высятся победно
И где-то Русь живет вдали...
Живет загадочно и бедно.

⟨1910⟩

Петр Потемкин

165. У ДВОРЦА

Когда весной разводят
Дворцовый мост — не зря
Гулять тогда выходят
Под вечер писаря.
Штаны у них раструбом,
Штиблеты — чистый лак,
Идут, сверкая зубом,
Хихикая в кулак.
За сизо-серой мглою
Заглох закатный луч,

За крепостной иглою
Гора лиловых туч.
Чуть веет невской влагой...
В предчувствии конца
Идут они с отвагой
Улавливать сердца.
И слышно издали
По звонким голосам,
Как рад условной встрече
Цветник влюбленных дам.
Пуховые платочки
Посбились вкривь и вкось...
Без дум, без проволочки
Гулянье началось.
До Прачечного моста
Дойдут и повернут —
Одну обнимут просто,
Другую ущипнут.
В стыдливости невинной
Зажмурилась заря...
По набережной чинно
Гуляют писаря.

⟨1910⟩

Саша Черный

166. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Белые хлопья и конский навоз
Смесились в грязную желтую массу и преют...
Протухшая, кислая, скучная, острая вонь...
Автомобиль и патронный обоз.
В небе пары, разлагаясь, сереют.
В конце переулка желтый огонь...
Плывет отравленный пьяный,
Бросил в глаза проклятую брань
И скрылся, качаясь, — нелепый, ничтожный
и рваный.

Сверху сочится какая-то дрянь...
Из дверей извозчичьих чадных трактиров
Вырывается мутным снопом
Желтый пар, пропитанный шерстью и щами...

Слышишь крики распаренных силплых сатиров?
Они веселятся... Плетется чиповник с попом,
Щебечет грудастая дама с хлыщами,
Орут ломовые на темных слоновых коней,
Хлещет кнут и скучное острое русское слово!
На крутом повороте забили подковы
По лбам обнаженных камней —
И опять тишина.
Пестроглазый трамвай вдалеке промелькнул.
Одиночество скучных шагов... «Ка-ра-ул!»
Все черней и неверней уходит стена.
Мертвый день растворился в тумане вечером...
Зазвонили к вечерне.
Пей до дна!

<1910>

167. ОКРАИНА ПЕТЕРБУРГА

Время года неизвестно.
Мгла клубится пеленой.
С неба падает отвесно
Мелкий бисер водяной.

Фонари горят как бельма,
Липкий смрад навис кругом,
За рубашку ветер-шельма
Лезет острым холодком.

Пьяный чуйка обнял нежно
Мокрый столб — и голосит.
Бесконечно, безнадежно
Кислый дождик моросит...

Поливает стены, крыши,
Землю, дрожки, лошадей.
Из ночной пивной всё лише
Граммфон хрипит, злодей.

«Па-ца-луем дай забвелье!»
Прямо за сердце берет.
На панели тоже пенье:
Проститутку дворник бьет.

Брань и звуки заушений...
И на них из всех дверей
Побежали светотени
Жадных к зрелищу зверей.

Смех, советы, прибаутки,
Хлипкий плач, свистки и вой —
Мчится к бедной проститутке
Постовой городской.

Увели... Темно и тихо.
Лишь в ночной пивной вдали
Граммофон выводит лихо:
«Муки сердца утоли!»

(1910)

168. НА ЕЛАГИНОМ

Не справляясь с желаньем начальства,
Лезут почки из сморщенных палок,
Под кустами — какое нахальство! —
Незаконное скопище галок,
Ручейков нелегальные шайки
Возмутительно действуют скопом
И, бурля, заливают лужайки
Лиловатым веселым потопом.
Бесцензурно чирикают птицы,
Мчатся стаи беспаспортных рыбок,
И Нева контрабандно струится
В лоно моря для бешеных сшибок...
А вверху, за откосом, моторы
Завели трескотню-перестрелку
И, воняя бензином в просторы,
Бюрократов уносят на Стрелку.
Отлетают испуганно птицы,
Рог визжит, как резанный боров,
И брезгливо-обрюзгшие лица
Хмуρο смотрят в затылки шоферов.

(1912)

169. НЕОБЫЧАЙНАЯ ИСТОРИЯ

(ОРФЕЙ НА НЕВСКОМ)

Событие в гостинице для приезжающих «Рига».
Дело не только что — плюнул да вытер,
Пращур Моцарта, Шопена и Грига —
Импровизатор Орфей пожаловал в Питер.

Побранился с прислугой за углы с паутиной,
Такой несдержанный, такой резкий...
А номер хороший, за пять с полтиной,
Даже с балконом на самый Невский.

Шею освободил от хомута-крахмала,
Расстегнул пуговики на пикé-жилете,
Детина — троих на один взмах мало,
Вот они — античные греки эти.

Вышел на балкон — господи боже!..
А народу! А шуму! Экое место,
Точно в квашне крепкие дрожжи
Пучат и пузырят черное тесто.

«Так ли мы жили когда-то в Элладе», —
Думал Орфей, облокотясь на перила.
Каменная улица во всем параде
Миллион очей в Орфея вперила.

Всё заманчиво, всё искусно,
Только глядеть, глядеть да дивиться.
Но эллину бедному стало грустно...
А когда же художник за мольберт садится?

А когда ж хочется письменно и устно
Излить обуревающие тебя чувства?
Еще раз повторяю: когда грустно.
Именно грустью живо искусство.

Господа репортеры! Легко и просто!
Обеспечьте на завтра строк по двести,
Спешите на Невский — дом девяносто.
Сто целковых заработаете все вместе.

Прыти вашей превысьте меру,
Очень интересно, кто из вас лише:
Орфей хочет возобновить карьеру
И с арфой своей на балкон вышел.

Ведь на улице нельзя завязать шарфа:
Глядишь, толпа собратся успела.
Что ж случилось, когда чудесная арфа
Звучной пеной над проспектом вскипела?

Фонтанами голубыми взмыли аккорды,
Солнечная песня на Невском нависла.
И вот автомобильные тупые морды
Вдруг насторожились, полные смысла.

Миг — и панель запрудили люди,
Черной, мягкой и беззвучной ватой.
Еле-еле продвигался в запруде
С полным трамваем вагоновожатый.

Стоп вагон! Третий! Четвертый!
Лошади и моторы — все в кучу.
Кто-то кого-то послал к черту
И полез на фонарь, чтобы слышать лучше...

На резиновой шине жук каждый,
Дома и мостовые стали из пробок.
Кинулись на улицу с неутоленной жаждой
Песня и тишина бок о бок.

И даже тот, кто всегда неистов,
Был у Орфея победным трофеем.
Разгонявший с городскими публику пристав
Головой поник, очарован Орфеем.

А городу снились допетровские ели,
Топкие болота с озорным лешим...

.....
Пусть это было на самом деле —
Хочешь, читатель, друг друга потешим?

(1916)

170. <ИЗ ЦИКЛА «ПРОКЛЯТЫЙ ГОРОД»>

1

Петрограда вы не видите. Там, где
он должен быть, большое, темно-серое,
почти черное, пятно. До того загряз-
нен воздух.

(Показания летчиков)

...И стоят на болоте
Прокаженные зданья.
В зданьях, в вечной заботе,
Гибнут божьи созданья.

Каждый год на кладбища
Их отвозят без счета,
Бесконечные тыщи
Жертв гнилого болота.

Но на месте зарытых
Бьются снова и снова
На проплеванных плитах
Волны моря людского.

Вот, чахоточный помер —
Весть несется по дому,
И... сегодня же «номер»
Отдается другому.

А матрац зараженный
Отсылают... кухаркам,
Донельзя пораженным
Этим щедрым подарком.

Небо — вечно в тумане,
Почва — вечно в мокроте:
Как в поганой лохани,
На поганом болоте!

Мудрено ль, что над нами,
Над гнильем Петрограда,
В ясном небе повисла
Туча черного смрада?

В Питере два миллиона
 Дряблых, хрипящих грудей
 Вяло, уныло и сонно
 Жизнь проводящих людей.

Черным вампиром болото
 Алую кровь их сосет,
 Тяжким кошмаром забота
 Давит и встать не дает.

Небо там — сумрачно-серо;
 Дрянное небо! Под ним
 Стынет горячая вера
 И исчезает, как дым.

Вяло, уныло и сонно
 Люди влачат свои дни,
 Смех их звучит похоронно,
 Солнца — не видят они.

В мертвых громадах кирпичных,
 Мокрых от вечных дождей,
 Много их — серых, безличных,
 Смертью дышащих людей.

Черным вампиром болото
 Алую кровь их сосет,
 Тяжким кошмаром забота —
 Давит и встать не дает.

3

Около 1/3 всего количества петроградских школьников никогда не слышало пения птиц.

(Статистика)

Дети каменной неволи
 Многоярусных гробниц!
 Не бывать в зеленом поле,
 Не слышать весенних птиц!

Вместо шума вешних веток,
Вместо песен соловка —
Наглый треск мотоциклеток,
Дробь трамвайного звонка!

Где вы, волны аромата
Расцветающих полей?
Где, в лазури небоската,
Вереницы журавлей?

Небо сдавлено домами,
Блеск лазури хмур и груб, —
Распростерт меж ним и нами
Черный дым фабричных труб!

⟨1914⟩

Тэффи

171. БЕДНЫЙ АЗРА

Каждый день чрез мост Аничков,
Поперек реки Фонтанки,
Шагом медленным проходит
Дева, служащая в банке.

Каждый день на том же месте,
На углу, у лавки книжной,
Чей-то взор она встречает —
Взор горящий и недвижимый.

Деве томно, деве странно,
Деве сладостно сугубо:
Снится ей его фигура
И гороховая шуба.

А весной, когда пробилась
В скверах зелень первой травки,
Дева вдруг остановилась
На углу, у книжной лавки.

«Кто ты? — молвила, — откройся!
Хочешь — я запламенею

И мы вместе по закону
Предадимся Гимею?»

Отвечал он: «Недосуг мне.
Я агент. Служу в охранке
И поставлен от начальства,
Чтоб дежурить на Фонтанке».

⟨1911⟩

Сергей Городецкий

172. ПЕТЕРБУРГСКИЕ ЯМБЫ

1. РАССВЕТ

Разводят мост со скрипом мерным.
Ночной народ у берегов
Стоит с вниманьем лицемерным
И без конца глядеть готов.

За баржей баржа вслед буксиру
Проходят длинной чередой.
Похож огромный руль на лиру,
Замолкнувшую над водой.

Вдали трехмачтовое судно
Из моря в Ладогу идет
И огонек звездой скудной
В наивной высоте несет.

Свершились гневные мечтапья.
Два века мигом протекли.
И всадник с буйственной дланью
Застыл, считая корабли.

Но он невидим людям темным,
Поникшим сонно на гранит. •
Путем бессмысленно-истомным
Их на буксире жизнь влачит.

Вот им даны: восторг рассвета,
Нева и город-великан.

Но вся душа их мглой одета,
И скукою надломлен стан.

Упорно курят папиросы
И смотрят, не спуская глаз,
Как загулявшие матросы
Ругаются на поздний час.

Как лошади в оглоблях гнутся,
В пролетках дремлют седоки,
И два кота шутя дерутся,
Сжимая страшно кулаки.

Кто эти люди? Эти куклы
В пальто, в калошах, в котелках?
Один чиновник. Сыщик жухлый.
А остальные?

На волнах
Рябится нежное сиянье,
Яснеет берег. За рекой
Грознее мчится изваянье
С воздетой яростно рукой.

О, если б, если б опустилась
Она на эти котелки!
Ужель такая правда снилась
Пустыням избранной реки?

Иль это мечь болот забитых,
Природы скудной жалкий смех?
Иль всех мучительств, в топи скрытых,
Зияющий потомкам грех?

1910

173. ПЕТРОГРАДСКИЕ ВИДЕНЬЯ

Бесславно час заката минул.
Последний луч вверху, среди птиц,
Корабликом своим откинул
Адмиралтейства славный шпиц.

И белый вечер к белой ночи
Неву и Петроград повлек,

Дворцы, расширившие очи,
И Стрелки полуостровок.

Вот отзвенел трамвай. Умчались
Автомобили, лихачи,
И в город стаями ворвались
Нездешней белизны лучи.

И вдруг серебротканной мглою
Дохнуло небо. Ночь пришла,
И ожило вокруг бывшее,
И призраками стала мгла.

И, тотчас ночи ткань распутав,
Вновь прям и светел Невский был...
С Морской, всю шею в шарф укутав,
Пугливо Гоголь выходил.

Остановился. Оглянулся.
Вдохнул прохладную струю
И тяжким взором вверх метнулся,
Как бы предчувствуя зарю.

И так стоял, все выше, выше
Заглядываясь в небеса,
Как будто в тайном утре слышал
Пророческие голоса.

Казалось вновь: России счастье —
Не призрак, не мечта, не сон.
И о второй, заветной части
Своей поэмы думал он.

Глаза, запавшие в глазницы,
Блаженны стали и легки,
И на лучистые ресницы
Просились слезы. А с реки .

Изящно вея альмавивой,
От вдохновенья и вина
Беспечный, мудрый и счастливый
Стремился Пушкин. Не страшна

России мертвая пустыня:
Ее сквозь темные века, —
Он знал, — в сиянье гневно ринет
Царица струн, его рука.

Внезапной встречи миг был светел,
Но «ты» он Гоголю сказал,
И тот на «вы» ему ответил...
А город новое являл:

Три императора промчались
На разных, как они, копиях
И в пьедесталы вновь вковались
На трех далеких площадях.

Один в плаще был и венчанный,
И к морю гневно он скакал:
Предел державы богоданной
Ему опять казался мал.

Другой — красавец в каске медной —
К Александрийскому столпу
Повлек в тоске неисповедной
Коня летящую стопу.

А третий, сказочного зверя
Уздой до хрипа затянул
И у Азийских смолк преддверий,
Заслышав битв несчастных гул.

Они, встречаясь над Невой.
Честь отдавали на лету...
Дрожало небо, как живое,
В янтарно-пурпурном цвету.

<1912>

Михаил Кузмин

174. ЗИМНЕЕ СОЛНЦЕ

< >

8

Ветер с моря тучи гонит,
В засиявшей синеве
Облак рвется, облак топчет,
Отражаясь в Неве.

Словно вздыбив белых коней,
Заскакали трубачи.
Взмылясь бешеной погоней,
Треплют гривы космачи.

Пусть несутся в буйных клочьях
По эмали голубой,
О весенних полномочьях
Звонкою трубя трубой.

1911

Владимир Княжнин

175. СТИХИ О ПЕТРОГРАДЕ

I

УТРЕННИК

Владимиру Пясту

Чем ближе к марту, тем светлей,
Тем задушевней дни, яснее;
Хоть стужа напоследок злей
И утренники холоднее.

Проснешься на постели — рань.
Луна в окне и над столицей.
Хозяйки за стеною брань,
Как скрип досужей половицы.

Хоть сны толкуют про свое —
Пора покинуть антресоли.
Химеры отлетят, и все
Предстанет вдруг в обычной роли.

В углу угодник с давних пор
Седыми шевелит кудрями;
Там — снежный, удивленный двор
С протоптанными в ночь следами...

За чаем старый, серый кот
На стул усядется, смиренно
Мурлыча песенку... Взбредет,
Ласкаясь, на мое колено.

— Скорее, батюшка! Заспал! —
И в самый раз! Померк свет лунный.
Уж за воротами канал
Блеснул решеткою чугуновой.

Свежее утренника нет!
Морозный воздух к сердцу хлынул...
А от саней и от карет
Пустынный снова след застынул.

На золотые купола
(Никольский рынок, сам Никола!),
Чтоб не держать на сердце зла,
Крещусь, чтоб вышел день веселый.

Бегу чрез Поцелуев мост,
Спешат знакомые шинели.
Март голубой. Не все мороз,
Не все декабрьские метели!

Синеют тени, снег и дым.
Каков бульвар Конногвардейский!
Таким понятным, столь простым
Предстал круговорот житейский.

Пусть сердце радуется дням,
Как луч играет на паркете.
В Сенате гаму, воробьям,
Мечтам о море и о лете!

1910

III

В ЛЕТНЕМ САДУ

День золотой, благоуханный
В начале мая, Летний сад,
Голубоватый и туманный,
За сенью Фельтенских оград.

Прозрачна длинная аллея,
Душиста неба синева,
Отрадной свежестию вея,
Течет сапфирная Нева.

И вы здесь некогда, Аглая,
Сама — как нежный лепесток,
Гуляли здесь в начале мая.
Порхал весенний мотылек,

Вилась поэта альмавива,
«Любовь, — он пел вам, — не умрет!»
Все та же, та же перспектива
И синева весенних вод.

Но дышится легко весною,
Но в прошлом ничего не жаль,
Душа жива одной мечтою!
Не Вандемьер, а Флореаль!

1914

ФОНТАНКА

IV

Влекут гранитные изгибы
И живорыбные садки,
Под вечер с барок диатрибы,
Олонецкие мужики,

И милостивая эстляндка,
Калинкин мост, простой народ,
И эллинги (бьет третья склянка),
Дымком пахнувший пароход;

И мирно спящая Коломна,
В полухолодный, светлый май,
И переулочек полутемный,
Последний мчащийся трамвай,
И одинокий друг-прохожий,
Чиновник — старый холостяк
В мечтах (на набережной тоже)
О жизни,житой кой-как;

Старинный дом, где жил Державин,
И синий Троицкий собор,
Огонь, яснеющий сквозь ставен,
Сквозь сень зеленоватых штор;
Заснувший рынок и больница,
И в переулке — Бурков дом,
И — жизни прошлая страница —
Дом сорок третий (детство в нем):

Аничков мост, где кони Клоута,
Реки веселый поворот,
Вон дева, ждущая кого-то,
И дворник, спящий у ворот.
Стук дрожек... окрик... цирк пугатый,

И замок Павловских времен;
Покой реки зеленоватый,
Вновь сумрак, тишь садов и сон...

Грустя, бреду, один, влюбленный,
Как, ночь-врага легко тесня,
Домов старинные колонны
Внезапно вспыхнут от огня.
Цвет золотистый, цвет шафранный,
Мечту ты гонишь от меня!
И милый сон реки Фонтанной,
Прости! потонет в громе дня.

1914

176. В ПЕТЕРБУРГЕ

Люблю возвращаться весною
Под стук запоздалых карет,
Когда полосой огневою
Прорежется тонкий рассвет.

Не светит луна над домами,
А — час лишь — горела светло!
И гаснут огни за огнями,
И окон бледнеет стекло.

Уж с улиц, прямых и пустынных,
Ночная исчезнула мгла.
Над сонмом кварталов старинных
Блеснула золотая игла.

Уж алые неба опалы
Коснулись призрачных вод,
И — в темных решетках — каналы
Спешат отразить небосвод.

Уж площади плещут от гула
Под ветра капризной игрой.
И утро воздушно сверкнуло
Над синей, в гранитах, Невой.

Ночь в море, далеская, тонет,
Движенье сильней, все шумней —
То Гелиос по небу гонит
Квадригу крылатых коней.

(1911)

Игорь Северянин

177. НА ОСТРОВАХ

В ландо моторном, в ландо шикарном
Я проезжаю по Островам,
Пьянея встречным лицом вульгарным
Среди дам просто и — «этих» дам.

Ах, в каждой «фее» искал я фею
Когда-то раньше. Теперь не то.
Но отчего же я огневею,
Когда мелькает вблизи манто?

Как безответно! Как безвопросно!
Как гривуазно! Но всюду — боль!
В аллеях сорно, в куртинах росно,
И в каждом франте жив Рокамболь.

И что тут прелесть? И что тут мерзость?
Бесстыж и скорбен ночной пуант.
Кому бы бросить наглее дерзость?
Кому бы нежно поправить бант?

Май 1911

Дмитрий Цензор

178. ПЕТЕРБУРГСКИЕ СУМЕРКИ

Сегодня звуки и движенья
Заворожил упавший снег,
И нежностью изнеможенья
Овеян уличный разбег.

Беззвучно движутся трамваи,
Шипя на мёрзлых проводах.
Скользят полозья, развевая
На поворотах снежный прах.

Деревья, выступы, решетки
Светло одеты в белый пух.
Весь город стал такой нечеткий,
Притих, задумался, потух.

И ждет, когда над ним сомкнется
Вечерний сумрак неспеша.
И с этим сумраком сольется
Его холодная душа.

На площадях, во мгле простертых,
Пока не вспыхнул рой огней,
Встают забытые когорты
Неуспокоенных теней.

1911

На людном углу — маленький газетчик.
 Ему не больше двенадцати лет.
 Но уже согнуты детские плечи
 От тяжести журналов и газет.

Под медной бляхой смеются глазенки.
 Я покупаю вечернюю газету.
 Он знает меня и кричит вдогонку:
 «А вашего ничего здесь нету!..»

Хочет мальчик побеседовать чинно
 О тайнах искусства, ему непонятных.
 А я тороплюсь, хандря беспричинно.
 А улица меркнет — вся в алых пятнах.

Маленький газетчик мне, право, дорог...
 Откопает журнальчик, посмотрит умно.
 «А сколько получите? Неужели сорок?»
 И мне становится грустно и смешно...

И люблю я издали — когда столица
 Утомит угаром всякой чепухи —
 Смотреть, как с бумажкой он к углу
прислонится
 И красной ручонкой пишет стихи.

1914

Владимир Юнгер

180. <ИЗ ЦИКЛА «НЕЖНАЯ ВЕСНА»>

1

Я каждый день через Неву хожу
 И на стареющие льды гляжу:
 У переходов цепи и рогатки,
 И лед шершав, а был недавно гладкий...

Где санные рыжели колеи,
Сверкали льда наколотые глыбы,
Там ныне томно млеют полыньи,
И кажут рты серебряные рыбы.

2

По набережной гулко-пестрой
Гуляет ветер весенне-острый,
Обтаял и обсох гранит
И на ветру слегка пылит.

И вижу — женщина в заплатах,
В дырявом ватном армяке,
Склонилась с плит шероховатых
К лениво тающей реке...

Дивится солнечному чуду:
В разбухшем льду шуршит весна,
Раскрылись полыньи повсюду,
И глубь реки озарена.

1911—1913

Алексей Скалдин

181. ПЕТЕРБУРГ

I

Вечерний час. Мигая, фонари
Возносят лики длинной чередой:
Над городом, под ясною звездой,
Фонарный свет, как отблески зари.

Что ж, город мой, до времени цари:
Ничтожен ты в туманах, над водою,
И твой предсмертному подобен вою
Предсонный гул... О, Муза, посмотри!

Ты — мудрая. Когда умолкнут шумы,
Поведаешь о том, что было днем,
Мы в полночь вместе к солнцу воззовем,

Теперь же отдадим иному думы
И песен дар: зане совлек Господь
Покров дневной, — раскрыта наша плоть.

II

Гляди. Решай, на что направим взоры:
Там, на скале, стал призрачен титан,
Покинули блудницы смрадный стан,
И за добычею выходят воры.

Дома стоят, как каменные горы,
Над маревом болотистых полян,
Осклизлые, но то не кровь из ран,
А гной, смертельный гной точат их поры.

Здесь тайна нам дана. Светильный газ,
Подобно этим трупам синегубым,
Зловонный, мерзостный течет по трубам,

Чтоб вспыхнуть радостно в последний час.
Покойникам воскресные одежды
Готовит смерть. Раскрой же шире вежды.

1912

Велимир Хлебников

182. ЖУРАВЛЬ

В. Каменскому

На площади в влагу входящего угла,
Где златом сияющая игла
Покрыла кладбище царей,
Там мальчик в ужасе шептал: «Ей-ей!
Смотри, закачались в хмеле трубы-те!»
Бледнели в ужасе заики губы
И взор прикован к высоте.
Что? Мальчик бредит наяву?
Я мальчика зову.
Но он молчит и вдруг бежит — какие страшные
скачки!
Я медленно достаю очки.
И точно: трубы подымали свои шеи,

Как на стене тень пальцев ворожей.
Так делаются подвижными дотоле неподвижные на
болоте выши,

Когда опасность миновала.
Среди камышей и озерной кипи
Птица-растение главою закивала.
Но что же? скачет вдоль реки в каком-то вихре
Железный, кисти руки подобный, крюк.
Стоя над волнами, когда они стихли,
Он походил на подарок на память костяку рук!
Часть к части, он стремится к вещам с неведомой еще
силой —

Так узник на свидание стремится навстречу милой!
Железные и хитроумные чертоги в каком-то яростном
пожаре,

Как пламень, возникающий из жара,
На место становясь, давали чуду ноги.
Трубы, стоявшие века,
Летят,
Движениям подражая червяка,
Игривей в шалости котят.
Тогда части поездов, с надписью «для некурящих»
и «для служилых»,

Остов одели в сплетенные друг с другом жилы.
Железные пути срываются с дорог
Движением созревших осенью стручков.
И вот и вот плывет по волнам как порог,
Как Неясыть иль грозный Детинец, от берегов
отпавшийся Тучков!

О, Род Людской! Ты был как мякоть,
В которой созрели иные семена!
Чертя подошвой грозной слякоть,
Плывут восстанием на те иные племена!
Из желез
И меди над городом восстал, грозя, костяк,
Перед которым человечество и все иное лишь пустяк,
Не более одной желез.
Прямо летящие, в изгибе ль
Трубы возвещают человечеству погибель.
Трубы незримых духов се! поют:
«Змее с смертельным поцелуем
Была людская грудь уют.
Злей не был и Кощей,
Чем будет, может быть, восстание вещей.

Зачем же вещи мы балуем?»
Вспенив поверхность вод,
Плывет наперекор волне железно-стройный плот.
< >

1909

Демьян Бедный

183. ДОМ

В шестизэтажном доме г. Торкачева, выходящем на Лиговскую, Разъезжую и Главзовую ул. и Скорняков пер., произошла катастрофа: обвалились своды, потолки и балки всех шести этажей. Утверждают, что обвал произошел вследствие того, что из экономии большая часть дома построена из старого кирпича.

«Новое время», № 13056, 1912г.

Знавал я дом:
От старости стоял, казалось, он с трудом
И ждал разрухи верной.
Хозяин в оны дни весьма любил пожить,
И расточительность его была безмерной,
А тут — пришлось тужить:
Дом — ни продать, ни заложить,
Жильцы — вразброд бежали,
А кредиторы — жали,
Грозили под конец судом.
Хозяин их молил: «Заминка, братцы, в малом.
В последний раз меня ссудите капиталом.
Когда я новый дом
Наместо старого построю,
Доходами с него я все долги покрою».
Вранье не всякому вредит:
Хозяин получил кредит.
А чтоб вранье хоть чем загладить,
Он к дому старому почал подпорки ладить,
Подлицевал его немного кирпичом,
Кой-где скрепил подгнившие устои,
Переменил обои
И — смотрит богачом!
Дом — только б не было насчет нутра огласки,—
По виду ж — ничего: жить можно без опаски.

Тем временем пошла охота на жильцов:
Хозяин нанял молодцов
Чтоб распускали слухи,
Что в «новом» доме все с заморских образцов
От притолок до изразцов;
Покои все светлы и сухи;
Жильцам — бесплатные услуги и дрова
И даже —
Живи в подвале, в бельэтаже —
Всем честь одна и та же
И равные права.

Порядков новых-де хозяин наш поборник:
Он для жильцов — всего послушный только дворник,
Хозяева ж — они. А что насчет цены,
Так дешевизне, впрямь, дивиться все должны.
Для люда бедного вернее нет привадки,
Как нагрузить ему посулами карман.
Хоть были голоса, вскрывавшие обман:
Снаружи, дескать, дом сырой, вчерашней кладки,
Внутри же — весь прогнил, —
На новые позарившись порядки,
Жилец валил!

Хозяин в бурное приходит восхищенье:
«Сарай-то мой, никак, жилое помещенье!»
Набит сарай битком

Не только барами, но и простым народом.
Трясет хозяин кошельком,
Сводя расход с приходом.

Как только ж удалось свести
Ему концы с концами,

К расправе приступил он с черными жильцами:
Пора-де голытьбе и время знать, и честь,
И, чтоб чинить свои прорехи и заплаты,
Ей след попроче бы искать себе палаты,
Не забираться во дворец.

Контрактов не было, так потому хитрец
Мог проявить хозяйский нор

И выгнать бедноту без дальних разговоров.
А чтобы во «дворец» не лез простой народ,
Он рослых гайдуков поставил у ворот

И наказал швейцарам —
Давать проход лишь благородным барам,
Чинам, помещикам, заводчику, купцу
И рыхлотелому духовному лицу.

Слыхали? Кончилась затея с домом скверно;
Дом рухнул. Только я проверить не успел,
Не дом ли то другой, а наш покуда цел.
Что ж из того, что цел? Обвалится, наверно.

1912

Михаил Зенкевич

184. ТАНЕЦ МАГНИТНОЙ ИГЛЫ

Le pôle attire à lui sa fidèle cite*
Гюгчев

Этот город бледный, венценосный
В скользких и гранитных зеркалах
Отразил владыку силы косной —
Полюс и его застывший прах.

И в холодном мраморе прозрачном
Обнаженных северных ночей,
И в закатах, с их отливом мрачным,
Явлен лик его венцом лучей.

То пред ним, как перед тягой лунной,
Вдруг от моря, вставшего стеной
Влагой побуревшей и чугунной
Бьет Нева смущенная отбой.

Повелев магниту — легким танцем
Всколыхнуть покой первичных сил,
Это он в ответ протуберанцам
Лед бесплодный кровью оросил.

И когда стояли декабристы
У сената — дико-весела,
Заплясала, точно бес огнистый,
Компаса безумного игла. •

Содрогнувшись от магнитной бури
Перед дальним маревом зарниц,

* Полюс притягивает к себе свой верный город (*франц.*)

Чрез столетье снова morituri
С криком: «Ave!» — повергались ниц.

Намагнитив страсти до каленья,
Утолив безумье докрасна,
Раскололись роковые звенья
Вечно тяготеющего сна.

И опять недвижно стрелка стала,
И, свернувшись, огненная мгла
У его стального пьедестала
Лавою застывшею легла.

Но неслышно ворожа тенями
В серой слизи каменных зеркал,
Веют электрическими снами
Марева, как перья опahal.

1909

185. ДЕНЬ В ПЕТЕРБУРГЕ

Чад в мозгу и в легких никотин.
И туман пополз... О, как тяжел ты
После льдистых, дождевых крестин,
День визгливый под пленкой желтой!

Узкий выход белому удушью —
Все сирены плачут, и гудки
С воем одевают взморье тушью,
И трясут дома ломовики.

И бесстыдной скрытые от взоров
Нечистоты дня в подземный мрак
Пожирает чавкающий боров
Сточных очистительных клоак.

И в тревоге вновь душа томится,
Что себя пред тьмой не обмануть:
Золота промытого крупица
Не искупит всю дневную муть.

(1912)

186. БЕЛАЯ НОЧЬ

Горят отдаленные шпили
Вечерних и светлых соборов,
И медля, и рея в сияньях,
Нисходит к зеркальным каналам
Незримая в воздухе ночь.

Печаль о земле озарили
Моря просветленных просторов,
И нам, в наших смутных блужданиях,
Так радостно — сердцем усталым,
Усталой мечтой изнемочь...

Безумная ночь опустилась
Над пепельно-нежной Невой,
И крылья торжественных ростров,
И легкие мачты — как тени,
Как сны, отраженные в снах.

И все, что прошло, только снилось,
Мы снова, как дети, с тобою,
Мы — светлый, затерянный остров
В спокойных морях сновидений,
Мы — остров на светлых волнах.

1908

187. ПЕТЕРБУРГ

Здесь утра трудны и туманны,
И всё во льду, и всё молчит.
Но свет торжественный и бранный
В тревожном воздухе сквозит,

Но сердце знает: в доле знойной.
В далеком, новом бытии
Мы будем помнить, город стройный,
Виденья вещи твои

И нам светивший в жизни бедной,
Как память ветхая слепцов,
В небесном дыме факел бледный
Над смутным берегом дворцов.

1912

188. ПЕТЕРБУРГСКИЕ СТРОФЫ

Над желтизной правительственных зданий
Кружилась долго мутная метель,
И правовед опять садится в сани,
Широким жестом запахнув шинель.

Зимуют пароходы. На припеке
Зажглось каюты толстое стекло.
Чудовищна, — как броненосец в доке.
Россия отдыхает тяжело.

А над Невой — посольства полумира,
Адмиралтейство, солнце, тишина!
И государства жесткая порфира
Как власяница грубая, бедна.

Тяжка обуза северного сноба —
Онегина старинная тоска;
На площади сената — вал сугроба,
Дымок костра и холодок штыка...

Черпали воду ялики, и чайки
Морские посещали склад пеньки,
Где, продавая сбитень или сайки,
Лишь оперные бродят мужики.

Летит в туман моторов вереница.
Самолюбивый, скромный пешеход,
Чудак Евгений, бедности стыдится,
Бензин вдыхает и судьбу клянет!

1913

189. АДМИРАЛТЕЙСТВО

В столице северной томится пыльный тополь,
Запутался в листе прозрачный циферблат,
И в темной зелени фрегат или акрополь
Сияет издали, воде и небу брат.

Ладыя воздушная и мачта-недотрога,
Служа линейкою преемникам Петра,

Он учит: красота — не прихоть полубога,
А хищный глазомер простого столяра.

Нам четырех стихий приязненно господство,
Но создал пятаю свободный человек.
Не отрицает ли пространства превосходство
Сей целомудренно построенный ковчег?

Сердито лепятся капризные медузы,
Как плуги брошены, ржавеют якоря;
И вот разорваны трех измерений узы,
И открываются всемирные моря.

1913

190

На площадь выбежав, свободен
Стал колоннады полукруг,—
И распластался храм господень,
Как легкий крестовик-паук.

А зодчий не был итальянец,
Но русский в Риме,— ну так что ж!
Ты каждый раз, как иностранец,
Сквозь рощу портиков идешь.

И храма маленькое тело
Одушевленное стократ
Гиганта, что скалою целой
К земле беспомощно прижат!

1914

191. ДВОРЦОВАЯ ПЛОЩАДЬ

Императорский виссон
И моторов колесницы,—
В черном омуте столицы
Столпик-ангел вознесен.

В темной арке, как пловцы,
Исчезают пешеходы,
И на площади, как воды,
Глухо плещутся торцы.

Только там, где твердь светла,
Черно-желтый лóскут злится
Словно в воздухе струится
Желчь двуглавого орла.

1915

192

В Петрополе прозрачном мы умрем,
Где властвует над нами Прозерпина.
Мы в каждом вздохе смертный воздух пьем,
И каждый час нам смертная година.

Богиня моря, грозная Афина,
Сними могучий каменный шелом.
В Петрополе прозрачном мы умрем,—
Здесь царствуешь не ты, а Прозерпина.

1916

193

Мне холодно. Прозрачная весна
В зеленый пух Петрополь одевает,
Но, как медуза, цевская волна
Мне отвращенье легкое внушает.
По набережной северной реки
Автомобилей мчатся светляки,
Летят стрекозы и жуки стальные
Мерцают звезд булавки золотые
Но никакие звезды не убьют
Морской воды тяжелый изумруд.

1916

Николай Гумилев

194. МУЖИК

В чашах, в болотах огромных,
У оловянной реки,
В срубах мохнатых и темных
Странные есть мужики.

Выйдет такой в бездорожье,
Где разбежался ковыль,
Слушает крики Стрибожьи,
Чуя старинную быль.

С остановившимся взглядом
Здесь проходил печенег...
Сыростью пахнет и гадом
Возле мелеющих рек.

Вот уже он и с котомкой,
Путь оглашая лесной
Песней протяжной, негромкой,
Но озорной, озорной.

Путь этот — светы и мраки,
Посвист разбойный в полях,
Ссоры, кровавые драки
В страшных, как сны, кабаках.

В гордую нашу столицу
Входит он — Боже, спаси! —
Обворожает царицу
Необозримой Руси

Взглядом, улыбкою детской,
Речью такой озорной, —
И на груди молодецкой
Крест просиял золотой.

Как не погнулись — о, горе! —
Как не покинули мест
Кресть на Казанском соборе
И на Исакии крест?

Над потрясенной столицей
Выстрелы, крики, набат;
Город ощерился львицей,
Обороняющей львят.

— Что ж, православные, жгите
Труп мой на темном мосту,
Пепел по ветру пустите...
Кто защитит сироту?

В диком краю и убогом
Много таких мужиков,
Слышен по вашим дорогам
Радостный гул их шагов.

1916

195. ЛЕДОХОД

Уж одевались острова
Весенней зеленью прозрачной,
Но нет, изменчива Нева,
Ей так легко стать снова мрачной.

Взойди на мост, склони свой взгляд:
Там льдины прыгают по льдинам,
Зеленые, как медный яд,
С ужасным шелестом змеиным.

Географу, в час трудных снов,
Такие тяготят сознание —
Неведомых материков
Мучительные очертанья.

Так пахнут сыростью гриба,
И неуверенно, и слабо,
Те потайные погреба,
Где труп зарыт и бродят жабы.

Река больна, река в бреду.
Одни, уверены в победе,
В зоологическом саду
Двольны белые медведи.

И знают, что один обман —
Их тягостное заточенье:
Сам Ледовитый Океан
Идет на их освобожденье.

<1917>

196

Перед ночью северной, короткой,
И за нею зори — словно кровь,
Подошла неслышною походкой.
Посмотрела на меня любовь;

Отравила взглядом и дыханьем,
Слаще роз дыханьем, и ушла
В белый май с его очарованьем,
В лунные, слепые зеркала.

У кого я попрошу совета,
Как до легкой осени дожить,
Чтобы это огненное лето
Не могло меня испепелить.

Как теперь молиться буду Богу,
Плача, замирая и горя,
Если я забыл свою дорогу
К каменным стенам монастыря.

Если взоры девушки любимой
Слаще взоров жителей высот,
Краше горного Ерусалима
Летний Сад и зелень сонных вод...

(1917)

Анна Ахматова

197. СТИХИ О ПЕТЕРБУРГЕ

1

Вновь Исакий в облаченьи
Из литого серебра.
Стынет в грозном нетерпеньи
Конь Великого Петра.

Ветер душный и суровый
С черных труб сметает гарь...
Ах! своей столицей новой
Недоволен государь.

2

Сердце бьется ровно, мерно,
Что мне долгие года!
Ведь под аркой на Галерной
Наши тени навсегда.

Сквозь опущенные веки
Вижу, вижу, ты со мной,
И в руке твоей навеки
Нераскрытый веер мой.

Оттого, что стали рядом
Мы в блаженный миг чудес,
В миг, когда над Летним садом
Месяц розовый воскрес,—

Мне не надо ожиданий
У постылого окна
И томительных свиданий —
Вся любовь утолена.

Ты свободен, я свободна,
Завтра лучше, чем вчера,—
Над Невою темноводной,
Под улыбкою холодной
Императора Петра.

1913

198

Был блаженной моей колыбелью
Темный город у грозной реки
И торжественной брачной постелью,
Над которой держали венки
Молодые твои серафимы,—
Город, горькой любовью любимый.

Солеёю молений моих
Был ты, строгий, спокойный, туманный.
Там впервые предстал мне жених,
Указавши мой путь осиянный,
И печальная Муза моя,
Как слепую, водила меня.

1914

199

Ведь где-то есть простая жизнь и свет,
Прозрачный, теплый и веселый...

Там с девушкой через забор сосед
Под вечер говорит, и слышат только пчелы
Нежнейшую из всех бесед.

А мы живем торжественно и трудно
И чтим обряды наших горьких встреч,
Когда с налету ветер безрассудный
Чуть начатую обрывает речь, —

Но ни на что не променяем пышный
Гранитный город славы и беды,
Широких рек сияющие льды,
Бессолнечные, мрачные сады
И голос Музы еле слышный.

23 июня 1915

200

Как люблю, как любила глядеть я
На закованные берега,
На балконы, куда столетья
Не ступала ничья нога.
И воистину ты, столица —
Для безумных и светлых нас;
Но когда над Невою длится
Тот особенный, чистый час
И проносится ветер майский
Мимо всех надводных колонн,
Ты — как грешник, видящий райский
Перед смертью сладчайший сон...

1916

Владимир Нарбут

201. АНИЧКОВ МОСТ

Четыре черных и громоздких,
Неукрощенных жеребца
Взлетели — каждый на подмостках —
Под стянутой уздой ловца.

Как грузен взмах копыт и пылок!
Как мускулы напряжены!

297

Какой ветвистой сеткой жилок
Подернут гладкий скат спины!

Что будет, если вдруг ослабнет,
Хрустя, чугунная рука
И жеребец гранит царапнет
И прынет вверх от смельчака?

Куда шарахнутся трамваи,
Когда, срывая провода,
Гремящая и вековая,
На Невский ринется руда?

Не тот ли снова властно сдержит
Несокрушимый этот вал,
Кто сам стремится, длань простерши,
Кто даже бурю усмирял?

И не пред ним ли, цепenea,
Опять взлетевши на дыбы,
Застынут, как пред оком змея,
Крутые конские горбы?

1913

Георгий Адамович

202. 1801

— Вы знаете, — это измена!
Они обманули народ.
Сказал бы, да́ слушают стены,
Того и гляди донесет:

Ах, нет! Эти шумные флаги,
Вы слышите, этот набат
Широкий... Гвардейцев к присяге
Уже повели, говорят.

Ведь это не тучи, а ключья
Над освобожденной Невой...
Царь Павел представился ночью,
Мне все рассказал часовой.

Был весел, изволил откусать,
С царицей шутил,— через час
Его незлобивую душу
Архангелы взяли от нас.

Вы знаете, эти улики
Пугают,— до самого дня
Рыдания слышались, крики
В окне, голоса, беготня...

Россия! Что будет с Россией!
Как страшно нам жить, как темно!
— Молчите. Мгновенья такие
И вспомнить другим не дано.

1916

Георгий Иванов

203

Поблекшим золотом, холодной синевой
Осенний вечер светит над Невой.
Кидают фонари на волны блеск неяркий.
И зыблются слегка у набережной барки.

Угрюмый лодочник, оставь свое весло!
Мне хочется, чтоб нас течение несло.
Отдаться сладостно вполне душою смутной
Заката блеклого гармонии минутной.

И волны плещутся о темные борта.
Слилась с действительностью легкая мечта,
Шум города затих. Тоски распались узы.
И чувствует душа прикосновенье Музы.

⟨1913⟩

204

Опять на площади Дворцовой
Блестит колонна серебром.
На гулкой мостовой торцовой
Морозный иней лег ковром.

299

Несутся сани за санями,
От лошадей клубится пар,
Под торопливыми шагами
Звонит намерзший тротуар.

Беспечный смех... Живые лица...
Костров веселые огни,—
Прекрасна Невская столица
В такие солнечные дни.

Идешь и полной грудью дышишь,
Спускаешься к Неве на лед
И ветра над собою слышишь
Широкий солнечный полет.

И сердце радостью трепещет,
И жизнь по-новому светла,
А в бледном небе ясно блещет
Адмиралтейская игла.

⟨1915⟩

205

Веселый ветер гонит лед,
А ночь весенняя — бледна,
Всю ночь стоять бы напролет
У озаренного окна.

Глядеть на волны и гранит
И слышать этот смутный гром
И видеть небо, что сквозит
То синевой, то серебром.

О, сердце, бейся волнам в лад,
Тревогой вешнею гори...
Луны серебряный закат
Сменяют отблески зари.

Летят и тают тени птиц
За крепость — в сумрак заревой.
И все светлее тонкий шпиц
Над дымно-розовой Невой.

⟨1915⟩

Столица спит. Трамваи не звенят
И пахнет воздух ночью и весною.
Адмиралтейства белый циферблат
На бледном небе кажется луною.

Лишь изредка по гулкой мостовой
Протопают веселые копыта,
И снова тишь, как будто над Невой
Прекрасная столица позабыта.

И навсегда сменилась тишиной
Жизнь буйная и шумная когда-то
Под тусклою недвижною луной
Мерцающего сонно циферблата.

Но отсветы стального багреца
Уже растут, пронзая дым зеленый
Над статуями Зимнего дворца
И стройной Александровской колонной.

Неясный шум, фабричные гудки
Спокойствие сменяют постепенно,
На серых волнах царственной реки
Все розовой серебряная пена

Смотри — бежит и исчезает мгла
Пред солнечною светлой колесницей,
И снова жизнь, шумна и весела,
Овладевает невскою столицей.

⟨1915⟩

207. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Поэма

И ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла...

Пушкин

Петербург — это самый
умышленный и отвлеченный
город на свете

Достоевский

I

Я на Неву пришел, когда уж теи стали
Сливать в неясное тот берег, тот, другой...
Слежу за блеском вод из вороненой стали
И слушаю их ритм, тяжелый и большой.

Есть что-то пьяное, распущенное что-то,
И безысходное, и скучное в волне...
Как будто для нее — вся жизнь одна работа
Но... странно! грубая, она живет во сне.
Когда плотна, дерзка, шатаясь без рассудка,
Ударит о гранит пологая волна,
Мне кажется, что так рабыня-проститутка,
Тяжелая, плечом толкается спяна.
Волна взойдет на спуск, всей массой взберется
И тотчас вниз спадет, как будто бы ей лень...
И так она шумит, бормочет, плещет, бьется,
Весь долгий день и ночь, и снова — ночь и день...

Как все знакомо мне! Огни далекой Лахты
И нити фонарей, застывших над Невой,
И эти белые, медлительные яхты,
Как чайки в сумерках скользящие домой...
А барки грузные во мрак, как бегемоты,
Ползут лентясь-лентясь, и часто слышны мне
То крики звонкие, то дробный стук работы,
Звучащий вечером не так же, как при дне.
А после пробежит, пыхтя, смешной, сердитый,
Какой-то катерок, сверкая огоньком...

Все это было мной когда-то пережито,
Как мир живой... Давно... Теперь же стало сном.

Но вот темно совсем. Бесформенная барка,
Качаясь тяжело, спит, цепями в такт скрипя,
А в небо врежется какая-нибудь арка
Из слившихся домов зловеще выходя...

А там, над ней, звезда...

Исчезла постепенно

Та капля синяя, тот светлый круглый дом,
Где все понятно нам, обычно, неизменно,
Скорлупка добрая, в которой мы живем...

< >

III

На шпиг Исакия иду я деревянной
И ветхой лестницей, ползущей по стенам,
Меж балок и стропил. Здесь храм ужасно

странный —

И пыльный, и пустой, скелетно-голый храм.
Здесь вспоминается невольно Квазимодо,
Любивший эту тьму, запутанность и тишь...
Последняя ступень, обрывок небосвода,
Вот шаг еще один, — и море, море крыш!

Вглядимся. Шума нет. Он не дошел до слуха.
Вся гряда города видна нам с высоты.
А эта точка там, ничтожная, как муха,
Ползущая внизу — твой ближний, ты, сам ты.
Большие улицы лежат внизу, как щели;
Коробки с окнами — вокруг, назад, вперед;
Колодцы дворики, квадраты, параллели...
Да, мухи строили не хуже пчел свой сот!

Разумно в центр бегут прямые магистрали,
Лежат зеленые, большие острова,
За ними — море, ширь, синеют дали, дали,
И город пополам змеею рвет Нева.
Мне нравится найти знакомое строенье,
Иль изучить квартал, понять его всего...
Страх, любопытство, смех и страшное презренье
Охватывают нас, когда мы высоко.

Здесь центр. Обмен вещей и соты самых знатных.
Там рынки жирные и грязных улиц сеть.
Там лес фабричных труб, дымящих, черных,
статных,
Глоતાющих дрова, железо, уголь, медь...

У города есть рот. У города есть ноги.
Как войско с копьями, видны суда в порту,
От города бегут железные дороги,
Полоски белые уходят в широту.
И всюду, всюду труд... Что надо моралистам,
Кричащим о труде? Да разве мало им?
Да разве кто-нибудь живет еще под чистым,
Безбрежным небом дум, под небом голубым?
О, братья-муравьи, зачем нам лгать напрасно?
Не муравьиное — момент иль маскарад...
Как море хорошо. Да, море так прекрасно!
Как хочется туда, далеко, за Кронштадт...
< >

V

Когда чертеж окна квадратом странно белым
На небе вечера недвижимо стоит
И спать не в силах я, по камням опустелым
Иду на площадь я, на ширь звенящих плит.
Иду по улицам, и ветер лоб целует
Как губы бледных фей, несущих холод тьмы,
На небе силуэт уродливый рисуют
Громады спящие, в которых сперты мы...
Есть что-то страшное в безумии их транс...
И окна кое-где светло освещены,
Как будто между карт какого-то пасьянса,
Ряд карт уже открыт, а прочие темны...
На площади есть храм, огромный и суровый;
Размеры площади прекрасно велики.
Санкт-Петербург, ты дал, абстрактный и свинцовый,
Геометрически-красивые круги!
Там ряд домов далек; там правильно построен
И царственно широк размеренный простор;
Там ровно дышит мрак; там каждый звук утроен,
И медлен станет шаг и долог станет взор.
А храм! А этот храм... Он мощный; он красивый.

Он прост по замыслу; велик его объем.
Рабы поставили в работе кропотливой
Его, как Кесаря, чтоб быть ничтожней в нем.
И он таит в себе великую прохладу
И сны, страдания и чаянья веков...
Темноты паперти ушли под колоннаду,
Под исполинский строй торжественных столбов,
Где гулы тишины и тени притаились...
Прижав к колонне лоб, мы впитываем тьму
И кажется, что мы бессильно прислонились
К груди красавицы: холодной ко всему.
Чеканит время тень немого размышленья.
На строгих ступенях, на паперти пустой,
И понимаю я, что это не прощенья,
А Бог могущества, Бог власти надо мной.

VI

Ночная улица прекрасна и ужасна.
Змеей ползет толпы многоголовый гад,
И неестественно, победно-нагло, ясно
Шары огромные бестрепетно горят.
Толпа, как целое, свои слова сливает
В пчелино-общий гул, идущий до небес
На перекрестках вдруг шумливо разбухает
Тасуется с другим течением в разрез;
Летят стальных жуков рокочущие стаи,
С глазами круглыми, пронзающими ночь
Как ящики с людьми, звенящие трамваи
Глодают, носятся, выкидывают прочь...
И оттого, что свет из мрака вырывает
То неприятный взгляд, то скалящийся рот
И каждое лицо мгновенно исчезает,
И это все шумит и все ползет, ползет,
Мне кажется, что я на странном маскараде
Миллиардов мертвецов при сказочных огнях
И, сразу потонув в неисчислимом стаде,
Я чувствую лишь страх, бездонный, дикий страх!

А окна лавок их! Огромнейшие рамы
Бесстыдны, холодны и залиты огнем...
Хрусталь сверкающий, блестящие рекламы
И кукла с вежливым, безжизненным лицом...
И, сжав в отчаяньи и ненависти губы

Я, ледяной, иду, расправив плечи, грудь!..
Я сам уж часть толпы, я сам оскалил зубы
И, хищный, я шепчу: пусть тронет кто-нибудь.

(1916)

Михаил Струве

208

Как все дома, вблизи реки широкой
Такой же дом.
Но каждый день закон судьбы жестокой
Свершают в нем.

Из городов, где замыслы большие,
Из деревень,
Убийцы и грабители ночные
Здесь каждый день.

Свершился суд, и вот столицей хмурой
Их повели.
Склоненные, походкою понурой
Идут в пыли.

В пыли дорог, от века и до ныне,
Идут, звеня.

1915

Елизавета Кузьмина-Караваева

209

Смотрю на высокие стекла,
А постучаться нельзя;
Как ты замерла и поблекла,
Земля и земная стезя.

Над западом черные краны
И дока чуть видная пасть;
Покрыла незримые страны
Крестом вознесенная снасть.

306

На улицах бегают дети,
И город сегодня шумлив,
И близок в алеющем свете
Балтийского моря залив.

Не жду ничего я сегодня:
Я только проверить иду,
Как вестница слова Господня
Свершаемых дней череду.

Я знаю — живущий к закату
Не слышит священную весть,
И рано мне тихому брату
Призывное слово прочесть.

Смотрю на горящее небо,
Разлившее свет между рам;
Какая священная треба
Так скоро исполнится там.

1916

Бенедикт Лившиц

210. ФОНТАНКА

Асфальтовая дрожь и пена
Под мостом — двести лет назад
Ты, по змеиному надменна,
Вползла в поворожденный град.

И днесь не могут коноводы
Сдержатъ ужаленных коней:
Твои мучительные воды
Звериных мускулов сильней.

Что — венецианское потомство
И трубачей фронтовых ложь,
Когда, как хрия вероломства,
Ты от дворцов переползешь

Под плоскогорьем Клодта Невский
И сквозь рябые черныши
Дотянешься, как Достоевский,
До дна простуженной души?..

1914

211. КАЗАНСКИЙ СОБОР

И полукруг, и крест латинский,
И своенравца римский сон
Ты перерос по-исполински —
Удвоенной дугой колонн.

И вздыбленной клавиатуре
Удары звезд и лет копыт
Равны, когда вдыхатель бури
Жемчужным воздухом не сыт.

В потоке легком небоската
Ты луч отвергнешь ли один,
Коль зодчий тратил, точно золото,
Гиперборейский травертин?

Не тленным камнем — светопада
Опоясался ты кольцом,
И куполу дана отрада
Стоять колумбовым яйцом.

1914

212. ЛЕТНИЙ САД

Еще двусмысленная суша
Ты памятуешь пены спад
И глас Петра: «Сия Венуша
Да наречется Летний сад».

Полдневных пленниц мусикия
Тебе воистину чужда: •
Недаром песни не такие
Вокруг тебя поет вода,

И в каждом ветре, с водной воли
Врывающимся в гущу лип,

Ты жадно ловишь привкус соли,
И отсырелой мачты скрип!

Средь полнощеких и кургузых
Эротов и спокойных муз —
В нерасторжимых ропщет узах
Душа, не волящая уз,

Как будто днесь не стала ясной
И меньших помыслов тщета,
И вызов кинут не напрасно
Устами каждого щита!

1915

213. АДМИРАЛТЕЙСТВО

Речным потворствуя просторам,
Окликнут с двух концов Невой,
Не мог не быть и стал жонглером
И фокусником зодчий твой.

Угасшей истины обида
В рустах глубоко залегла:
Уже наперекор Эвклида
Твои расправлены крыла,

И два равнопрекрасных шара
Слепой оспаривают куб,
Да гении по-птичьей яро
Блюдут наличника уступ.

И разве посягнет лунатик
Иль пятый в облаке солдат
На воинохранимый аттик,
Навеки внедренный в закат,

Когда вдали, где зреет пена,
Где снов Петровых колыбель, —
Единственна и неизменна
Иглы арктическая цель?

1915

214. БИРЖА

Здесь логосом и паевою пылью
Вершится торг, и, весом заклеямен,
Трезубый жезл невыносимой былью
Терзается средь чисел и имен.

Как плоть в аиде, робок скиптр нептонов
И легче тени тяжкий призрак стен,
Где некий ветер, едва заметно дунув,
Подъемлет волны судорожных цен.

Ужель не жалко, что в табачной сини
Не светятся червонцы никогда?
Не дремлют — равнодушные рабыни —
У круглых спусков грузные суда?

Иль вымысел — диковинный и острый
Заморский запах, зов иной судьбы?
Жаровни на треножниках, и ростры,
Рассекшие пурпурные столбы?

И целый век жемчужные шеренги,
Как мертвецов, обходит аквилон,
Чтоб утешался мстительный Гваренги
Слоновьем горем пестумских колонн?..

1915

София Парнок

215. БЕЛОЙ НОЧЬЮ

Не небо — купол безвоздушный
Над голой белизной домов,
Как будто кто-то равнодушный
С вещей и лиц совлек покров.

И тьма — как будто тень от света,
И свет — как будто отблеск тьмы.
Да был ли день? И ночь ли это?
Не сон ли чей-то смутный мы?

Гляжу на все прозревшим взором,
И как покой мой странно тих,
Гляжу на рот твой, на котором
Печать лобзаний не моих.

Пусть лживо — нежен, лживо — ровен
Твой взгляд из-под усталых век,—
Ах, разве может быть виновен
Под этим небом человек!

⟨1915⟩

Мария Моравская

216. ГРУЗЧИКИ

Утра зябнут под ветром, а вечер — сырой.
Лишь день утомительно жаркий.
Пахнет даже гранит березовой корой,
Там, где грузят глубокие барки.

Быстро, тачка за тачкой, провозят дрова
По скрипучим и шатким сходимям...
Те же окрики слышались, те же слова,—
Прошлым летом, вчера и сегодня.

Мне их странно жалеть, этих крепких рабочих,—
Богатырь предо мной каждый грузчик.
Но их труд торопливый в белые ночи
Вызывает так много грусти...

О, я знаю для многих родные деревья
Стали только саженьями дров.
Но иной, уходя в городское кочевье,
Горсть земли в котомке унес...

И мне кажется здесь,— я с ними тоскую,
С ними в город пришла с котомкой,
И когда я травинку меж плит поцелую,—
Не все расхохочутся громко.

⟨1913⟩

Самые близкие зданья
 Стали туманно-дальними,
 Самые четкие башни
 Стали облачно-хрупкими.
 И самым черным камням
 Великая милость дарована —
 Быть просветленно-синими,
 Легко сливаться с небом.

Там, на том берегу,
 Дома, соборы, завод,
 Или ряд фиалковых гор?
 Правда? — лиловые горы
 С налетом малиново-сизым,
 С вершинами странно-щербатыми,
 Неведомый край стерегут.

Нева, расширенная мглою,
 Стала огромным морем.
 Великое невское море
 Вне граней и вне государств,
 Малиново-сизое море,
 Дымное, бледное, сонное,
 Возникшее чудом недолгим
 В белую ночь.

Воздушные тонкие башенки
 Чудного восточного храма,
 И узкие башни-мечети
 И звездные купола.
 Таинственный северный замок
 И старая серая крепость
 И шпиль, улетающий в небо
 Розоватой тонкой стрелой.

У серых приречных ступеней,
 Вечно, вечно сырых,
 Нежнее суровые сфинксы
 Из дальней, безводной пустыни.
 Им, старым, уже не грустно
 Стоять на чужой земле,
 Их, старых, баюкает бережно
 Радужно-сизый туман.

(1916)

Николай Бруни

218. НА НЕВЕ

На тонких стеблях желтые цветы
Всю ночь горят над набережной сонной,
А к утру, как разводятся мосты,
Слышны сирен пронзительные стоны.
А сердце мира — тихий алый круг —
За крепостью встает над грязным дымом,
И голуби шарахаются вдруг,
Когда, усталый, прохожу я мимо.
Неудержимо катится Нева...
О, кто-то затопил меня тоскою!
Петра я слышу вещие слова,
Он вдаль грозит протянутой рукою.

⟨1915⟩

Николай Агнивцев

219. ПЕТЕРБУРГСКИЕ АТТРАКЦИОНЫ

ГОРОВОЙ НА ПЕРЕКРЕСТКЕ

С волшебным жезлом на посту он стоит,
Незыблем, как лучший финляндский гранит,
Нахмурен и важен, как некий Харон,
Как кит, проглотивший десяток Ион!
Над ним — робко виснет вдали небосвод,
Под ним — на сто сажен не роется крот,
При нем — институткой глядит сквернослов,
А в нем-то самом — только восемь пудов!
Стоит он, загадочно глядя на мир,
Как сфинкс, переряженный в чей-то мундир,
И мерно, в борьбе неустанной со злом,
Под носом извозчиков машет жезлом!

⟨1913⟩

220

Люблю немую грусть осенних бледных дней,
И ночи шумные в огнистом ожерелье,
И отражение спокойных фонарей

На блещущей, грехом затоптанной панели...
И хмурый Петроград с туманом и дождем
Напоминает мне своей немой печалью
Красавицу с заплаканным лицом
Под белой, трепетной, задумчивой вуалью...

(1915)

Владимир Злобин

221

Часы Публичной библиотеки
Сказали: половина пятого.
Гостинный двор. В пальто на котике
Прошла любовница богатого.

И грязью мелкою и талою
Ложится снег по лентам каменным...
Трамваи улицу усталую
Перерезают крестным знаменем.

А на углу, годами согнутый,
Ларек с халвою и пирожными.
И люди, наглухо застегнуты,
Идут, застывшие и ложные.

О, кто из них при свете месяца
Сегодня, потеряв терпение,
На чердаке своем повесится
Из чувства самосохранения?

(1916)

Лариса Рейснер

222. ЭРМИТАЖ

Сегодня, как вчера, озлобленно-усталый
Я отдохнуть пришел в безлюдный Эрмитаж.
И день благословил серебряный и талый,
Покрывший пепельной неясностью порталы,
Как матовым стеклом анатолийских ваз.

В упругой грации жеманного Кановы,
В жестокой наготе классических камней
Недвижно-радостных, мучительны и новы
Творящей красоты рельефные основы,
Мечты, почившие в безмолвии камней.

Как правильно дворца нарядные пороги
Лепного потолка усиливают гнет!
Не оживут однажды скованные боги
И никогда пожар бичующей тревоги
Любви дарящего полета не вернет.

⟨1915⟩

223. МЕДНОМУ ВСАДНИКУ

...Добро, строитель чудотворный
— Ужо тебе!

Пушкин

Боготворимый гунн!
В порфире Мономаха
Всепобеждающего страха
Исполненный чугуна!

Противиться не смею:
Опять удар хлыста,
Опять — копыта на уста
Раздавленному змею!

Но, восстающий раб,
Сегодня я, Сальери,
Исчислю все твои потери,
Божественный Арап.

Перечитаю снова
Эпический указ,
Тебя сославший на Кавказ
И в дебри Кишинева:

«Прочь и назад не сметь!»
И конь восстал, неистов:
На плахе декабристов
Загрохотала медь...

Петровские граниты
Едва прикрыли торф —
И правит Бенкендорф,
Где правили хариты!

⟨1916⟩

Лев Никулин

224. ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ

Я возвращаюсь на рассвете
Вдоль замерзающих следов,
Когда звенят тугие сети
Одетых в иней проводов,
И, возвращаясь на рассвете,
Мечтать и верить не устал,
Я вижу перелом столетий
И алебарды у застав.
Какие тени в окнах синих,
Когда лампада догорит —
Жестокий Бирон, или Миних,
Превознесенный фаворит.
В кариатидах Эрмитажа
Одна и та же рабья злость,
И кто-то в шляпе и плюмаже
Идет, перегибая трость.
Тревожим затаенной мезью,
Он смотрит каждому в упор —
Сегодня звезды и поместья,
А завтра плаха и топор.
И, может быть, предатель Пален
Идет аллеей, трепеща,
У леденеющих проталин,
Взметая складками плаща.

1916

Рюрик Ивнев

225

Я летний день давно не целовал
Глазами, тростью, башмаками, платьем;
Сегодня волны дивная Нева,
Как Баратынский дивный стих свой, катит.

Вот солнце льет сквозь облако лучи,
И я глаза закрыл, как перед смертью.
Благодарю Тебя за то, что научил
Любить униженных и каторжникам верить.

1914

Всеволод Рождественский

226

За мокрыми облаками
Вечер суров и прост.
Заплаканными огнями
Опоясан Дворцовый мост,
И ветер мой плащ взвывает,
Как двести лет назад...
Ах, сердце тебя не знает,
Каменный Петроград!

Я помню, как пахли стружки,
И глухо звенел топор;
Здесь после ночной пирушки
Крушили смолистый бор,
Здесь плотничьи пел он песни,
Рубанком ровняя струг.
Воскресни же, воскресни,
Деревянный Петербург!

1916

Владимир Набоков

227

У дворцов Невы я брожу, не рад,
Что доносится гул и звонки трамвая;
Боязливо барки в реке скрипят,
Полуволны плещут, гранит лаская;
Золотые змейки дрожат в качелях
Фиолетово-черной воды, а там,
Где созвездья тонут в лучистых трелях,
Отвечает безбрезжность моим мечтам.

1916

228. ТЕБЕ, ПЕТЕРБУРГ

Раскинут темными кварталами,
Ты замер, каменный, в гробу,
Дома безмолвны над каналами
И люди мечутся в бреду.

Глазами улицы усталыми
Ты зажигаешь фонари,
И женщины устами впалыми
Сулят отраву до зари.

Ты стянут туго на окраине
Позорным поясом лачуг,
Там дети шепчутся о Каине
И по ночам живет испуг.

И вшиты полосы туманные
В твой беззастенчивый наряд.
Тот разгадает судьбы странные,
Кто встретит, каменный, твой взгляд...

(1915)

Борис Пастернак

229. ПЕТЕРБУРГ

Как в пулю сажают вторую пулю
Иль быют на пари по свечке,
Так этот раскат берегов и улиц
Петром разряжен без осечки.

О, как он велик был! Как сеткой конвульсий
Покрылись железные щеки,
Когда на Петровы глаза навернулись,
Слезя их, заливы в осоке!

И к горлу балтийские волны, как комья
Тоски, подкатили; когда им
Забвенье владело; когда он знакомил
С империей царство, край — с краем.

Нет времени у вдохновенья. Болото,
Земля ли, иль море, иль лужа, —
Мне здесь сновиденье явилось, и счесть
Сведу с ним сейчас же и тут же.

Он тучами был, как делами, завален,
В ненастья натянутый парус
Чертежной щетиною ста готовален
Врезалась царская ярость.

В дверях, над Невой, на часах, гайдуками,
Века пожирая, стояли
Шпалеры бессонниц в горячем геме
Рубанков, снастей и пицалей.

И знали: не будет приема. Ни мамок,
Ни дядек, ни бар, ни холопей,
Пока у него на чертежный подрамоч
Надеты таежные топи.

Волны толкутся. Мостки для ходьбы.
Облачно. Небо над буюм, залитым
Мутью, мешает с толченым графитом
Узких свистков паровые клубы.

Пасмурный день растерял катера.
Снасти крепки, как раскуренный кнастер.
Дегтем и доками пахнет ненастье
И огурцами — баркасов кора.

С мартовской тучи летят паруса
Наоткось, мокрыми хлопьями в слякоть,
Тают в каналах балтийского шлака,
Тлеют по черным следам колеса.

Облачно. Щелкает лодочный блок.
Пристани бьют в ледяные ладоши.
Гулко булыжник обрушивши, лошадь
Глухо въезжает на мокрый песок.

Чертежный рейсфедер
Всадника медного
От всадника — ветер
Морей унаследовал.

Каналы на прибыли,
Нева прибывает.
Он северным грифелем
Наносит трамваи.

Попробуйте, лягте-ка
Под тучею серой,
Здесь скачут на практике
Поверх барьеров.

И видят окраинцы:
За Нарвской, на Охте,
Туман продирается,
Отодранный ногтем.

Петр машет им шляпою,
И плещет, как прапор,
Пурги расцарапанный,
Надорванный рапорт.

Сограждане, кто это,
И кем на терзанье
Распущены по ветру
Полотнища зданий?

Как план, как ландкарту
На плотном папиресе,
Он город над мартом
Раскинул и выбросил.

Тучи, как волосы, встали дыбом
Над дымной, бледной Невой.
Кто ты? О, кто ты? Кто бы ты ни был,
Город — вымысел твой.

Улицы рвутся, как мысли, к гавани
Черной рекой манифестов.
Нет, и в могиле глухой и в саване
Ты не нашел себе места.

Волн наводнения не удержишь сваями.
Речь их, как кисти слепых повитух.
Это ведь бредишь ты, невменяемый,
Быстро бормочешь вслух.

Оттепелями из магазинов
Веяло ватным теплом.
Вдоль по панелям зимним
Ездил звездистый лом.

Лед, перед тем как дрогнуть,
Соками пух, трещал.
Как потемневший ноготь,
Ныла вода в клещах.

Капала медь с деревьев.
Прячась под карниз,
К окнам с галантереей
Жался букинист.

Клейма разиновой фирмы
Сеткою подошв
Липли к икринкам фирна
Или влекли под дождь.

Вот как бывало в будни.
В праздники ж рос буран
И нависал с полудня
Вестью полярных стран.

Небу под снег хотелось,
Улицу бил озноб,
Ветер дрожал за целость
Вывесок, блях и скоб.

1915

Владимир Маяковский

230. КОЕ-ЧТО ПРО ПЕТЕРБУРГ

Слезают слезы с крыши в трубы,
к руке реки чертя полоски;
а в нсба свисшиися губы
воткнули каменные соски.

И небу — стихши — ясно стало:
туда, где моря блещет блюдо,
сырой погонщик гнал устало
Невы двугорбого верблюда.

<1913>

. >

МАЯКОВСКИЙ ВЕКАМ

Куда я,
зачем я?
Улицей сотой
мечусь
человечьим
разжужженным ульем.

Глаза пролетают оконные соты,
и тяжко,
и чуждо,
и мёрзко в июле им.

Витрины и окна тушит
город.

Устал и сник.

И только
туч выпотрашивает туши
кровавый закат-мясник.

Слоняюсь.
Мост феерический.
Влез.
И в страшном волнении взираю с него я.
Стоял, вспоминаю.
Был этот блеск.
И это
тогда
называлось Невоею.

Здесь город был.
Бессмысленный город,
выпутанный в дымы трубною леса.
В этом самом городе
скоро
ночи начнутся,
остекленелые,
белесые.

Июлю капут.
Обезночел загретый.
Избрелся в шепот чего-то сквозного.
То видится крест лазаретной кареты,
то слышится выстрел.
Умолкнет —
и снова.

Я знаю,
такому, как я,
накалиться
недолго,
конечно,
но все-таки дико,
когда не фонарные тыщи,
а лица.
Где было подобие этого тика?

И вижу, над домом
по риску откоса
лучами идешь,
собираешь их в копны.
Тянусь,
но туманом ушла из-под носа.
И снова стою
онемелый и вкопанный.
Гуляк полуночных толпа раскололась,
почти что чувствую запах кожи,
почти что дыханье,
почти что голос,
я думаю — призрак,
он взял, да и ожил.
< >

<1916—1917>

232. ПОСЛЕДНЯЯ ПЕТЕРБУРГСКАЯ СКАЗКА

Стоит император Петр Великий,
думает:
«Запирую на просторе я!» —
а рядом
под пьяные клики
строится гостиница «Астория».

Сияет гостиница,
за обедом обед она
дает.
Завистью с гранита снят,
слез император.
Трое медных
слазят
тихо,
чтоб не спугнуть Сенат.

Прохожие стремились войти и выйти.
Швейцар в поклоне не уменьшил рост.
Кто-то
рассеянный
бросил:
«Извините»,
пастушив нечаянно на змеи хвост.

Император,
лошадь и змей
неловко
по карточке
спросили гренадин.
Шума язык не смолк, немся.
Из пивших и евших не обернулся ни один.

И только
когда
над пачкой соломинок
в коне заговорила привычка древняя,
толпа сорвалась, криком сломана:
— Жует!
Не знает, зачем они.
Древняя.

Стыдом овихрены шаги коня. •
Выбелена грива от уличного газа.
Обратно
по Набережной
гонит гиканье
последнюю из петербургских сказок.

И вновь император
стоит без скипетра.

Змей.

Унынье у лошади на морде.

И никто не поймет тоски Петра —
узника,
закованного в собственном городе.

(1916)

КОММЕНТАРИИ

В сборник включены произведения русских поэтов XVIII—начала XX в. (до 1917 г). В большинстве этих текстов присутствует название города, которому они посвящены. В антологии представлены и такие произведения, в которых дапы прозрачные петербургские приметы, и «герой» легко узнается.

Наряду с творениями выдающихся писателей здесь представлены поэтические опыты авторов второго и даже третьего ряда. Знакомство с ними дает возможность сегодняшнему читателю полнее понять, в каком контексте воспринималось то или иное выдающееся произведение, посвященное Петербургу.

Стихотворения и поэмы, вошедшие в сборник, дают достаточно полное представление о том, как зародилась эта тема и как она развивалась в русской поэзии на протяжении почти двух столетий. В сборнике нет стихотворений, посвященных знаменитым петербургским пригородам: Царскому Селу, Павловску, Петергофу. Дело в том, что эти произведения составляют значительный и довольно обособленный пласт «петербургской» поэзии, собранные вместе они могут стать материалом для отдельного издания.

В книгу включены целиком или в отрывках 232 произведения 144 авторов. Последовательность расположения материала обусловлена периодизацией, традиционной для историко-литературных работ.

Произведения датируются по году написания или по дате первой публикации (в этом случае дата заключается в ломаные скобки).

Тексты стихотворений приводятся по наиболее авторитетным изданиям. Большая часть печатается по авторским сборникам серии «Библиотеки поэта». Специально оговариваются те случаи, когда текст взят из малой серии «Библиотеки поэта», из коллективных сборников этой серии или из других изданий. При этом используются следующие сокращения: БП — «Библиотека поэта», БС — большая серия, МС — малая серия.

В комментарии указаны номера, под какими помещены произведения того или иного автора. Пояснения к тексту даются в комментарии после соответствующего порядкового номера произведения.

1. Кантемир Антиох Дмитриевич (1708—1744)

Земля тая, бывшая в долзе у соседах подвластна — земля, которая долго была подвластна соседям.

Ингрия (другие названия — Ингерманландия, Ижора) — старое название территории, расположенной по берегам Невы и к юго-западу от Ладожского озера, которая с 1228 г. являлась владением Великого Новгорода, с 1478 г. входила в состав Российского государства. В 1581—1590, 1609—1702 гг. была оккупирована Швецией. Возвращена России в 1702—1703 гг. В 1708 г. стала частью Петербургской губернии.

Шестибочная крепость — Петропавловская крепость, заложенная Петром I на Заячьем острове 16 мая 1703 г., имеет 6 бастионов, соединенных куртинами. В 1706—1740 гг. деревоземельные сооружения были заменены каменными. Руководил работами архитектор Д. Трезини (1670-е — 1734), а с 1734 г. — военный инженер Б.-К. Миних (1683—1767). Бастионы и соединяющие их куртины имели высоту до 12 м и ширину до 20 м.

...щитя своих... — защищая своих.

Обónпол (устар.) — по ту сторону, на противоположной стороне; зд. — на другом берегу Невы, где была судостроительная верфь.

Растут суды всех родов — первая русская кораблестроительная верфь на Балтийском море, Адмиралтейство, была заложена 5 ноября 1704 г. по чертежу, выполненному Петром I. В дальнейшем верфь неоднократно перестраивалась. В 1806—1823 гг. по проекту архитектора А. Д. Захарова (1761—1814) возвели третье, ныне существующее здание Адмиралтейства. Строительство парусных кораблей на верфи продолжалось до 1844 г.

Два рамена — два плеча; зд. — два рукава реки.

Не вем точно... — не знаю точно.

Сорало — изборозило.

2. Тредиаковский Василий Кириллович (1703—1769)

Ижерская земля — см. прим. к № 1.

Александр — Александр Невский (1220—1263), князь новгородский (1236—1251), великий князь владимирский (с 1252 г.), выдающийся государственный деятель и полководец: победами над шведами (Невская битва, 1240) и немецкими рыцарями (Ледовое побоище, 1242) обезопасил западные границы Руси. Умелой политикой ослабил тяготы монголо-татарского ига.

Лавра — название некоторых крупнейших православных мужских монастырей; лавры подчинялись непосредственно патриарху, с 1721 г. — Синоду; зд. — Александро-Невский монастырь, заложенный в 1710 г. Петром I в память победы над шведами.

Там почернил багряню ток Скамандру — в «Илиаде» Гомера речь идет о реке Скамандре, которая во время сражения между троянцами и греками стала красной от крови; зд. — поток Невы почернил (посрамил, был еще более багрян) Скамандру.

К полтавским тем полям — т. е. к победе над шведами в битве под Полтавой в 1709 г.

Равного ж соседа — т. е. шведов.

Не больше лет, как токмо с пятьдесят... — прошло пятьдесят лет со дня основания Петербурга в 1703 г.

Авзонские страны — Италия.

Батавский — голландский.

Долгий Лондон — Лондон, сильно пострадавший от пожара в 1666 г., застраивался в то время преимущественно в западном направлении.

Все сии цель есть шествий наших в них, Желаний вещь... — эти города являются желанной целью наших путешествий.

Санкт-Петербург не образ есть чему? — т. е. в каком отношении Петербург не образцовый город?

Жидитель — Петр I.

...о Петре... — ради Петра.

3. Сумароков Александр Петрович (1717—1777)

Домик Петра Великого — «Первоначальный дворец» царя, построенный за три дня солдатами-плотниками на правом берегу Невы. В нем две светлицы (кабинет и столовая), разделенные сенями и спальней. Размеры Домика невелики (12,7 м × 5,7 м). Стены срублены из соснового бруса и раскрашены масляной краской под кирпич. Уже в 1723 г. для защиты Домика была сооружена каменная галерея. Существующий ныне кирпичный футляр установлен в 1846 г.

4. Петров Василий Петрович (1736—1799)

По изд.: *Поэты XVIII века: В 2 т. Т. 1. Л., 1972* (БП, БС)

Стихотворение написано по поводу костюмированного праздника — «каруселя», который состоялся 16 июня 1766 г. в Петербурге. В празднике участвовали четыре конные кадрили (отряда): римская, славянская, индийская и турецкая. Римскую кадрили возглавлял граф Г. Г. Орлов (1735—1783), славянскую — граф генерал-майор И. П. Салтыков (1730—1805), индийскую — обер-штальмейстер П. И. Репнин (ум. в 1778 г.), турецкую — граф А. Г. Орлов (1735—1807). Четыре кадрили одновременно въехали в амфитеатр, который был специально построен перед Зимним дворцом.

Пиндар (ок. 518—442 гг. или 438 г. до н. э.) — древнегреческий поэт-лирик, автор похвальных песен в честь победителей на Олимпийских, Дельфийских и других спортивных играх.

Тибр — река, на которой стоит Рим.

Потор (из лат.) — обитатель, житель.

Плутон — в греческой мифологии одно из имен бога — владыки царства мертвых — Аида.

Пактол — река в Малой Азии (современное название Сарт-Чайи); в древности была богата золотоносным песком.

Зеницы (устар.) — зрачки, глаза.

Феб — в греческой мифологии — второе имя Аполлона как божества солнечного света.

5. Чулков Михаил Дмитриевич (ок. 1743—1792)

По изд.: *Поэты XVIII века: В 2 т. Т. 1. Л., 1958* (БП, МС)

Епанечка — уменьш. от епанча, старинная верхняя одежда в виде широкого плаща.

Фаэтон (Фаэтон) — в греческой мифологии сын бога солнца Гелиоса. Фаэтон выпросил у отца на один день право управлять солнечной колесницей, но не справился с быстро мчавшимися конями.

Чтобы спасти все живое от приближающегося к земле солнца, Зевс поразил Фаэтона молнией.

Понятие его не постигает само... — он сам не понимает.

6. Рубан Василий Григорьевич (1742—1795)

По изд.: Рубан Василий. Надписи к Камню-грому. Спб., 1782

Восьмистрочное произведение Рубана частично нашло отражение в стихотворении Адама Мицкевича «Памятник Петра Великого»: Мицкевич говорит об «одном русском» поэте, на строки которого он опирался. Пушкин в примечаниях к «Медному всаднику» указал, что польский поэт имел в виду Рубана.

Мемфис — столица Древнего Египта (III тысячелетие до н. э.).

Обелиск — мемориальное сооружение, возникшее в Древнем Египте: каменный столб, суживающийся кверху с пирамидально-заостренной верхушкой.

Колосс Родосский — ионийская медная статуя бога солнца Гелиоса, поставленная в гавани острова Родоса в 280 г. до н. э. и разрушенная землетрясением в 227 г. до н. э. Считалась одним из семи чудес света.

И Нильских здания высоких Пирамид || *Престаньте более считаться чудесами...* — египетские пирамиды (гигантские гробницы древнеегипетских фараонов III—II тысячелетия до н. э.), расположенные на левом берегу Нила, считались одним из семи чудес света.

Камень-гром — камень-монолит весом около 1600 т был найден вблизи поселка Лахта и с большими трудностями доставлен на Сенатскую площадь. «Дерзновению подобно» — такая надпись выбита на золотой медали, выполненной в честь перевозки и установки «Гром-камня».

7. Фонвизин Денис Иванович (1745—1792)

По изд.: Поэты XVIII века.: В 2 т. Т. 1. Л., 1972 (БП, БС)

Шумилов — дядька и камердинер Фонвизина, живший в его доме в Петербурге; *Ванька* — кучер Фонвизина; *Петрушка* — домашний парикмахер.

8. Богданович Ипполит Федорович (1745—1792)

По изд.: Богданович И. Ф. Собр. соч. и переводов. 2-е изд., ч. 1—4. М., 1818—1819

9—10. Державин Гаврила Романович (1743—1816)

9. *Мурза* (от перс. — мирза) — у некоторых народов Востока: важный чиновник, ученый, секретарь, писец.

10. По изд.: Державин Г. Р. Стихотворения. М., 1958.

Стихотворение написано по случаю прибытия в Петербург по Волхову сестры Александра I Екатерины Павловны с ее мужем, принцем Георгием Ольденбургским.

Амфитрита — в греческой мифологии нимфа, жена бога моря Посейдона; зд. — Екатерина Павловна, дочь Павла I.

Посидон (Посейдон) — в греческой мифологии бог морей.

Иль Прекраса перевозит в Выбудцк Игоря в ладье...—

Прекраса — жено древнерусского князя Игоря (912—945) Ольга; по преданию, они жили в Выбудцке близ Пскова.

Ладогон — Ладожское озеро.

Чтоб ее весть понта в двери...— чтобы вывести ее в море.

Преузорочный — превосходная степень от прилагательного узорочный — пестрый, украшаемый узорами.

Не Славенска вземлю вечу...— древний город Славенск, согласно летописным сказаниям, находился на Волхове.

11. Муравьев Михаил Никитич (1757—1807)

И с почтеньем обтекаешь Прах великого Петра — Петр I похоронен в Петропавловском соборе, расположенном на территории Петропавловской крепости.

Парос, Лемн (Лемнос) — острова в Эгейском море.

Что теперь на них глядятся Бостанжи с Кизляр-агой...— имеется в виду Греция, в то время находившаяся под владычеством турок. *Бостанжи* — начальник полиции в Константинополе, *Кизляр-ага* — начальник гарема турецкого султана.

Тамиза — река Темза в Англии, в устье которой расположен Лондон.

Таг (Тахо) — река на Пиренейском полуострове, в устье которой находится крупнейшая гавань Лисабон.

Хлоя — героиня любовно-буколического романа греческого писателя Лонга «Дафнис и Хлоя» (II—III в.).

Взявъ богиню благосклонну <...> Опершися на гранит — это четверостишие привел Пушкин в примечаниях к следующему месту в «Евгении Онегине» (глава I, строфа XIII):

С душою, полной сожалений,
И опершися на гранит,
Стоял задумчиво Евгений,
Как описал себя пинт.

12. Бобров Семен Сергеевич (1763—1810)

По изд.: Поэты 1790—1810-х годов. Л., 1971 (БП, БС)

Петрополя <...> дочь — речное божество, олицетворение Невы. *Немврод*, Нимврод (древнееврейск.) — в Библии основатель Вавилонского царства, храбрый охотник, богатырь.

Орфей — в древнегреческой мифологии певец и музыкант, наделенный магической силой искусства, которой покорялись не только люди, но и боги, и даже природа.

Озирид (Осирис, Озирис) — в египетской мифологии бог производительных сил природы, царь загробного мира.

Алкид (Геракл) — в греческой мифологии герой, сын Зевса и смертной женщины Алкмены.

Храм Дианы — храм Артемиды в Эфесе (ок. 550 г. до н. э.), одно из семи чудес света; как и Петербург, он был построен на низменной, болотистой местности. Диана в римской мифологии — богиня растительности, родовспомогательница, олицетворение луны, отождествлялась с греческой богиней Артемидой.

Ермий (Гермес, Гермий) — в греческой мифологии бог торговли и коммерции, вестник богов.

Лицей —зд.: учебное заведение.

Скудель — старославянское название глины, земли, праха; зд. — глиняный сосуд.

Стражницы — караульные помещения.

Зевесов или Филиппов сын — Александр Македонский (356—323 гг. до н. э.), крупнейший полководец и государственный деятель. Царь Македонии с 336 г. Создал крупнейшую мировую монархию древности (от Дуная до Инда).

Цезарь Гай Юлий (102 или 100—44 гг. до н. э.) — древнеримский государственный и политический деятель, полководец, писатель.

Паллада — одно из имен Афины, греческой богини мудрости и справедливой войны.

Аполлон — в греческой мифологии сын Зевса, бог — целитель и прорицатель, покровитель искусств.

Внук Минервы — Александр I, внук Екатерины II. Миперва — в древнеримской мифологии богиня мудрости, покровительница наук, искусства и ремесел.

13. Борн Иван Мартынович (1778—1851)

По изд.: *Поэты - радищевцы*. Л., 1979 (БП, БС)

Посидон — см. прим. к № 10.

Илион — другое название Трои, города на северо-западе Малой Азии, осажденного и разрушенного древними греками в начале XII в. до н. э.

Дидимей (Дидимий) — в греческой мифологии одно из имен Аполлона как близнеца Артемиды (дидимий — близнец); возможно, это имя происходит от местечка Дидим, где он почитался.

14. Измайлов Александр Ефимович (1779—1831)

По изд.: *Поэты - радищевцы*. Л., 1979 (БП, БС)

Таврический сад — пейзажный парк при одноименном дворце (1783—1789), построен архитектором И. Е. Старовым по заказу Екатерины II для ее фаворита Г. А. Потемкина-Таврического.

15. Давыдов Денис Васильевич (1784—1839)

Стихотворение является переводом песни французского поэта Жозефа Пена (1773—1830) «Житье холостяка».

Мой гардероб лежит в ряду... — т. е. отдан в залог ростовщику в торговом ряду.

16. Бунина Анна Петровна (1774—1829)

По изд.: *Поэты 1790—1810-х годов*. Л., 1971 (БП, БС)

17. Мерзляков Алексей Федорович (1778—1830)

В названии стихотворения имеется в виду памятник Медный всадник.

18. Гнедич Николай Иванович (1784—1833)

Шпиз тверди Петровой — шпиль колокольни Петропавловского собора.

Вот ночь, а светла синевою одетая дальность... — эту и следующие 26 строк идиллии Гнедича в ее ранней редакции процитировал Пушкин в примечаниях к первой главе «Евгения Онегина»; примечание начинается словами: «Читатель помнит прелестное описание петербургской ночи в идиллии Гнедича».

Филомела — в античной мифологии царевна, превращенная в соловья.

19. Бестужев-Марлинский Александр Александрович (1797—1837)

Буало (Буало Депрео, Никола, 1636—1711) — французский поэт, критик и теоретик классицизма. В своем вольном переводе 1-й сатиры Буало Марлинский отбросил начало сатиры, опустил личные намеки, перенес действие из Парижа в Петрополь (Петербург), связал ее проблематику с русской современностью.

Дамон, Клит, Граблев, Нарцисс, Лауса, Понт, Грей, Бибрис, Трусов — этими именами названы носители различных пороков.

Иван (Ванька) *Каин* — лицо историческое, Иван Осипов, по прозвищу Каин (по Библии — имя братоубийцы), сын крестьянина Ростовского уезда, живший в XVIII в., в конце жизни написал историю своих походов в качестве грабителя и полицейского сыщика. В 1872 г. история Ваньки Каина была издана, получила колоссальную популярность, переиздавалась пятнадцать раз.

Катон Марк Порций Старший (234—149 гг. до н. э.) — политический деятель и писатель Древнего Рима, славившийся своей честностью и неподкупностью.

Обуховская больница — больница, куда попадали в основном бедные люди Петербурга; находилась на набережной реки Фонтанки (сейчас дом № 106).

Фемида — в греческой мифологии богиня правосудия.

Ниноны дух — имеется в виду Нинон де Ланкло (1615—1705) — французская красавица, знаменитая своим литературным салоном и любовными похождениями.

Веста — в римской мифологии богиня целомудрия.

Феб — в греческой мифологии второе имя Аполлона как божества солнечного света (Феб — букв. лучезарный).

Фортуна — в римской мифологии богиня счастья, случая и удачи.

Перуны — Перун в общеславянской мифологии бог грозы и грома; зд. — молнии.

Вавилон — зд. — символ большого города, полного соблазнов, роскоши и пороков.

20. Рылеев Кондратий Федорович (1795—1826)

21—23. Глинка Федор Николаевич (1786—1880)

21. *Мыза* — отдельно стоящая усадьба с сельскохозяйственными постройками; хутор.

Стрельная (Стрельна) — комплекс дворцово-парковых ансамблей XVIII — первой половины XIX в. на берегу Финского залива.

Кронштадт — город и порт на острове Котлин в Финском заливе, в 29 км от Петербурга. Основан в 1703 г. Петром I как крепость для защиты Петербурга с моря.

Сестрорецк — поселение, возникшее на берегу Финского залива в начале XVIII в. при Сестрорецком оружейном заводе.

Берд — фамилия владельцев пароходства на Неве.

22. Судя по всему, стихотворение написано в Петропавловской крепости. Оно стало популярной народной песней. В образе узника автор изобразил декабриста.

Заневские башни — Петропавловская крепость (см. прим. к № 1).

23. *Семеновский полк* — один из старейших гвардейских полков, в котором служили видные декабристы, в том числе С. И. Муравьев-Апостол (1796—1826) и И. Д. Якушкин (1793—1857). Стихотворение было создано в 1856 г. в связи с возвращением в Москву после амнистии декабриста И. Д. Якушкина.

24—26. Баратынский Евгений Абрамович (1800—1844)

24. Это стихотворение Баратынского — ответ на послание Дельвига «Евгению» (1820).

Феб — см. прим. к № 19.

25. *В углу безвестном Петрограда...* — речь идет о дружеских пирушках молодых поэтов, часто собиравшихся в 1819—1820-х годах у своего приятеля П. Л. Яковлева.

26. Написано Баратынским и Дельвигом, когда поэты жили на одной квартире в 5-й роте Семеновского полка (ныне Рузовская улица).

27. Дельвиг Антон Антонович (1798—1831)

Посвящено Е. А. Баратынскому, который летом 1821 г. прибыл с полком в Петербург из Фипляндии.

28—30. Вяземский Петр Андреевич (1792—1878)

28. *Бегут — и где они?* — речь идет об отступлении из России армии Наполеона.

Питомец твой, громов метатель двоголавый — на государственном гербе России изображался двуглавый орел.

Рымникский — русскому полководцу А. В. Суворову (1729—1800) за победу над турками в 1789 г. при реке Рымник в Валахии было присвоено имя Рымникский.

Задунайский — русскому полководцу П. А. Румянцеву (1725—1796) за победы, одержанные во время русско-турецкой войны (1768—1774), было присвоено имя Задунайский.

Алкид — см. прим. к № 12.

Сады Семирамиды — с именем ассирийской царицы Семирамиды (IX в. до н. э.) связано сооружение «висячих садов» в Вавилоне, одного из семи чудес света; зд., очевидно, имеется в виду «висячий сад» в Малом Эрмитаже.

Делос — остров в Эгейском море; там находился один из самых известных в античные времена храмов Аполлона.

Киприда — одно из имен Афродиты («кипророжденная»); зд. Кипр обозначается описательно как «остров Киприды».

Кто с древним Каспием Бельт юный сочетал?— речь идет о начале при Петре I и законченном при Екатерине II строительстве каналов, благодаря которым открылось водное сообщение (через систему рек и озер) между Балтийским (Бельтом) и Каспийским морями.

...дщерь ее...— имеется в виду «дщерь» России — новая столица Петербург.

Там предрассудков меч и светоч возмущенья...— речь идет о событиях Великой Французской революции. Вяземский был поклонником жирондистов и отрицательно относился к якобинской диктатуре.

Полтавская рука сей разводила сад...— речь идет о Летнем саде в Петербурге. В петровское время Летний сад был частью большого парка. Основные черты планировки регулярного сада наметил сам Петр.

Вот скромный дом...— имеется в виду небольшой дворец Петра в Летнем саду, построенный в 1710—1714 гг. по проекту Д. Трезини (ныне историко-бытовой музей).

Апеллес — древнегреческий живописец (IV в. до н. э.).

Невтонов ученик — т. е. ученик Ньютона; зд. имеется в виду М. В. Ломоносов (1711—1765).

Шувалов Иван Иванович (1727—1797) — вельможа, пользовавшийся огромным влиянием при Елизавете Петровне; покровительствовал М. В. Ломоносову.

Приветствие в Ферней — Екатерина II (1729—1796) переписывалась с Вольтером (1694—1778), который в конце жизни жил в Фернее (Швейцария).

И твоего певца уста уже безмолвны — имеется в виду Г. Р. Державин, который умер в 1816 г.

29. Стихотворение обращено к графине Елене Михайловне Заводской (1807—1874), считавшейся одной из первых петербургских красавиц.

Ваш Петербург...— москвич по рождению, П. А. Вяземский обосновался в Петербурге в 1830 г., когда поступил на службу в министерство финансов.

30. *Елисейские поля* — в греческой мифологии страна загробного блаженства.

31. Милонов Михаил Васильевич (1792—1821)

По изд.: *Поэты 1790—1810-х годов*. Л., 1971 (БП, БС)

Послание адресовано братьям Княжевичам — Александру Максимо-вичу и Дмитрию Максимовичу, служившим некоторое время в Вене.

Брат Владислав...— третий из братьев Княжевичей, служивший в Петербурге.

Спокойно едет на конгресс...— в 1818 г. Александр I выезжал из России для участия в Аахенском конгрессе Священного союза.

Державин спит давно в могиле...— Г. Р. Державин умер в 1816 г.

Жуковский пишет чепуху...— в стихотворении «Жуковский, не забудь Милонова ты вечно...» (1818) Милонов писал: «...начал чепуху ты вратъ уж не путем». Вероятно, в обоих случаях он имел в виду стихотворные сборники Жуковского «Für Wenige» («Для немногих»), издававшиеся очень маленьким тиражом для придворного круга и в первую очередь для ученицы Жуковского — принцессы Шарлотты (будущей императрицы Александры Федоровны) (Ермакова-Битнер Г. В. Примечания // *Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX в. Л., 1959. С. 720*).

Измайлов А. Е. (1779—1831) — баснописец, прозаик, журналист, с 1802 г. — член Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, в 1816—1825 гг. — председатель его, издатель журналов «Цветник» (1809—1810) и «Благонамеренный» (1818—1826) (см. прим. к № 14).

32. Хвостов Дмитрий Иванович (1757—1835)

По изд.: Хвостов Д. И. Послание к N.N. о наводнении Петерополя. СПб., 1825

Хвостов, муж племянницы А. В. Суворова, доставившего ему титул сардинского графа, сенатор, член «Беседы любителей русского слова», второразрядный литератор (наибольшее читательское признание получил его перевод «Андромахи» Ж. Расина, 1794), сочинял стихи в архаическом роде, которые часто становились объектом пародий поэтов «Арзамаса» и самого Пушкина. Пушкин написал несколько эпиграмм на Хвостова и пародийную «Оду его сиятельству графу Д. И. Хвостову» (1825), сохранившуюся в рукописи автора. Стихотворение Хвостова «Послание к N.N. о наводнении...» впервые было напечатано в «Невском альманахе на 1825 год», цензурное разрешение которого датируется 4 декабря 1824 г. Таким образом, послание было написано по горячим следам петербургской катастрофы. Поэтому в «Медном всаднике» А. С. Пушкин заметил иронически, что едва настало утро следующего дня после наводнения, а

Граф Хвостов,
Поэт, любимый небесами,
Уж пел бессмертными стихами
Несчастье Невских берегов.

Некоторые критики (в частности, В. Г. Белинский) считали, что упоминание Хвостова в «Медном всаднике» — свидетельство того, что «по этой поэме еще не был проведен окончательный реценз художника» (Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. Т. 6. М., 1981. С. 465). Но упоминание его обнаруживается во всех рукописях поэмы (Измайлов Н. В. Примечания к тексту поэмы // Пушкин А. С. Медный всадник. Л., 1978). Пушкин, автор «Петербургской повести», противопоставляет себя Хвостову, «воспевшему» наводнение (хотя в «Медном всаднике» использованы некоторые образные мотивы, предложенные в «Послании к N.N. о наводнении...»). Пушкинская поэма подразумевает знакомство читателя с хвостовским посланием. Вот эти особые отношения стихотворения Хвостова с гениальной пушкинской поэмой и дают прежде всего ему право на внимание сегодняшнего читателя.

В Европе славную и первую столицу... — Петербург.

Екатеринин брег... — имеется в виду левый берег Невы в районе Зимнего дворца, где во время правления Екатерины II (1762—1796) были проведены грандиозные работы по устройству гранитных набережных. Первая каменная пристань была построена напротив Зимнего дворца в 1762 г. К 1788 г. в гранит был одет весь левый берег от Галерного двора (ныне Адмиралтейское объединение) до Литейного двора. Протяженность невых набережных составила 4 км.

Стогны — площади.

Решетке Беэкого дивился Альбион... — Речь идет о знаменитой

решетке Летнего сада, которая была сооружена в 1771—1784 гг. по проекту архитектора Ю. М. Фельтена (1730 или 1732—1801). Металлические звенья решетки были выкованы на тульских заводах. Гранит для цоколя и колонн был привезен из Финляндии. Точность пропорций, стройность, архитектурное решение с подчеркнуто симметричным расположением на центральной оси трех ворот делают эту решетку образцовым произведением классицизма. В то время, когда утверждался проект решетки Летнего сада и велось ее сооружение, президентом Академии художеств в Петербурге, с санкции которого производились эти работы, был известный общественный деятель И. И. Бецкой (1704—1795). Кроме того, дом Бецкого находился на набережной Невы рядом с Летним садом (ныне Дворцовая набережная, дом 2). Этим объясняется название решетки, примененное Хвостовым.

Альбион — название Британских островов, известное еще древним грекам; зд.: англичанин, или англичане.

В твой навечерний день, архангел Михаил... — описываемое наводнение произошло в навечерие, в канун дня архангела Михаила.

33. Одоевский Александр Иванович (1802—1839)

34—38. Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837)

По изд.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. 2-е изд. В 10 т. Т. 1, 3, 4, 5. М., 1956—1957

34. *Забвенью брошенный дворец...* — Михайловский замок, построенный как дворец Павла I в 1797—1800 гг. (архитекторы В. Баженов и В. Бренна). Царь пожелал, чтобы сооружению были приданы черты, роднящие его с укрепленными рыцарскими замками. Через 40 дней после переселения в новый дворец, 11 марта 1801 г., он был убит заговорщиками в собственной спальне. После смерти Павла замок был заброшен, а в 1823 г. его передали Военно-инженерному ведомству. Отсюда его другое название — Инженерный замок.

Клио — в греческой мифологии муза истории.

Калигула (12—41) — римский император; стремление к неограниченной власти и требование почестей себе как богу привели к тому, что он был убит заговорщиками в собственном дворце.

Янычары — привилегированные воины в султанской Турции, выполнявшие и карательные функции; зд. имеются в виду убийцы Павла I.

35. *Уж барабаном пробужден* — утренняя побудка и вечерний сбор в казармах гвардейских полков, которые были расположены в разных частях города, производились барабанной дробью.

На биржу тянется извозчик... — слово «биржа» употреблялось для обозначения уличной стоянки извозчиков.

С кувшином охтенка спешит... — охтенка — жительница Охты, правобережной окраинной части Петербурга, население которой снабжало столицу молочными продуктами.

...не раз || Уж отворял свой васисдас — васисдас — искаженное французское *vasistas* «форточка». В булочных часто торговля велась через окно. Игра слов построена на том, что существовала русская жаргонная кличка немца *Was ist das?* — «Что это?» (нем.).

Ночное небо над Невою... — в примечаниях к этому стиху Пушкин дал большой отрывок из идиллии Н. Гнедича «Рыбаки», в котором описывается петербургская белая ночь.

Не отражает лиж Дианы... — Диана (см. прим. к № 12); зд. — луна.

С душою, полной сожалений... — в примечании к этой строфе Пушкин процитировал часть стихотворения М. Н. Мураьева «Богине Невы»:

Въявь богиню благосклонну
Зрит восторженный пнит
Что проводит ночь бессонну,
Опершися на гранит.

(См. прим. к № 11).

С Мильонной раздавался вдруг... — Мильонная (ныне ул. Халтурина) — одна из центральных улиц Петербурга, на которой располагались казармы Преображенского полка, где жил поэт и критик П. А. Катенин (1792—1853). О содержащемся в этой строке намеке на Катенина см.: Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Л., 1983. С. 171.

Напев Торкватовых октав! — имеется в виду поэма итальянского поэта позднего Возрождения Торквато Тассо (1544—1595) «Освобожденный Иерусалим», написанная октавами, т. е. строфами из восьми стихов с определенной рифмовкой (АВАВАВСС).

36. Последние строки относятся к Анне Алексеевне Олениной, дочери А. Н. Оленина (1763—1843) — писателя, археолога, художника, президента Академии художеств, директора Публичной библиотеки.

37. *Медный всадник* — поэтическое название памятника Петру I, сооруженного в 1782 г. Автор проекта — известный французский скульптор Этьен Фальконе (1716—1791). Голова Петра была выполнена ученицей Фальконе Мари-Анн Колло. Змею, символизирующую враждебные России и преобразовательной деятельности Петра силы, вылепил, по замыслу Фальконе, русский скульптор Ф. Г. Гордеев.

Присшествия, описанное в сей повести... — для описания наводнения 7 ноября 1824 г. А. С. Пушкин обратился к журнальным сообщениям, в частности к статье Ф. В. Булгарина, напечатанной в книге В. Н. Берха «Подробное историческое известие о всех наводнениях, бывших в Санкт-Петербурге» (1826).

Чухонец — дореволюционное название эстонцев и финнов, населявших окрестности Петербурга.

И перед младшею столицей (...) *Порфиноносная вдова* — о судьбе Москвы после основания Петербурга и переноса туда столицы Пушкин писал в статье, имеющей условное название «Путешествие из Москвы в Петербург». Комментируемое четверостишие было вычеркнуто в рукописи Николаем I. Первой в России порфиноносной вдовой была вдова Павла I, императрица Мария Федоровна. Незадолго до своей смерти Павел I издал закон, по которому наследование престола происходило исключительно по мужской линии: Павел опасался повторения ситуации, которая имела место в 1762 г., когда после убийства его отца, Петра III, на престол взошла его мать, Екатерина II. После смерти Александра I (19 ноября 1825 г.) порфиноносной вдовой стала императрица Елизавета Алексеевна. Очевидно, строфа, вызывающая такие конкретные ассоциации, и была воспринята царем как крамольная.

Потешных Марсовых полей... — в начале XVIII в. на месте, о котором идет речь, был обширный луг, называвшийся Большим, или Потешным, полем, а также Царицыным лугом. На нем устраивались военные парады, фейерверки, проходили народные гулянья. К началу XIX века за этим лугом закрепилось название Марсова поля. В пушкинские времена Марсово поле было местом военных парадов и смотров гвардейских полков. На картине Г. Г. Чернецова «Парад на Царицыном лугу»

(1832) на переднем плане изображены Пушкин, Жуковский, Крылов и Гнедич.

Сиянье шапок этих медных, || Нисковозь простреленных в бою — медные шапки имели право носить солдаты и офицеры лейбгвардии Павловского полка.

Твоей твердыни дым и гром... — имеются в виду выстрелы пушек, расположенных на верках Петропавловской крепости.

Вечный сон Петра! — см. прим. к № 11.

Карамзин Н. М. (1766—1826) — русский писатель и историк, автор «Истории государства Российского».

Коломна — западная петербургская окраина по левому берегу Невы, где селились бедные люди.

...едва ли, С Невы мостов уже не сняли... — мосты через Большую Неву: Исаакиевский (от Исаакиевской площади, позднее Сенатской, сейчас площадь Декабристов, к Васильевскому острову) и Троицкий (от Дворцовой набережной к Петербургской стороне) — были «наплавные», т. е. они лежали на понтонах, плашкоутах. В дни ледоходов и при значительных подъемах воды в Неве мосты отводились к берегу, и сообщение между этими частями города прерывалось.

Тритон — в греческой мифологии морское божество, сын Посейдона и владычицы морей Амфитриты. Получеловек-полуживотное с дельфиньим хвостом вместо ног; часто изображался как юноша, погруженный по пояс в воду.

Покойный царь — Александр I.

Тогда, на площади Петровой... два льва сторожевые... — Сенатскую площадь после установления там памятника Петру I официально переименовали в Петровскую, но это название не прижилось. Перед домом князя А. Я. Лобанова-Ростовского, построенным в 1819 г. на площади по проекту Монферрана, были установлены два льва, высеченные из мрамора скульптором П. Трискорни.

Граф Хвостов — см. прим. к № 32.

Остров малый || На взморье виден — в литературе о Пушкине высказывалось мнение, что в этом месте поэмы речь идет об острове Голодае (Ахматова А. А. Пушкин и Невское взморье // Ахматова А. А. Стихи и проза. Л., 1976). Более вероятным представляется предположение, согласно которому «остров малый» — это не Голодай (довольно большой, в те годы покрытый лесом и отделенный от Васильевского острова лишь небольшой речкой Смоленкой), а один из безымянных островков в устье Малой Невы, к северо-западу от Голодая, которые были отмечены на плане Петербурга, приложенном к книге С. Аллера «Описание наводнения, бывшего в Санкт-Петербурге 7 числа ноября 1824 года» (СПб., 1826). Эти островки впоследствии слились в один, получивший название Вольный (Иэмэйлов Н. В. Комментарии / Пушкин А. С. Медный всадник. Л., 1978. С. 270).

Альгаротти Франческо (1712—1764) — итальянский публицист и писатель, близкий к просветителям-энциклопедистам, побывавший в России в 1738—1739 гг. Цитируемая Пушкиным фраза содержится в его «Письмах о России».

Стихи кн. Вяземского — имеется в виду стихотворение П. А. Вяземского «Разговор 7 апреля 1832 года», посвященное графине Е. М. Завадской (см. прим. к № 29).

«Oleszkiewicz» — «Олешкевич», небольшая поэма Адама Мицкевича (1798—1855) о польском художнике Олешкевиче, жившем в Петербурге. Там есть эпизод, где художник, спустившись на лед, измеряет глубину Невы и предсказывает наводнение.

Милорадович М. А. (1771—1825) — русский генерал, участник войны 1812 г., с 1818 г. — военный губернатор Петербурга, был смертельно ранен П. Г. Каховским (1797—1826) во время восстания декабристов.

Бенкендорф А. Х. (1783—1844) — русский государственный деятель, генерал от кавалерии, участник подавления восстания декабристов, шеф жандармов и главный управляющий III Отделением.

Рубан В. Г. — см. прим. к № 6.

38. *Брантов углый бот...* — имеется в виду так называемый дедушка русского флота — первое судно Петра I, отремонтированное и спущенное на воду голландским корабельным плотником Кристианом Брантом.

Годовщину ли Полтавы... — сражение под Полтавой произошло 27 июня 1709 г.

Он с подданным мирится... — в основе стихотворения — слова М. В. Ломоносова о милосердии Петра: «Простив он многих знатных особ за тяжкие преступления, объявил свою сердечную радость принятием их к столу своему и пушечной пальбою». Этим произведением Пушкин хотел внушить Николаю I мысль о необходимости примирения с декабристами, т. е. возвращения их из Сибири.

39. Козлов Иван Иванович (1779—1840)

По возвращении его из путешествия — В. А. Жуковский (1783—1852) выехал в свое первое заграничное путешествие 3 октября 1820 г. и вернулся в Россию 29 января 1822 г.

40. Полежаев Александр Иванович (1804—1838)

Сиволдай — сивуха, плохо очищенная хлебная водка.

Шляпа эластик — мягкая фетровая шляпа.

Фрейшица музыка — «Фрайшютц» (Freischütz) — популярная в России того времени опера К. М. Вебера «Вольный стрелок» (1821).

Дюрова и Антонин — известные в 20-х годах XIX в. артисты петербургского балета.

При зорких дяденьки глазах — дядя Полежаева — А. Н. Струйский (1782—1834), брат Л. Н. Струйского, отца поэта, опекал Полежаева во время его учебы в Московском университете. Поэт был незаконно рожденным сыном Л. Н. Струйского от его крепостной, которая уже после рождения сына была выдана замуж за мещанина Ивана Полежаева.

Моро, Ней, Даву — генерал Жан Виктор Моро (1763—1813), маршалы Мишель Ней (1769—1815), Луи Никола Даву (1770—1823) — полководцы Наполеона.

Мильонная — см. прим. к № 35.

41. Языков Николай Михайлович (1803—1846/47)

Стихотворение посвящено А. А. Протасовой (в замужестве Воейковой), которая была в дружеских отношениях со многими писателями 1820-х годов.

42. Веневитинов Дмитрий Владимирович (1805—1827)

По изд.: Веневитинов Д. В. Стихотворения. Проза, М. 1980

43. Коншин Николай Михайлович (1793—1859)

По изд.: Поэты 1820—1830-х годов: В 2 т. Т. 1. Л., 1972
(БП, БС)

44. Крюков Александр Павлович (1803—1833)

По изд.: Поэты 1820—1830-х годов: В 2 т. Т. 1. Л., 1972
(БП, БС)

45. Шевырев Степан Петрович (1806—1864)

По изд.: Поэты 1820—1830-х годов: В 2 т. Т. 2. Л., 1972
(БП, БС)

Рифей — древнее название Уральских гор.

Шпиц — шпиль Петропавловского собора.

Шлет на град потоп и горе — имеется в виду петербургское наводнение 1824 года.

На коне взлетел строитель — памятник Петру I, Медный всадник.

46. Розен Егор Федорович (1800—1860)

По изд.: Поэты 1820—1830-х годов: В 2 т. Т. 1. Л., 1972
(БП, БС)

47. Хомяков Алексей Степанович (1804—1860)

Карамзина София Николаевна (1802—1856) — дочь писателя Н. М. Карамзина, поддерживавшая дружеские отношения с Пушкиным, Лермонтовым и другими писателями 30—50-х годов XIX в.

48. Кюхельбекер Вильгельм Карлович (1797—1846)

49. Ершов Петр Павлович (1815—1869)

Стихотворение связано с предполагавшимся переездом поэта из Петербурга в Tobольск, который осуществился позднее, в 1836 году.

...орел двуглавый — на государственном гербе России изображался двуглавый орел.

И клик победный огласил Поля пустынные Полтавы... — имеется в виду битва со шведами под Полтавой в 1709 г.

Дерзкий галл — Наполеон.

Прометей — в греческой мифологии титан, похитивший божественный огонь с Олимпа и передавший его людям. За это по приказу Зевса был прикован к скале, куда каждый день прилетал орел и терзал его печень.

50. Деларю Михаил Данилович (1811—1868)

По изд.: Поэты 1820—1830-х годов: В 2 т. Т. 1. Л., 1972 (БП, БС)

51. Лермонтов Михаил Юрьевич (1814—1841)

По изд.: Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. Л., 1980

Минувших лет событий роковых... — имеется в виду восстание декабристов.

52. В. Ромаяовский (Любич-Ромаяович Василий Игнатьевич? 1805—1888)

По изд.: Современник. 1837. Т. V, № 1 (опубликовано под псевдонимом.). В библиографическом указателе Е. И. Рыскина «Журнал А. С. Пушкина „Современник“. 1836—1837» имя автора дано со знаком «Dubia», т. е. авторство установлено предположительно).

Лишь царский памятник единый, || Да вековой дворец царей... — Имеется в виду Александровская колонна (см. прим. к № 56) и Зимний дворец.

...стоит твердыня... — Петропавловская крепость.

...ряд царственных гробниц... — см. прим. к № 90.

Великий гений — Петр I.

И домик тот... — см. прим. к № 3.

53—54. Бенедиктов Владимир Григорьевич (1807—1873)

53. *Там — за оградой крепостною...* — т. е. за Петропавловской крепостью; в журнальной публикации стихотворение называлось «Петербургская сторона».

55. Ключников Иван Петрович (1811—1895)

По изд.: Поэты кружка Н. В. Станкевича. М.; Л., 1964. (БП, БС)

В. Г. Белинский отрицательно отнесся к этому стихотворению Ключникова (Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. Т. 9. М., 1982. С. 256). Н. Станкевич, напротив, высоко оценил его (Переписка Николая Владимировича Станкевича (1830—1840). М., 1914. С. 431).

56. Федоров Борис Михайлович (1798—1875)

По изд.: Альманах «Утренняя заря» на 1839 год. СПб., 1839

Уперся в небо здесь гранит, || И о Москве и о Париже || Векам на диво говорит... — имеется в виду гранитная Александровская колонна, сооруженная в 1829—1834 гг. по проекту архитектора О. Монферрана. Общая высота памятника вместе с бронзовой фигурой ангела с крестом на вершине (авт. скульптор Б. И. Орловский) — 47,5 м. Он посвящен победам русского оружия в войне с Наполеоном в 1812—1814 гг.

Храм в память твоего рожденья... — речь идет об Исаакиевском соборе: Петр I родился в день поминовения святого Исаакия Далматского. Во время написания стихотворения строительство собора еще не было закончено, оно велось с 1818 по 1858 г. (арх. О. Р. Монферран, 1786—1858).

57. Подолинский Андрей Иванович (1806—1886)

По изд.: Поэты 1820—1830-х годов. В 2 т. Т. 2. Л., 1972. (БП, БС)

58. Милькеев Евгений Лукич (1815—1845)

По изд.: Поэты 1840—1850-х годов. Л., 1972 (БП, БС)

Вавилон — см. прим. к № 19.

Поднял ты с земли дубравы... — речь идет о «садах Семирамиды» (см. прим. к № 19).

Слепое столпотворенье — имеется в виду библейская легенда о сооружении в древнем Вавилоне башни «высотой до небес» (Бытие, XI, 4—9); башня не была достроена, так как разгневанный бог смешал языки людей и они перестали понимать друг друга.

59—61. Огарев Николай Платонович (1813—1877)

59. *Как Магомет, султана враг...* — Мухаммед Али (1769—1849), наместник принадлежавшего Турции Египта, пытавшийся освободить страну от власти султана. Паша Египта с 1805 г., фактически отделил Египет от Турции.

Писать по почте не люблю я... — Огарев намекает на широко практиковавшуюся в эпоху Николая I перлюстрацию писем.

Огромный всадник виден мне — памятник Петру I, Медный всадник на Сенатской площади.

И вот дворец передо мной... — царская резиденция, Зимний дворец.

Еще страшней, чернелось зданье... — Петропавловская крепость, до революции — тюрьма для политических преступников.

Есть домик старый — см. прим. к № 3.

60. Существует предположение, что замысел стихотворения связан с планом произвести в начале 1863 г. высадку на литовское побережье отряда революционных добровольцев-поляков.

...вхожу я в город людный — имеется в виду Петербург.

...медный богатырь... — Медный всадник.

...венчанного злодея Похоронили, не жалея... — 18 февраля 1855 г. умер Николай I.

61. Существует мнение, что фамилия героя Радаев является контаминацией фамилии Радищева и Чаадаева.

...умер царь в Крыму... — Александр I умер в ноябре 1825 г. в Таганроге.

Царя он видел на параде... — имеется в виду Николай I.

62. Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883)

В стихотворении нашли отражение воспоминания Тургенева о его так называемом прямухинском (Прямухино — родовое имение Бакуниных) романе с Татьяной Александровной Бакуниной (1815—1871), одной из сестер М. А. Бакунина.

63. Пальм Александр Иванович (1822—1885)

По изд.: *Поэты - петрашевцы*. Л., 1957 (БП, БС)

64—66. Тютчев Федор Иванович (1803—1873)

По изд.: *Тютчев Ф. И. Лирика*. М., 1965. Т. 1

66. *С тобой* — обращение к памяти Е. А. Денисьевой (1826—1864). История любви Тютчева и Денисьевой отражена в знаменитом «денисьевском» цыкле поэта.

67. Аксаков Константин Сергеевич (1817—1860)

По изд.: *Поэты кружка Н. В. Станкевича*. М.; Л., 1964 (БП, БС)

В стихотворении сказалось отрицательное отношение славянофилов к реформам Петра I, которые, по их мнению, привели к отрыву рус-

ского образованного общества («публики») от исконных начал народной жизни. Стихотворение было опубликовано только в 1881 году, но оно сразу же после написания получило широкое распространение в списках и стало предметом жарких споров. Близкий к славянофильским кругам поэт М. А. Дмитриев (см. прим. к № 71) написал стихотворение «Ответ Аксакову на стихотворение „Петру Великому“», которое также в то время не могло быть напечатано в России; впервые оно было опубликовано в сборнике «Русская потаенная литература» (Лондон, 1861). Причину бед России М. А. Дмитриев видел не в реформах Петра I, который, по его словам, «с своей отчизны снял великий Застоя вечного позор», а в деятельности его преемников, «дней наших Валтасаров»:

...своротя с дороги правой
И отрекаясь от добра,
Они прикрылись лукаво
Великим именем Петра.

(Поэты 1820—1830-х годов. В 2 т. Т. 2. Л., 1972 (БП, БС). С. 58, 59, 682.)

68—70. Григорьев Аполлон Александрович (1822—1864)

69. *Манн* Ипполит Александрович (1823—1894) — знакомый Григорьева по Московскому университету, а затем по Петербургу.

70. *Калайдович* Николай Константинович (1820—1854) и *Лакьер* (Лакиер) Александр Борисович (1825—1870) — товарищи Григорьева в годы его учебы в Московском университете, позднее — петербургские чиновники.

71. Дмитриев Михаил Александрович (1796—1866)

По изд.: Поэты 1820—1830-х годов: В 2 т. Т. 2. Л., 1972 (БП, БС)

Подзаголовок имеет иронический характер. В стихотворении использовано распространенное поверье: проклятие тяготеет над Петербургом, и он погибнет от наводнения. Этой теме, в частности, посвящено анонимное стихотворение «И день настал, и истошилось...» (Анциферов Н. П. Душа Петербурга. Пг., 1922. С. 87—96).

72—79. Некрасов Николай Алексеевич (1821—1877/78)

Для понимания некрасовского урбанизма принципиальное значение имеет автобиографическое признание, содержащееся в его незаконченном романе «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» (1843—1848): «Петербург — город великолепный и обширный! Как полюбил я тебя, когда в первый раз увидел твои огромные дома, в которых, казалось мне, могло жить только счастье <...> Столько богатства и роскоши, столько всяких удобств увидел я <...> „Здесь, — думал я, — настоящая жизнь, здесь и нигде более счастье!“ — и как ребенок радовался, что я в Петербурге. Но прошло несколько лет...

Я узнал, что у великолепных и огромных домов, в которых замечал я прежде только бархат и золото, дорогие изваяния и картины,

есть чердаки и подвалы, где воздух сыр и зловреден, где душно и темно и где на голых досках, на полусгнившей соломе в грязи, стуже и голоде влачатся нищета, несчастье и преступление. Узнал, что есть несчастливцы, которым нет места даже на чердаках и подвалах, потому что есть счастливицы, которым тесны целые дома...

И я спустился в душные те подвалы, поднялся на крышу высоких домов и увидел нищету падающую и падшую, нищету, стыдливо прикрывающую лохмотья свои, и нищету, с отвратительным расчетом выносившую их напоказ (...) И сильнее поразили меня такие картины, неизбежные в больших и кипящих народонаселением городах, глубже запали в душу, чем блеск и богатства твои, обманчивый Петербург! И не веселят уже меня твои гордые здания, и все, что есть в тебе блестящего и поразительного!..» (Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 8. Л., 1984. С. 250—251).

Особая роль Некрасова в раскрытии темы Петербурга впервые была показана Валерием Брюсовым. В статье «Некрасов как поэт города» (1912) он писал: «...непосредственно к городу Некрасов возвращался постоянно то с беспощадным реализмом бытописателя, то с внезапным порывом романтика, то с проклятием, то с гимном, но всегда с сознанием значения города, его величия в современной жизни» (Брюсов В. Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. М., 1975. С. 184—185). В статье «По поводу 25-летия со дня смерти Н. А. Некрасова» Брюсов заметил: «Его сумрачные картины северной столицы могут быть поставлены рядом с лучшими стихами „Медного всадника“ и „Евгения Онегина“» (Русский архив, 1903, № 1).

72. *На то есть журналист (...)* Недорого берет! — речь идет о Ф. В. Булгарине (1789—1859), издателе-редакторе официозной газеты «Северная пчела» (1825—1859, с 1831 г.— совместно с Н. И. Гречем), продажном журналисте, тайном агенте III Отделения, который за плату печатал в своей газете хвалебные отзывы о магазинах, ресторанах, книгах и проч.

73. *Сенная* — рыночная площадь в Петербурге, здесь в те годы проводились публичные телесные наказания по приговору суда (ныне пл. Мира).

74. «*Несчастные*» — так в народе называли заключенных и каторжан.

С певцом твоих громад красивых (...) Не спорю я... — т. е. с Пушкиным, автором «Евгения Онегина» и поэмы «Медный всадник». Спор с Пушкиным, который тем не менее обнаруживается в петербургских частях поэмы, не носил у Некрасова характера отрицания его великого предшественника. Автор «Несчастных» считал необходимым показать в столичной жизни то, что было обойдено Пушкиным (Гиппиус В. В. От Пушкина до Блока. М.; Л., 1966. С. 242—243).

...За фурой вроде погребальной... — речь идет о закрытой тюремной карете, в которой перевозили арестантов.

Стогны — см. прим. к № 32.

75. Впервые это стихотворение было опубликовано за границей, в «Колоколе» (1860, 15 янв.). А. И. Герцен дал к нему такое примечание: «Мы очень редко помещаем стихи, но такого рода стихотворение нет возможности не поместить».

Сохранились многочисленные рукописные копии стихотворения. Оно широко использовалось в революционной пропаганде.

А. Я. Панаева в своих воспоминаниях рассказала эпизод, послуживший поводом к созданию стихотворения: из окна своей квартиры Некрасов видел, как дворники и городовые гнали крестьян, желавших

подать прошение, от подъезда дома важного чиновника (Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников. М., 1971. С. 86). В этом доме жил тогда министр государственных имуществ М. Н. Муравьев, который в будущем станет известен как жестокий усмиритель польского восстания 1863 г. Заключительная часть стихотворения (со слов «Назови мне такую обитель») стала одной из любимых песен революционного студенчества. Несколькими композиторами она была положена на музыку.

Записав свое имя и званье... — в праздничные дни в передних домах вельмож и крупных чиновников выставлялись особые книги, в которых расписывались посетители, не получившие возможности лично поздравить хозяина.

Аркадская — от слова Аркадия, идущий из античной литературы образ идеальной страны, счастливой, беззаботной жизни.

76. В настоящем издании печатается только первая часть стихотворения. Вторая часть — «Петербургское послание» — посвящена Москве. Опущены также развернутые иронические примечания к обеим частям стихотворения, написанные Н. А. Добролюбовым. В стихотворении иронически переосмыслены многие идеи и суждения славянофильского и умеренно-либерального толка.

...в гиперборейском... — в северном; от слова «гиперборея», — по преданиям древних греков, народ, живший далеко на севере.

Там есть и добрая: вот, например, Жуковский... — среди петербургских писателей славянофилы выделяли в положительном смысле В. А. Жуковского.

Святого ничего — одна утилитарность! — обвинение в утилитарности было традиционным для высказываний славянофилов о Петербурге.

И против гласности стишонки сочиняет! — поэты демократического лагеря высмеивали веру либералов в то, что некоторые цензурные послабления, наступившие после смерти Николая I, в 1855 г., могут привести к истинным демократическим свободам. См., напр., стихотворение Василия Курочкина «Явление гласности» (1860), в котором он иронически пишет об «умеренной, здоровой», т. е. ограниченной гласности.

77. *Что за славная столица Развеселый Петербург!* — известно несколько вариантов песни, припевом которой являются эти строки.

Слава богу, стрелять перестали! — выстрелами из пушек Петропавловской крепости население Петербурга предупреждалось об опасности наводнения.

Через длинный Исакиев мост — см. прим. к № 37.

Там одной незаметной могилы... — речь идет о могиле В. Г. Белинского на Волковом кладбище, которая в течение многих лет была затеряна. К этой теме Некрасов обращался в стихотворении «Памяти Белинского» и поэме «В. Г. Белинский» (Рейсер С. А. Революционные демократы в Петербурге. Л., 1957. С. 35—36).

Федотов П. А. (1815—1852) — русский живописец и рисовальщик, ввел в бытовой жанр драматическую сюжетную коллизию.

Тут бедняк итальянец с фигурами... — продавец гипсовых статуэток.

...рассыльный Минай с корректурами — судя по всему, реальное лицо (см. в настоящем издании одну из «Песен о свободном слове» — «Рассыльный»).

Много было до сорок девятого (...) С пятьдесят этак прорвало

пятого... — имеется в виду эпоха цензурного террора (1848—1855), когда заметно сократилось количество печатных изданий.

Я «Записки» носил с основания... — журнал «Отечественные Записки» был основан в 1818 г. П. П. Свиньным.

С «Современником» нянчусь давно: То носил к Александру Сергеечу (<...> Все ношу к Николай Алексеичу... — «Современник» был основан Пушкиным в 1836 г. С 1847 г. фактически редактором журнала был Некрасов. В доме на Литейной (совр. адрес: Литейный пр., дом 36) помещалась редакция журнала. В этом доме Некрасов жил с 1857 г. до самой смерти.

Всё резать друг дружку стараются... — имеется в виду конкурентная полемика — борьба за подписчиков.

А рассылный таскай шестьдесят! — из-за вмешательства цензуры запрещенные материалы срочно заменялись другими.

Коломна — см. прим. к № 37.

Фрейганг А. И. — цензор в 1848—1854 гг.

Краевский А. А. (1810—1899) — с 1839 г. редактор-издатель «Отечественных записок».

Я тожу уж полвека без малого... — если учесть, что, как говорит Минай (см. ниже), он ходил еще «при царице», т. е. при Екатерине II (умерла в 1796 г.), и что события, описанные в этой части, отнесены к 1859 г., то ясно — тут явный анахронизм, он ходит более 60 лет (Г и в М. От факта к образу и сюжету. М., 1971. С. 248—249).

...На Исакия смотрит, крестясь — на Исаакиевский собор (см. прим. к № 56).

Булгарин Ф. В. — см. прим. к № 72.

Греч Н. И. (1787—1867) — реакционный журналист, писатель, с 1825 г. совместно с Ф. В. Булгариным издавал журнал «Сын отечества», в 1831—1859 гг. — газету «Северная пчела».

Сенковский О. И. (1800—1858) — журналист, писатель, историк, один из зачинателей русского востоковедения, редактор и издатель журнала «Библиотека для чтения».

Воейков А. Ф. (1779—1839) — поэт, переводчик и журналист.

В Шепелевском сыпал у Жуковского... — имеется в виду дворец, где долго жил Жуковский (восточное крыло Зимнего дворца). Теперь на этом месте здание Эрмитажа, выходящее на ул. Халтурина (бывшую Миллюинову) (Иезуитова Р. В. Жуковский в Петербурге. Л., 1976).

Красные кресты — пометы цензора.

До чугунных коней на воротах застав... — ко времени создания некрасовской поэмы на двух петербургских заставах, сторожевых постах при въезде в город, были сооружены триумфальные ворота: Нарские — в честь победы в Отечественной войне 1812 г. и Московские — как памятник победам русского оружия в войнах с Персией и Турцией в 1828—1829 гг. На Нарвских воротах была установлена колесница Славы, запряженная шестеркой вздыбленных коней.

Там торчит Веллингтонов сапог... — сапог для верховой езды на вывеске сапожника (по имени герцога Веллингтона, английского государственного деятеля, 1769—1852).

Там с открытою грудью Диана... — восковой манекен в витрине парикмахерской.

Ты знаком уже нам, петербургский бедняк (<...> Любопытную жизнь бедняков... — тема, о которой идет у Некрасова речь, еще в 1840-е годы получила исключительное развитие в русской литературе. В 1850-е годы описывать жизнь петербургских бедняков стало делом не только

привычным, но даже и модным. Усрдне эпигонов вело к девальвации темы. Этим объясняется призыв Некрасова не читать «гуманных книжонок». (См. вступительную статью.)

78. ...*Николаевский мост* — ныне мост Лейтенанта Шмидта.

Минай — см. прим. к № 77.

Ослобонилась печать — имеется в виду закон о печати 6 апреля 1865 г., по которому ряд изданий освобождался от предварительной цензуры. Журнал прочитывался цензором, но уже в отпечатанном виде. Вся ответственность за опубликованные материалы возлагалась на авторов и редакторов изданий. Карательные органы получили право привлекать их к суду, вырезать «вредные» газетные материалы, уничтожать готовые книги. По сути дела реформа не облегчила положение печати.

80. Ахшарумов Дмитрий Дмитриевич (1823—1910)

По изд.: *Поэты - петрашевцы*. Л., 1957 (БП, БС)

В своих воспоминаниях Ахшарумов писал об этом стихотворении: «Оно выражает мрачное, экзальтированное, болезненное состояние человека, истомленного долгим одиночным заключением за стремление выйти из безобразной, душной окружающей нас общественной среды» (Ахшарумов Д. Д. Из моих воспоминаний. СПб., 1905. С. 90).

81. Фет Афанасий Афанасьевич (1820—1892)

Стихотворение адресовано И. С. Тургеневу.

82. Добролюбов Николай Александрович (1836—1861)

83. Кусков Платон Александрович (1839—1909)

По изд.: *Поэты 1860-х годов*. Л., 1968 (БП, МС)

Речь идет о Медном всаднике.

84. Вейнберг Петр Исаевич (1831—1908)

По изд.: *Поэты «Искры»*: В 2 т. Т. 2. 1955 (БП, БС)

Доминик — владелец известного петербургского ресторана и кондитерской.

Вольф и Рабон — владельцы кондитерских в Петербурге.

85. Щербина Николай Федорович (1821—1869)

86. Сперанский

Сведений об авторе нет. Очевидно, это псевдоним.

По изд.: *Вольная русская поэзия второй половины XIX века*. Л., 1959 (БП, БС)

«Градская дума» — имеется в виду здание Городской думы с высокой башней, расположенное на Невском проспекте.

Штеттин — немецкий город в Померании, в устье Одера. После второй мировой войны по аннексии отошел к Польше.

89. Мей Лев Александрович (1822—1862)

О господе — по воле бога.

Крепость — Петропавловская крепость.

Академия — имеется в виду или Академия художеств, или Академия наук, расположенные на набережной Невы.

...и стрелка с Биржею... — стрелка Васильевского острова, где расположено здание Торговой биржи.

...купалась под Купало... — по народному обычаю купаться нужно начинать 23 июня, в канун праздника Ивана Купалы.

Радужные бумажки — деньги.

90. Михайлов Михаил Ларионович (1829—1865)

Стихотворение посвящено памяти пятерых казненных декабристов: К. Ф. Рылеева, П. И. Пестеля, С. И. Муравьева-Апостола, М. П. Бестужева-Рюмина и П. Г. Каховского.

...В неизвестную могилу их зарыли... — тела казненных декабристов были зарыты на острове Голодае (теперь остров Декабристов).

Близ места вашей казни || Есть пышный храм... — декабристы были повешены на кронверке Петропавловской крепости. В соборе Петропавловской крепости находятся гробницы русских царей, начиная с Петра I.

91—93. Полонский Яков Петрович (1819—1898)

92. *К Петрову* (...) *в Ильин* — имеются в виду церковные праздники: Петров день — 29 июня, Ильин день — 20 июля по старому стилю.

93. Эпиграф из стихотворения Г. Р. Державина «Бог».

94. Курочкин Василий Степанович (1831—1875)

По изд.: Поэты «Искры»: В 2 т. Т. 1. Л., 1955 (БЦ, БС)

Стихотворение является откликом на пребывание в Петербурге летом 1862 г. японского посольства.

Свое стихотворение В. Курочкин сопровождал обширным ироническим, содержащим многочисленные политически острые намеки, комментарием, который написан не только от лица автора, но и от лица публикатора. В настоящем издании приводим только часть этих комментариев.

Будь благословенно имя Тентосама! — комментарий В. Курочкина: «Слову *тентосама* соответствует русское слово бог (...) Переселение душ понимается здесь довольно своеобразно: фякшо-сшто полагают, что каждая душа в сем свете имеет право свободно переходить от владельца к другому, с земли на землю, землевладельцы до последнего указа 19 февраля 1861 г. совершенно отрицали переселение душ; некоторые и теперь ограничивают это понятие переселение фякшо-сшто с земель, удобных для хлебопашества, на неудобные...»

...уци, хадомадо, Данмио, но-ками... — комментарий В. Курочкина: «Слова *уци, хадомадо, Данмио, но-ками* не исчерпывают всего содер-

жания, заключающегося в русских словах: князья, графы, дворяне, бояре, бары, благородные, высокоблагородные, сиятельные и пр. Для полнейшего ознакомления с оным предметом следует читать Павлова, Чичерина и других специалистов». В. Курочкин имеет в виду статьи о русском дворянстве юриста, историка и публициста умеренно-либерального направления Б. Н. Чичерина (1828—1904), помещенные в начале 1862 г. в реакционной газете «Наше время», редактировавшейся Н. Ф. Павловым.

...Как сказал в Пассаже баниос Ламанский — 13 декабря 1859 г. в зале петербургского Пассажа состоялся диспут о деятельности Русского общества пароходства и торговли, закончившийся скандалом. Супер-арбитр диспута Е. И. Ламанский, напуганный бурной реакцией публики на выступлении участников диспута, неожиданно закрыл заседание, заявив, что «мы еще не созрели» для публичного обсуждения важных общественных вопросов.

Арсеньев И. А. (1820—1887) — реакционный журналист.

Катков М. Н. (1818—1887) — публицист, издатель журнала «Русский вестник» и газеты «Московские ведомости». В 50-х годах — умеренный либерал. С начала 60-х годов — апологет реакционного правительственного курса, один из вдохновителей контрреформ.

Едо (Эдо) — древнее (до 1869 г.) название Токио.

«Домострой» — памятник русской литературы XVI в., свод житейских правил и наставлений. Возник в среде новгородского боярства и купечества.

...Книга в роде Дзинов... — Дзины (точнее, цзины) — книги конфуцианского канона, проникшие из Китая в Японию и получившие там очень широкое распространение.

95. Яхонтов Александр Николаевич (1820—1890)

По изд.: Поэты - демократы 1870—1880-х годов. Л., 1968 (БП, БС)

Эпиграф — из «Медного всадника» Пушкина.

Царь могучий — Петр I.

Дожили до тысячелетия — в 1862 г. праздновалось тысячелетие России.

...Упала наша борода... — в 1699 г. Петр выпустил указ о бородобритии.

Мукой напудрив парики... — парики появились в России в петровскую эпоху.

И вдруг шагнули мы далеко... — речь идет об экономических реформах 1860-х годов.

...Кредитных радужных надежд... — каламбур, в котором обыгрывается цвет тогдашней сторублевой ассигнации, которая в быту называлась «радужная».

Баден — Баден-Баден — бальнеологический курорт на территории Германии (сейчас — ФРГ).

Опекунский совет — орган дворянской опеки, контролировавший своевременное погашение платежей по заложенным имениям.

96. Апухтин Алексей Николаевич (1840—1893)

97. Буренин Виктор Петрович (1841—1926)

По изд.: Поэты 1860-х годов. Л., 1968 (БП, МС)

В стихотворении описан обряд «гражданской казни» над Н. Г. Чернышевским, проведенной 19 мая 1864 г. на Мытнинской площади в Петербурге (ныне Сад Н. Г. Чернышевского в районе пр. Бакунина).

Отделения Третьего мерзостный штаб... — имеются в виду сотрудники Третьего отделения Собственной его императорского величества канцелярии — органа политического надзора и сыска в России в 1826—1880 гг.

98—99. Минаев Дмитрий Дмитриевич (1835—1889)

По изд.: Поэты «Искры»: В 2 т. Т. 2. Л., 1955 (БП).

99. *Приап* — в античной мифологии бог — покровитель чувственных наслаждений; зд. — чувственный, сладострастный человек.

Ментор — полечитель Телемаха, сына Одиссея (Гомер «Одиссея»); наставник, воспитатель.

... *Что знает камелий он всех имена...* — камелия — нарицательное название женщины, живущей «на содержании», вошедшее в употребление после опубликования романа «Дама с камелиями» (1848), а затем и одноименной пьесы А. Дюма-сына.

Борель — ресторан в Петербурге (по имени владельца).

100—101. Шумахер Петр Васильевич (1817—1891)

По изд.: Поэты 1860-х годов. Л., 1968 (БП, МС)

101. *У Цепного моста...* — около Цепного моста (ныне Пестеля) помещалось Третье отделение (см. прим. к № 97). Впервые было опубликовано в 1908 году («Русский архив») без указания автора с пояснительным примечанием: «По поводу лекций, читанных П. Н. Рыбниковым в Третьем отделении е. и. в. канцелярии, „О порядке производства следствия (март 1872)“».

102. Щиглёв Владимир Романович (1840—1903)

По изд.: Поэты 1860-х годов. Л., 1968 (БП, МС)

Наполеон — имеется в виду французский император в 1852—1870 гг. Наполеон III (Луи Наполеон Бонапарт, 1808—1873).

103. Плещеев Алексей Николаевич (1825—1893)

В стихотворении описан дом на Лиговском проспекте, где жил перед смертью В. Г. Белинский. Квартира находилась в верхнем этаже деревянного двухэтажного флигеля дома коллежского ассессора И. Ф. Галерченкова. В 1910 г. дом снесли, на его месте был выстроен один из самых больших доходных домов Петербурга, принадлежавший А. Н. Перцову (ныне Лиговский проспект, д. 44).

104. Иванов-Классик (Иванов) Алексей Федорович (1841—1894)

По изд.: Поэты - демократы 1870—1880-х годов. Л., 1968 (БП, БС)

105. Симборский Николай Васильевич (1849—1881)

По изд.: *Поэты - демократы 1870—1880-х годов*. Л., 1963 (БП, БС)

Речь идет о знаменитой статуе Вольтера, которая была создана в 1781 г. по заказу Екатерины II французским скульптором Ж.-А. Гудоном (1741—1823), установлена в Эрмитаже.

Царь весел... — имеется в виду Николай I.

106. Морозов Николай Александрович (1854—1946)

По изд.: *Поэты - демократы 1870—1880-х годов*. Л., 1968 (БП, БС)

Морозов, революционный народник, участник покушения на Александра II, был одним из первых узников построенного во второй половине 1870-х годов петербургского Дома предварительного заключения. Отбывал пожизненное тюремное заключение в Шлиссельбургской крепости, освобожден по амнистии политическим заключенным во время революции 1905 г.

107. Неизвестный автор

По изд.: *Вольная русская поэзия второй половины XIX века*. Л., 1959 (БП, БС)

«*Der Flob*» — сатирическое издание, выходившее в Вене в 1869—1910 гг.

...бог спас монарха || От седьмого покушенья! — речь идет о покушении на Александра II.

108—109. Якубович Петр Филиппович (1860—1911)

108. *Лучший друг моей юности бедной...* — обращение к университетскому товарищу Якубовича О. И. Нагорному (1857—1914).

Там и ты, наш учитель-избранник... — имеется в виду революционный деятель народничества И. Н. Комарницкий (1860—1931).

...Первый гром... — восстание декабристов.

Он зовет — победить, или пасть! — В передовой статье «Народной воли» (1882, 5 февр., № 8-9), нелегальной газеты наиболее крупной и значительной революционно-народнической организации, было заявлено: «Победить или умереть — наш девиз».

109. В 1887 г. по «процессу двадцати одного» как руководитель «Народной воли» П. Ф. Якубович судился вместе с Г. А. Лопатиным, Н. М. Саловой и другими, был приговорен к смертной казни, замененной 18 годами каторги. Якубович после каторги смог побывать в Петербурге (28 декабря 1899 г.). Ему было разрешено заехать в столицу для посещения клиники профессора В. М. Бехтерева. Окончательно он вернулся в столицу только в 1903 г.

Орлов Михаил Петрович (1863—1934) — товарищ Якубовича по Университету и каторге.

А. В. Луначарский увидел достоинство стихотворения «в сильном и ярком выражении героического (...) идеала» («Образование». 1906. № 2. Отд. II. С. 153).

110. Дрожжиц Спиридон Дмитриевич (1848—1930)

По изд.: И. З. Суриков и поэты суриковцы. Л.; М., 1966
(Б11, БС)

Гарин Д. В. (наст. фам. Виндинг, 1853—1921) — беллетрист, журналист, актер.

111—113. Надсон Семен Яковлевич (1862—1887)

112. Надсон А. Я. — в замужестве Мокеева, сестра поэта.

114. Голеищев-Кутузов Арсений Аркадьевич (1848—1913)

По изд.: Голеищев-Кутузов А. А. Соч.: В 4 т. Т. 1. СПб., 1914

115—116. Фофанов Константин Михайлович (1862—1911)

117—118. Андреевский Сергей Аркадьевич (1847—1918)

117. По изд.: Поэты 1880—1890-х годов. Л., 1972 (БП, БС)

Написано после убийства Александра II. До Октябрьской революции не было напечатано, хотя автор читал это стихотворение на публичных собраниях.

Петропавловская крепость с конца XVIII в. стала политической тюрьмой, где томились в заключении представители нескольких поколений русских революционеров.

...*грозный в памяти молвы, || Гранитный вал...* — на валу кронверка в 1826 г. были казнены пять декабристов.

Там виден храм <...> зарыты коменданты... — Петропавловский собор был усыпальницей русских царей и членов царской фамилии. Около стен собора хоронили комендантов крепости.

...*Как Банко тень на пиришество Макбета...* — во время пиришества Макбету является призрак убитого по его приказу Банко (Шекспир В. Макбет, акт III, сцена 4).

Егова — одно из библейских имен Бога.

...*«Коль славен»...* — начало строки («Коль славен наш господь») из стихотворного переложения псалма 47, сделанного М. М. Херасковым и положенного на музыку Д. С. Бортнянским; мелодию «Коль славен...» вызывали куранты Петропавловской крепости.

118. По изд.: Андреевский С. А. Стихотворения 1878—1887.
СПб., 1898

...*башня думская* — имеется в виду башня здания Городской думы (органа городского самоуправления).

119—120. Добролюбов Александр Михайлович (1876—1944)

По изд.: Добролюбов А. Natura naturans. Natura naturata.
СПб., 1895

121—123. Коневский (Ореус) Иван Иванович (1877—1901)

По изд.: Коневский И. Стихи и проза. М., 1904

Стихи Коневского о Петербурге были высоко оценены Александром Блоком. В 1906 г. Блок писал: «...он возлюбил до боли то место, где

(...) Россия как бы сходит на нет, где она уже и Россия и не Россия, (...) местом, где пахнет и нищенским богатством Европы и богатой нищетой России, стал для Кюевского город — Петербург, возведенный на просторах болот; это место стало для поэта каким-то отправным пунктом в бесконечность, и финская Русь была воспринята им сильно, уверенно — во всей ее туманности, хляби, серой слякоти и страшной действительности.

Упрямо двоящийся образ города на болоте был воспринят как единое; на два лика накинута одно покрывало — покрывало животных глубин восприятия, пелена хаоса — магический покров» (Блок А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 5. М.; Л., 1962. С. 599; см.: Мордерер В. Я. Блок и Иван Кюевской // Литературное наследство. Т. 92. Кн. 4; Александр Блок: Новые материалы и исследования. М., 1987. С. 151—179).

123. *Ведун* — знахарь, колдун.

124—127. Сологуб (Тетерников) Федор Кузьмич (1863—1927)

127. Историю убийства ребенка во время разгрома демонстрации Сологуб описал и в рассказе «Елкич» (1906).

128—129. Соловьева Поликсена Сергеевна (Allegro, Соловьева-Allegro) (1867—1924)

128. По изд.: *Поэты 1880—1890-х годов*. Л., 1972 (БП, БС).

129. По изд.: *Соловьева Поликсена*. Последние стихи. Пг., 1923. *Евдокия* — согласно распространенной исторической легенде, царица Евдокия Федоровна Лопухина, первая жена Петра I, отстраненная от престола и насильственно постриженная в монахини, прокляла Петербург.

130—131. Щепкина-Куперник Татьяна Львовна (1874—1952)

130. По изд.: *Щепкина-Куперник Т. Л. Мои стихи*. М., 1901.

131. По изд.: *Женская лира*. СПб., 1910.

132. Коринфский Аполлон Аполлонович (1868—1937)

По изд.: *Поэты 1880—1890-х годов*. Л., 1972 (БП, БС)

К. М. Фофанов (1862—1911) — поэт, с которым Коринфского связывали дружеские отношения.

133. Анненский Иннокентий Федорович (1855—1909)

В черновом автографе четвертой строфы стихотворения есть вариант второго стиха, зачеркнутый, очевидно, как неприемлемый для цензуры: «Чем силен еще хищник двуглавый». «Поэтическая трактовка темы Петербурга у Анненского, — пишет А. Федоров, — созвучна той, какую она получила в середине XIX столетия у Некрасова и Аполлона Григорьева» (Федоров А. Иннокентий Анненский. Л., 1984. С. 90).

...гигант на скале... — фигура Петра I; имеется в виду памятник работы Фальконе (Медный всадник).

134. *Смуглым золотом Исакий...* — имеется в виду позолоченный купол Исаакиевского собора.

Альков — углубление, ниша в стене (обычно служащая спальней).

135. *...И на мосту, с дыблящего коня // И с бронзового юноши нагого...* — имеется в виду одна из скульптурных групп на Аничковом мосту (см. прим. к № 143, 175).

136—138. Иванов Вячеслав Иванович (1866—1949)

По изд.: И в а н о в Вячеслав. Стихотворения и поэмы. Л., 1976 (БН, МС)

136. *На башне* — вернувшись в 1905 г. из-за границы, В. Иванов поселился в Петербурге на Таврической улице (дом 25, сейчас дом 35). Его квартира на седьмом этаже имела башню, выступающую над крышей. «Башня» В. Иванова стала известным литературно-художественным салоном, где по средам собирались писатели, художники, артисты — представители различных группировок творческой интеллигенции. «Среды» В. Иванова посещали Блок, Белый, Брюсов, Волошин, Кузмин, Городецкий, Мережковский, З. Гипсияус, Чуковский, Мейерхольд, Ахматова, Пяст. Здесь бывали Горький и Луначарский. (К о б а к А., С е в е р ю х и Д. «Башня» на Таврической (биография дома) // Декоративное искусство. 1987. № 1).

Л. Д. Зиновьева-Аннибал — жена Вячеслава Иванова, писательница. (см. прим. к № 139).

Сивилла (сибилла) — в греческой мифологии пророчица, прорицательница, в экстазе предрекающая будущее (обычно бедствия).

Пальмира — древний город на территории Сирии, расцвет его относится к I—III вв.

Вакх — в античной мифологии одно из имен бога растительности, вина и веселья, виноградарства и виноделия Диониса.

Менада — (букв. иступленная), в Древней Греции — жрица Вакха, вакханка.

137. *...Слышу медного скаканья заглушенный тяжкий топот...* — реминисценция из поэмы Пушкина «Медный всадник».

138. Два сфинкса, вывезенные из древних Фив (Египет), были установлены на набережной Невы у Академии Художеств в 1834 году.

Изида (Исида) — в египетской мифологии богиня воды, плодородия, ветра, волшебства, мореплавания, охранительница умерших, олицетворение супружеской верности и материнства. Изображалась женщиной с головой или рогами коровы.

Тиара — головной убор древних персидских и ассирийских царей.

139. Зиновьева-Аннибал Лидия Дмитриевна (1866—1907)

По изд.: Б е л ы е н о ч и. СПб., 1907

Празелень — иссиня-зеленоватый цвет.

140—145. Валерий Яковлевич Брюсов (1873—1924)

140, 141, 142, 144, 145. По изд.: Б р ю с о в Валерий. Собр. соч.: В 7 т. Т. 1, 2. М., 1973.

140. *Евгений* — герой поэмы Пушкина «Медный всадник». Как отметил сам автор, для понимания стихотворения надо «возобновить в памяти» поэму Пушкина и стихотворение Ф. И. Тютчева «14-е декабря 1825», в частности такие строки:

...о жертвы мысли безрассудной!
Вы упали, может быть,
Что станет вашей крови скудной,
Чтоб вечный полюс растопить!
Едва дымясь, она сверкнула
На вековой громаде льдов!
Зима железнаядохнула,
И не осталось и следов.

Выражения, которые в тютчевском тексте Брюсов выделил курсивом, отозвались в его стихотворении (Брюсов Валерий. Собр. соч. Т. 1. М., 1973. С. 648—649).

...*Покинутой рати ложились тела...* — имеется в виду расстрел участников восстания декабристов на Сенатской площади.

141. *Александровский столп* — реминисценция из стихотворения А. С. Пушкина «Памятник». Речь идет об Александровской колонне (см. прим. к № 56).

...*колонна Рима* — имеется в виду античный памятник в Риме (колонна Траяна). В XVI в. вместо статуи императора Траяна на колонну была поставлена статуя апостола Петра.

...*Двух древних сфинксов...* — см. прим. к № 138.

142. *Сансовино* (наст. фам. Татти) Якопо (1486—1570) — знаменитый итальянский архитектор и скульптор, создатель ряда архитектурных ансамблей в Венеции, представитель Высокого Возрождения.

Ле-Нотр (Ленотр) Андре (1613—1700) — французский архитектор, создатель версальских парков, представитель классицизма.

Кесарь-Август — римский император Август (63 г. до н. э.—14 г. н. э.).

Ликург — легендарный спартанский законодатель (IX—VIII вв. до н. э.), которому греческие авторы приписывают создание институтов спартанского общества и государственного устройства.

143. По изд.: Стихи Нелли с посвящением Валерия Брюсова. М., 1913.

Данное стихотворение — одно из 29, вошедших в книгу, автором которой на титульном листе была названа некая Нелли. Книга открывалась сонетом Брюсова, обращенным к поэтессе, в котором были и такие слова: «Твои стихи — печальный опыт страстей ненужных, ложных слов...». Некоторые критики поверили в авторство никому не известной Нелли. Но довольно скоро мистификация Брюсова была раскрыта. В архиве поэта сохранились стихотворения, приписанные никогда не существовавшей поэтессе. Брюсов готовил, но так и не издал вторую книгу стихов Нелли. Хотя вопрос об авторстве «Стихов Нелли» давно решен, эта книга никогда не включалась в посмертные издания сочинений Брюсова (Лавров А. В. «Новые стихи Нелли» — литературная мистификация Валерия Брюсова // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник. 1985. М., 1987).

...*у коней своих, || Литые юноши застыли* — имеются в виду четыре скульптурные группы, установленные на Аничковом мосту (см. прим. к № 175) через Фонтанку, изображающие укрощение коня. Автор — П. К. Клодт (1805—1867).

144. *Три кумира* — три памятника в Петербурге: Петру I (Медный всадник), Николаю I и Александру III (см. прим. к № 173).

145. Эпиграф из «Медного всадника» А. С. Пушкина.

...твердыни призрачной крепости... — имеется в виду Петропавловская крепость.

146—153. Блок Александр Александрович (1880—1921)

По изд.: Блок А. А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 1—3. М., 1960

Говоря о чертах действительности, о Петербурге в поэзии Блока, Борис Пастернак писал в автобиографическом очерке «Люди и положения» (1956): «Суммарным миром, душой, носителем этой действительности был город блоковских стихов, главный герой повести, его биографии» (Пастернак Б. Воздушные пути. М., 1982. С. 430).

146. В примечаниях к изданию «Собрания стихотворений» (1911) Блок отметил, что это стихотворение «внушено статуями бар(она) Клодта на Анничковом мосту в Петербурге» (см. прим. к № 143).

147. *Евг. Иванов* (1879—1942) — литератор, ближайший друг Блока. При первой публикации (альманах «Белые ночи», 1907) это стихотворение и стихотворение «Поединок» были напечатаны под общим заглавием «Петербургская поэма». В ней есть перекличка с лирическим очерком Е. П. Иванова «Всадник (Нечто о городе Петербурге)», напечатанном в этом же альманахе. В очерке Петербург предстает как «тайна», которую «мы все призваны (...) разгадывать» и которая скоро раскроется, потому что какая-то «неведомая буря» разбудит Всадника. В примечаниях ко 2-му тому своего Собрания сочинений Блок указал, что стихотворение «Петр» «внушено ему памятником Петру I (Медным всадником).

148. За два дня до того, как было написано это стихотворение (16 октября 1905 г.), Блок писал Е. П. Иванову: «Все дни брожу по городу и смотрю кругом (...) Петербург упоительнее всех городов мира, я думаю, в эти октябрьские дни».

Город всемирный — Петербург.

Предок царственно-чужуный — имеется в виду Медный всадник.

Уже на домах реют флаги... — флаги были вывешены в связи с опубликованием царского манифеста 17 октября 1905 г. («Об усовершенствовании государственного порядка»).

150. *Сотка* — имеется в виду водочная бутылка, в которую входила одна сотая часть ведра.

151. *Но сфинкса с выщербленным ликом...* — см. прим. к № 138.

152. *Сфинкс глядит...* — см. прим. к № 138.

Ангел на шпиге крепостном... — фигура ангела венчает шпиль колокольни Петропавловского собора.

Державный Основатель — Петр I.

Грозь Артуром и Цусимой... — имеются в виду два крупных поражения русских войск в войне с Японией 1905 г.: сдача после тяжелой обороны крепости Порт-Артур и разгром русского флота в битве при острове Цусима.

154. Белый Андрей (Бугаев Борис Николаевич, 1880—1934)

В. К. Иванова — Вера Константиновна Иванова-Шварсалон, дочь Л. Д. Зиновьевой-Аннибал и падчерица Вячеслава Иванова. Речь идет о колоритном быте петербургской квартиры поэта Вячеслава Иванова

(см. прим. к № 136). О своих впечатлениях от хозяина и гостей «башни» Белый рассказал в книге воспоминаний «Начало века» (глава «Башенный житель») (М.; Л., 1933).

Кузмин Михаил Алексеевич (1872—1936) — поэт, переводчик, критик, исполнял свои музыкальные произведения, написанные на собственные слова, в то время жил в квартире Иванова на «башне».

Вячеслав — Вячеслав Иванов, поэт.

*Г***, аполлоновец победный* — Н. С. Гумилев, деятельный сотрудник журнала «Аполлон», издававшегося с осени 1909 г.

155, 156. Волошин (Кириенко-Волошин)
Максимилиан Александрович (1877—1932)

155. По изд.: Волошин М. Стихотворения. Л., 1977 (БП, МС)

Стихотворение написано в июне 1905 г. Поставив дату «9 января 1905», Волошин подчеркнуто обозначил, какие события имеются в виду. Он приехал в Петербург утром 9 января и стал свидетелем событий Кровавого воскресенья. Волошин описал их в статье «Кровавая неделя в Санкт-Петербурге», которая была опубликована во французском журнале «Европейский курьер» (1905, февр.).

Немезида (Немесиды) — в греческой мифологии богиня возмездия, карающая за преступления; возмездие.

Мартовские Иды — по древнеримскому календарю — 15 марта. В этот день в 44 г. до н. э. заговорщиками был убит диктатор Гай Юлий Цезарь.

Скинния — шатер, переносной храм у древних евреев, которым они пользовались после исхода из Египта и до того, как был построен храм в Иерусалиме; зд. — вообще храм. Согласно Евангелию в момент смерти Христа «завеса в храме раздралась надвое, сверху донизу» (Марк, гл. 15, ст. 38).

Голгофа — холм близ Иерусалима, на котором совершались казни и где, согласно Евангелию, был распят Иисус Христос; синоним мученичества и страданий.

Нам солнце гневное явило лик тройне... — Волошин заметил, что 9 января в небе над столицей были видны три солнечных диска, он написал об этом в упомянутой выше статье.

Пентаграмма — правильный пятиугольник, в средние века — рас пространенный магический знак.

156. По изд.: Волошин М. Anno mundi ardentis. 1915. М., 1916.

Бальмонт К. Д. (1867—1942) — поэт-символист.

Демидург — мастер, творец, создающее начало (*лат.*).

... в стране (...) *Рифейской*... — т. е. России, от древнего названия Уральских гор — Рифейские.

Ликей (лицей, от гр. Λυκείον) — название роши при храме Аполлона Ликейского близ Афин, где учил Аристотель, учебное заведение; *мирт* — род вечнозеленых деревьев и кустарников; *палестра* — в Древней Греции гимнастическая школа для мальчиков.

...*граф де Местр* Жозеф Мари (1753—1821) — французский публицист, политический деятель и религиозный мыслитель. 14 лет прожил в России (1803—1817) в качестве посланника сардинского короля. Ему была близка идея европеизации русского самодержавия. Взгляды де Местра оказали некоторое влияние на работы П. Я. Чаадаева и Ф. И. Тютчева. В предисловии к своей книге «Петербургские вечера»

де Местр писал о Петре I: «Все, что слышит ухо, все, что созерцает глаз на этой великолепной сцене, существует лишь мыслью того мощного ума, что воздвиг на болоте столько горделивых зданий. На этих печальных берегах, откуда природа изгнала жизнь, Петр расположил столицу и создал себе подданных» (об этом периоде жизни де Местра см.: Степанов М. Жозеф де Местр в России // Литературное наследство. Т. 29/30. М., 1937. С. 577—626). Впрочем, отношение де Местра к Петру I было сложным. Так, в письмах к князю П. Б. Козловскому, в те годы чрезвычайному посланнику в Сардинии, он писал в 1815 г. о том, что Петр «поставил вас (русских.— М. О) в ложное отношение к чужим краям», что он «чрезвычайно виноват перед вами именно недостатком уважения к своему народу» (Русский архив. 1866. № 10. С. 1501—1502).

157. Кондратьев Александр Алексеевич (1876—1967)

По изд.: Новый путь. 1904. № 4.

158. Зоргенфрей Вильгельм Александрович (1882—1938)

По изд.: Зоргенфрей В. А. Страстная суббота. Пг., 1922.

159. Соловьев Сергей Михайлович (1885—1942)

По изд.: Соловьев С. Апрель. М., 1910.

...Версаль — крупнейший дворцово-парковый ансамбль в стиле французского классицизма XVII—XVIII вв., расположенный в пригороде Парижа.

Бельт — см. прим. к № 28.

Психея (Психея) — в греческой мифологии олицетворение человеческой души, изображалась в образе бабочки или девушки с крыльями бабочки. *Венус* (Венера) — в римской мифологии богиня любви и красоты; *Фрина* — греческая гетера, отличавшаяся необыкновенной красотой (IV в. до н. э.). В коллекции Русского музея есть картина академика Г. Семирадского «Фрина на празднике Посейдона в Олимпии».

Крин — лилия.

Купидо (Купидон) — в римской мифологии божество любви, изображавшееся в виде крылатого мальчика с луком.

160. Чулков Георгий Иванович (1879—1939)

По изд.: Золотое руно. 1908. № 6.

161. Пяст (Пестовский) Владимир Алексеевич (1886—1940)

По изд.: Пяст В. Ограда. М., 1909

Статуй домики седые — дощатые футляры, которыми укрывают на зиму статуи Летнего сада.

162. Кричевский Юрий Борисович (1885—1942)

По изд.: Кричевский Ю. Невод. Пг., 1919.

163. Б. Дикс (Лемап Борис Алексеевич, 1880—1945)

По изд.: Дикс Б. Стихотворения. Спб., 1909

164. Ладыженский Владимир Николаевич (1859—1932)

По изд.: Русская стихотворная сатира 1908—1917 годов. Л., 1974 (БП, БС)

165. Потемкин Петр Петрович (1886—1926)

По изд.: Поэты «Сатирикона». М.; Л., 1966. (БП, БС)

Дворцовый мост — соединяет левобережную часть города (у Зимнего дворца) с Васильевским островом.

За крепостной иглою — за шпилем Петропавловского собора.

Прачечный мост — через Фонтанку около Летнего сада. Часть набережной, от Фонтанки до Дворцового моста, — наиболее парадная, называлась Дворцовой.

166—168. Черный Саша (Гликберг Александр Михайлович, 1880—1932)

167. *Чуйка* — длинный суконый кафтан; зд.: петербургский извозчик.

168. *Елагин остров* — один из островов Невской дельты.

Стрелка — имеется в виду западная оконечность Елагина острова, место прогулок горожан.

169. Горяиский (Иванов) Валентин Иванович (1888—1944)

По изд.: Поэты «Сатирикона». Л., 1966 (БП, БС)

Орфей — певец, в греческой мифологии фракийский певец, сын музы эпоса Каллиопы. Чудесным пением очаровывал богов и людей, укрощал дикие силы природы.

Эллада — название Греции на греческом языке.

Невский — дом девяносто — в этом доме помещалась редакция ежемесячного журнала «Читальня народной школы».

Пристав — в дореволюционной России начальник полиции небольшого административного района.

170. Князев Василий Васильевич (1887—1938)

По изд.: Поэты «Сатирикона». М.; Л., 1966 (БП, БС)

171. Тэффи (Бучинская Надежда Александровна, 1876—1952)

По изд.: Поэты «Сатирикона». М.; Л., 1966 (БП, БС)

Азра — страдающий от любви герой с таким именем есть в книге Стендаля «О любви» и в стихотворении Г. Гейне «Азр».

Мост Аничков — см. прим. к № 175.

Гороховая шуба — «гороховое пальто» — широко распространенный в те годы кличка полицейского агента.

172—173. Городецкий Сергей Митрофанович (1884—1967)

172. По изд.: Кривое зеркало. 1910. № 39.

...всадник с буйственной дланью... — Медный всадник.

173. По изд.: Городецкий Сергей. Ива: Пятая книга стихов. СПб., 1913.

Адмиралтейства славный шпиль... — позолоченный шпиль Адмиралтейства, увенчанный корабликом, стал своеобразным символом города на Неве.

И Стрелки полуостровов — Стрелка — оконечность Васильевского острова в той части, где Нева делится на два широких рукава — Большую и Малую Неву.

Морская — вероятно, имеется в виду Малая Морская улица (ныне ул. Гоголя), где с 1833 по 1836 г. жил Гоголь.

Альмавива — широкий мужской плащ особого покроя.

Один в плаще... — Петр I.

...красавец в каске медной... — Николай I, имеется в виду памятник на Исаакиевской площади (автором проекта памятника был архитектор О. Р. Монферран (1786—1858), модель конной статуи выполнил скульптор П. К. Клодт (1805—1867). Николай I был шефом лейб-гвардии конного полка, поэтому и на памятнике он изображен в мундире конногвардейца.

А третий... — Александр III, имеется в виду памятник Александру III, стоявший с 1909 по 1937 г. на Знаменской площади (с 1918 г. — площадь Восстания). Автор — П. П. Трубецкой (1866—1938). Царь изображен сидящим в седле на грузном коне, натягивающим поводья. Ныне памятник находится во дворе Русского музея.

...у Азийских... — т. е. у Азиатских.

Заслышав бить несчастных гул — имеется в виду ряд поражений, которые потерпели русские войска в войне с Японией 1905 г.

174. Кузмин Михаил Алексеевич (1872—1936)

По изд.: Кузмин М. А. Осенние озера. М., 1912 (см. прим. к № 154)

175—176. Княжнин (Ивойлов) Владимир Николаевич (1883—1942)

175. По изд.: Любовь к трем апельсинам. 1914. № 6—7.

Владимир Пяст — литературный псевдоним Пестовского Владимира Алексеевича (см. прим. к № 161).

Бульвар Конногвардейский — ныне бульвар Профсоюзов.

Сенат — с первой половины XIX в. высший судебный орган в России, осуществлявший надзор за деятельностью государственных учреждений и чиновников. В начале XX в. размещался в здании на Сенатской площади (ныне пл. Декабристов), построенном в 1829—1834 гг. по проекту К. И. Росси (1775—1849). Высокая арка, переброшенная над Галерной (ныне — Красная) улицей, соединяет здание Сената со зданием Синода (высшего органа по делам русской православной церкви).

За сенью Фельтенских оград — имеется в виду знаменитая решетка Летнего сада (см. прим. к № 32).

Альмавива — см. прим. к № 173.

Вандемьер — название первого месяца (22/23 сентября — 21/22 октября) французского республиканского календаря (1793—1805) (фр. vendémiaire, от лат. vindemia — сбор винограда).

Флореаль — восьмой месяц (20/21 апреля — 19/20 мая) этого календаря (фр. floréal, от лат. florens — изобилующий цветами).

Диатриба — резкая, желчная речь; зд.: ругань.

Олонцкие мужики — жители земель, расположенных в бассейне реки Олонки (около Ладожского озера).

Калинкин мост — мост через Пантанку в нижнем ее течении.

Эллинг — крытое сооружение для постройки и ремонта судов, хранения яхт.

Коломна — см. прим. к № 37.

...дом, где жил Державин... — Г. Р. Державин жил в собственном доме на набережной Фонтанки (ныне дом № 118).

И синий Троицкий собор — расположен на Измайловском проспекте недалеко от Фонтанки, построен в 1828—1835 гг. В. П. Стасовым (1769—1848). Купол собора выкрашен в синий цвет.

Бурков дом — имеется в виду дом на набережной Фонтанки рядом с бывшей Обуховской больницей. Бурков — вымышленный владелец этого дома, подробно описанного в повести А. М. Ремизова «Крестовые сестры» (1910).

Аничков мост — мост через Фонтанку на Невском проспекте. В нынешнем виде мост существует с середины прошлого века. Название моста происходит от находившейся недалеко Аничковой слободы, построенной рабочим батальоном, которым руководил подполковник Аничков. Он же был и строителем первого (еще деревянного) Аничкова моста.

Кони Клода — т. е. Клодта (см. прим. к № 143).

Замок Павловых времен — см. прим. к № 34.

176. По изд.: *Gaudeamus*. 1911. № 6.

Гелиос — в греческой мифологии бог солнца.

177. *Северянин* (Лотарев) *Игорь Васильевич* (1887—1941)

По изд.: *Северянин И.* Стихотворения. Л., 1979 (БП, МС)

Острова — место гуляний в Петербурге (острова Каменный и Елагин).

Ландо — зд.: легковой автомобиль.

Гривуазно (фр. grivois) — легкомысленно, нескромно.

Рокамболь — персонаж авантурных романов французского писателя Понсон де Террайля (1829—1871) «Похождения Рокамболя».

178, 179. *Цензор Дмитрий Михайлович* (1877—1947)

178. По изд.: *Цензор Дм.* Стихотворения, 1903—1938. Л., 1940.

179. По изд.: *Новый Сатирикон*. 1914. № 20.

180. *Юнгер Владимир Александрович* (1883—1918)

По изд.: *Юнгер В.* Песни полей и комнат (1911—1913). СПб., 1914.— Оба стихотворения входят в цикл «Нежная весна»

181. *Скалдин Алексей Дмитриевич* (1885—1943)

По изд.: *Скалдин А.* Стихотворения. СПб, 1912.

182. *Хлебников Велимир (Виктор Владимирович)* (1885—1922)

По изд.: *Хлебников Велимир.* Стихотворения. Поэмы. Драммы. Проза. М., 1986.

Каменский В. В. (1884—1961) — поэт, друг и первый издатель Хлебникова.

...златом сияющая игла <...> кладбище царей... — имеется в виду Петропавловский собор (см. прим. к № 90).

Неясыть, Дегинец — пороги на Дявпре.

Тучков — мост через Малую Неву, соединяющий Васильевский остров с Петербургской (Петроградской) стороной.

183. Бедный Демьян (Придворов Ефим Алексеевич, 1883—1945)

Не дом ли то другой... — намек на царствующий дом Романовых, который в это время готовился отметить 300 лет существования династии (1913). По замыслу поэта, эпитафия должен был замаскировать антимонархический характер стихотворения. В письме к журналисту П. П. Мирецкому он писал в мае 1913 г.: «Вы обратили ль внимание, что у меня несколько эпитафий служат специально для проведения под их флагом контрабанды, вроде басни „Дом“. Уберите эпитафия — и „Дом“ погибнет по 128 ст(атье)» (Демьян Бедный. Собр. соч.: В 5 т. Т. 5. М., 1954. С. 271). Имеется в виду 128 статья Уголовного уложения, предусматривающая меры против публикации материалов антигосударственного характера.

184, 185. Зенкевич Михаил Александрович (1891—1973)

184. По изд.: Зенкевич М. Избранное. М., 1973.

Протуберанец — светящийся выступ над поверхностью солнца, особенно заметный на краях солнечного диска во время солнечных затмений.

...morituri || С криком «Ave»... — имеется в виду приветствие римских гладиаторов, обращенное к императору: «Ave, Caesar, morituri te salutant» (Здравствуй, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя).

185. По изд.: Зенкевич, Михаил. Набор высоты. М., 1937.

186, 187. Лозинский Михаил Леонидович (1886—1955)

По изд.: Лозинский М. Горный ключ. М.; Пг., 1916

186. *И крылья торжественных ростров...* — речь идет о роstralных колоннах, служивших маяками. Они сооружены по проекту Тома де Томона (1810). На стволах колонн размещены металлические изображения носовых частей кораблей — ростров, отсюда и их название.

188—193. Мандельштам Осип Эмилевич (1891—1938)

188. *Правовед* — ученик Училища правоведения (привилегированного учебного заведения).

Адмиралтейство — см. прим. к № 1.

Порфира — длинная пурпурная мантия, надеваемая монархами в торжественных случаях.

Власяница — грубая волосяная одежда, которую носили на голом теле отшельники, монахи в знак смирения.

Сбитень — горячий напиток, варится на меду с использованием пряностей.

Сайка — небольшая булочка из пшеничной муки.

189. *Адмиралтейство* — см. прим. к № 1.

190. Стихотворение написано в связи со столетием со дня смерти архитектора А. Н. Воронихина (1759—1814), по проекту которого был построен Казанский собор в Петербурге.

Гигант — Исаакиевский собор в Петербурге.

191. *Виссон* — драгоценная ткань.

Столпник-ангел — статуя ангела, расположенная на Александровской колонне.

Черно-желтый лоскут — штандарт, императорское знамя (желтое, с черным двуглавым орлом). Такой штандарт был введен Петром I после того, как русские взяли крепости Хотенбург и Ниеншанц, овладевши устьем Невы. Черный двуглавый орел изображался с картами четырех морей в клювах и лапах. Новый штандарт заменил так называемый флаг царя Московского — бело-сине-красное полотнище с золотым двуглавым орлом.

192. *Прозерпина* — в римской мифологии богиня плодородия и подземного царства.

Афина — в греческой мифологии богиня войны и победы, а также мудрости, знаний, искусств и ремесел. Дочь Зевса, родившаяся в полном вооружении (в шлеме и панцире) из его головы, по некоторым мифам — дочь Океана.

194—196. Гумилев Николай Степанович (1886—1921)

194, 195. По изд.: Гумилев Николай. Костер. СПб., 1918.

194. Судя по всему, в стихотворении имеется в виду Распутин (Новых) Г. Е. (1872—1916), фаворит царя Николая II и его жены Александры Федоровны. Написано до смерти Распутина. О «Мужике» с восхищением писала Марина Цветаева, особо отмечая «чувство истории», проявленное поэтом в этом стихотворении. (Цветаева М. Избранная проза: В 2 т. Т. 1. New York, 1979. С. 350—351).

...крики *Стрибожьи*... — от слова Стрибог — божество древнерусского пантеона, кумир которого был установлен в Киеве в 980 году.

196. По изд.: Альманах «Творчество». Кн. 1. М.; Пг., 1917.

197—200. Ахматова (Горенко) Анна Андреевна (1889—1966)

197. ...*под аркой на Галерной*... — в начале Галерной (ныне Красной) улицы расположена арка, соединяющая здания бывших Сената и Синода (см. прим. к № 175).

198. *Солея* — в православной церкви возвышение перед икопостасом.

201. Нарбут Владимир Иванович (1888—1938)

По изд.: Аргус. 1913. № 7.

Четыре черных и громоздких, || Неукротенных жеребца... — см. прим. к № 143.

Не тот ли (...) Кто даже бурю усмирял? — Петр I.

202. Адамович Георгий Викторович (1894—1972)

По изд.: Адамович Г. Чистилище. Пг., 1922.

1801 — год, когда заговорщиками был убит император Павел I.

203—206. Иванов Георгий Владимирович (1894—1958)

203, 205. По изд.: Иванов, Георгий. Вереск. М.; Пг., 1916.

204, 206. По изд.: Иванов, Георгий. Памятник славы. Пг., 1915.

204. *Блестит колонна серебром* — имеется в виду Александровская колонна (см. прим. к № 56).

206. *Адмиралтейства белый циферблат...* — часы на здании Адмиралтейства.

Над статуями Зимнего дворца... — парапет кровли Зимнего дворца и фронтоны ризалитов (выступающих частей здания) украшены многочисленными статуями.

И стройной Александровской колонной — см. прим. к № 56.

207. Лозина-Лозинский Алексей Константинович (1886—1916)

По изд.: Л о з и н а - Л о з и н с к и й А. Благочестивые путешествия. Пг., 1916

Эпиграф 1-й — из поэмы «Медный всадник».

Эпиграф 2-й — неточная цитата из повести «Записки из подполья» (1864). У Достоевского: «...в Петербурге, самом отвлеченном и умышленном городе на всем земном шаре».

Ладга — пригород Петербурга на берегу Финского залива.

На шпиль Исакия... — над главным куполом Исаакиевского собора есть смотровая площадка, туда ведет лестница, расположенная внутри купола.

Квазимодо — персонаж из романа В. Гюго «Собор Парижской богородицы» (1831).

Кесарь — греческая форма латинского слова Цезарь, обозначающего титул римских и византийских императоров. Здесь в смысле: храм-господин.

208. Струве Михаил Александрович (1890—1948)

По изд.: С т р у в е М. Стая. Пг., 1916

209. Кузьмина-Караваева Елизавета Юрьевна (1891—1945)

По изд.: К у з ь м и н а - К а р а в а е в а Е. Руфь. Пг., 1916

Треба — молитва или церковный обряд, совершаемые по заказу отдельных верующих (молебн, панихида, крестины).

В стихотворении нашли отражение переживания, связанные с первой мировой войной.

210—214. Лившиц Бенедикт Константинович (1887—1939)

По изд.: Л и в ш и ц Б. Кротонский полдень. М., 1928

Включенные в настоящий сборник стихотворения Бенедикта Лившица являются частью большого цикла, посвященного Петербургу. Почти полностью (25 стихотворений) цикл вошел в сборник «Кротонский полдень» (раздел «Болотная Медуза»). Несколько стихотворений цикла, не вошедших в этот сборник, опубликованы в кн.: Семь и тика городской культуры: Петербург. Тарту, 1984.

210. *...не могут коноводы Сдержатъ ужаленных коней...* — см. прим. к № 143.

Хрия — в риторике — речь, рассуждения на заданную тему, составленные по определенным правилам; зд.: пример, образчик.

Черныши — этим неологизмом Б. Лившиц обозначил ту часть города, где находился Чернышов мост (ныне Ломоносова) и Чернышова площадь (ныне Ломоносова). Сообщено вдовой поэта Е. К. Лившиц.

211. ... *крест латинский*... — внутри Казанский собор имеет форму Латинского креста (нижний конец длиннее остальных) с закруглениями на его коротких концах.

И своенравца римский сон... — имеется в виду император Павел I, который пожелал, чтобы Казанскому собору было придано формальное сходство с собором Петра в Риме.

Гиперборейский травертин — гиперборейский северный (см. прим. к № 76).

Травертин — камень, применявшийся в Италии для архитектурных сооружений. Стелы и наружные колонны Казанского собора сложены из пудожского камня — известняка особого сорта, по цвету и свойствам напоминающего римский травертин.

Стоять колумбовым яйцом — поэт обыгрывает крылатое выражение «колумбово яйцо»: смысл, находчивое решение сложного вопроса. При строительстве купола собора Воронихин применил необычное решение: поставил его на сравнительно тонкие устои, чем был достигнут поразительный эффект легкости.

212. *Полдневных пленниц мусикия* — имеются в виду мраморные статуи Летнего сада: *полдневные* — южные, *мусикия* — музыка.

Устами каждого щита! — имеется в виду элемент украшения из чугунной решетки Летнего сада со стороны Инженерного замка: щит героя древнегреческой мифологии Персея и голова побежденной им горгоны Медузы (архитектор — Л. И. Шарлемань 1791).

213. *Зодчий твой* — архитектор А. Д. Захаров (1761- 1811).

Руст — грубо отесанный камень, употребляемый в особой кладке — рустике. Далее в стихотворении упоминаются различные архитектурные детали Адмиралтейства.

На воинозранимый аттик... — на четырех углах центральной части здания, аттика, помещены четыре фигуры воинов Александра Македонского, Ахилла, Аякса и Пирра (скульптор Ф. Ф. Щедрин; 1751—1825).

Где снов Петровых колыбель... — Петропавловский собор, где похоронен Петр I.

214. Речь идет о так называемой Фондовой бирже, построенной в 1805—1810 гг. на стрелке Васильевского острова. Ныне в этом здании Военно-Морской музей. На фронте Биржи расположена скульптурная группа, в центре которой — бог морей Посейдон с трезубцем в руке.

Жаровни на треножниках... — специальные устройства на вершинах роstralных колонн-маяков (см. прим. к № 186), в которых зажигался огонь. С 1957 г. яркие факелы зажигаются на колоннах в дни праздников.

Аквилон — в древнеримской мифологии бог северного ветра; северный ветер.

Чтоб утешался мстительный Гваренги || Слоноподоб горем пестумских колонн?... — проект здания Биржи, предложенный архитектором Дж. Кваренги (1744—1817), был признан неудачным, начато строительство по приказу Александра I было в 1801 г. прекращено. Архитектор Тома де Томон (1760—1813) разработал новый проект, по которому на этом же месте и была построена Биржа (1805—1810). Колонны Биржи выполнены по образцу колонн античного храма в Пестуме.

215. Парнок София Яковлена (1885—1933)

По изд.: Парнок София. Стихотворения. Пн., 1916

216, 217. Моравская Мария Людвиговна (1889—1947)

216. По изд.: Моравская М. На пристани. Пг., 1914.

217. По изд.: Новая жизнь: Литературно-общественный альманах.
5. М., 1916.

218. Бруни Николай Александрович (1891—1938)

По изд.: Голос жизни. 1915. № 8.

219, 220. Агнивцев Николай Яковлевич (1888—1932).

Агнивцев — автор одной из самых ярких поэтических книг, посвященных Петербургу. В 1921 г. в Тифлисе он выпустил сборник стихов «Санкт-Петербург», а в 1923 г. в расширенном варианте под названием «Блистательный Санкт-Петербург» сборник был издан в Берлине. Представление об этой книге, об основных мотивах, которые объединяют стихотворения сборника, может дать одно из них. Впервые стихотворение «Странный город» было опубликовано в харьковской газете «Южный край» (1919, № 101, 9 окт.). Оно посвящено писателю Н. Г. Шебуеву (1874—1937).

Странный город

Н. Г. Шебуеву

Санкт-Петербург — гранитный город,
Внесенный Словом над Невой,
Где небосвод давно распорот —
Адмиралтейскою иглой!

Как явь вплелись в твои туманы
Виденья двухсотлетних снов,—
О, самый призрачный и странный
Из всех российских городов!

Недаром Пушкин и Растрелли,
Сверкнувши молнией в веках,
Так титанически воспели
Тебя — в граните и — в стихах!

И — майской ночью в белом дыме,
И — в завываньи зимних пург —
Ты — всех прекрасней,— несравнимый
Блистательный Санкт-Петербург!

219. По изд.: Двадцатый век. 1913. № 23.

Харон — в греческой мифологии перевозчик умерших через реки подземного царства до врат Аида; для уплаты за перевоз покойнику клали под язык монету — один обол.

Как кит, проглотивший десяток Ион! — имеется в виду история Ионы, который три дня и три ночи находился в чреве кита (Книга пророка Ионы, II, 1).

220. По изд.: Столица и усадьба. 1915. № 45.

221. Злобин Владимир Ананьевич (1894—1967)

По изд.: Р у с с к а я стихотворная сатира 1908—1917 годов. Л., 1974 (БП, БС)

Гостиный двор — торговая галерея на Невском проспекте.

222, 223. Рейснер Лариса Михайловна (1895—1926)

232. По изд.: Рудин. 1915. № 1.

Анатолийские вазы — вазы, изготовлявшиеся в Анатолии, так древние греки называли Малую Азию.

Канова Антонио (1757—1822) — итальянский скульптор, представитель классицизма.

Камея — драгоценный или полудрагоценный камень с выпуклым изображением.

223. По изд.: Русская стихотворная сатира 1908—1917 годов. Л., 1974 (БП, БС), с исправлением по тексту первой публикации (Рудин. 1916. № 8).

Гунн — эд.: завоеватель, властитель.

Порфира — см. прим. к № 188.

Мономах — Владимир II Мономах (1053—1125), великий князь киевский (с. 1113 г.).

...копыта на уста || *Раздавленному змею!* — имеются в виду детали памятника Медный всадник.

Сальери — герой трагедии А. С. Пушкина «Моцарт и Сальери»; эд.: человек, фиксирующий чужие грехи и промахи.

Божественный Арап — А. С. Пушкин.

...указ, || Тебя ссылавший... — по распоряжению Александра I Пушкин был сослан на юг России, но не на Кавказ, а затем в село Михайловское Псковской губернии.

Бенкендорф — см. прим. к № 37.

Хариты — в греческой мифологии три богини изящества и красоты (Аглая, Евфросина и Талия).

224. Никулин Лев Вениаминович (1891—1967)

По изд.: Н и к у л и н Л. Страдиварий. Киев, 1919.

Застава — в России XVII—XIX вв. ограждения и караул при въезде в город для взимания пошлин, проверки грузов и пассажиров.

Бирон Эрнст Иоганн (1690—1772), граф — фаворит императрицы Анны Ивановны, создатель реакционного режима — бириновщины. После дворцового переворота 1740 г. арестован и сослан. Помилрован и возвращен в Петербург императором Петром III.

Миних Бурхард Кристоф (1683—1767), граф — военный и государственный деятель, с 1721 г. на русской службе, при императрице Анне Ивановне — президент Военной коллегии, в 1742 г. сослан Елизаветой Петровной, возвращен из ссылки Петром III.

Гален Петр Алексеевич (1745—1826), граф — русский военный деятель, генерал от кавалерии, в 1798—1801 гг. петербургский генерал-губернатор, один из организаторов и участников убийства императора Павла I.

225. Рюрик Ивнев (Ковалев Михаил Александрович, 1891—1981)

По изд.: И в н е в Рюрик. Золото смерти. М., 1916

226. Рождественский Всеволод Александрович (1895—1977)

По изд.: Р о ж д е с т в е н с к и й В. Золотое веретено. Пг., 1921

Дворцовый мост — см. прим. к № 165.

227. Набоков Владимир Владимирович (1899—1977)

По изд.: Н а б о к о в В. Стихи. Пг., 1916.

228. Канев (Канторович) Владимир Абрамович (1886—1923)

По изд.: К а н е в В. Стихи. Пг., 1915

229. Пастернак Борис Леонидович (1890—1960)

Кнастер — сорт трубчатого табака.

Прапор — знамя.

Фирн (нем. Firn) — зернистый снег.

230—232. Маяковский Владимир Владимирович (1893—1930)

232. «*Астория*» — гостиница на Исаакиевской площади. На соседней площади, Сенатской (ныне пл. Декабристов), расположен Медный всадник.

Гренадин — прохладительный напиток.

УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ СБОРНИКА*

- Агнивцев Н.** 219, 220
Адамович Г. 202
Аксаков К. 67
Андреевский С. 117, 118
Анненский И. 133
Апухтин А. 96
Ахматова А. 197, 198, 199, 200
Ахшарумов Д. 80
- Баратынский Е.** 24, 25, 26
Бедный Д. 183
Белый А. 154
Бенедиктов В. 53, 54
Бестужев-Марлинский А. 19
Блок А. 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153
Бобров С. 12
Богданович И. 8
Борн И. 13
Бруни Н. 218
Брюсов В. 140, 141, 142, 143, 144, 145
Бунин И. 134, 135
Бунина А. 16
Буренин В. 97
- Вейцберг П.** 84
- Веневитинов Д.** 42
Волошин М. 155, 156
Вяземский П. 28, 29, 30
- Глинка Ф.** 21, 22, 23,
Гнедич Н. 18
Голенищев-Кутузов А. 114
Городецкий С. 172, 173
Горянский В. 169
Григорьев А. 68, 69, 70
Гумилев Н. 194, 195, 196
- Давыдов Д.** 15
Деларю М. 50
Дельвиг А. 26, 27
Державин Г. 9, 10
Дикс Б. 163
Дмитриев М. 71
Добролюбов А. 119, 120
Добролюбов Н. 82
Дрожжин С. 110
- Ершов П.** 49
- Зенкевич М.** 184, 185
Зиновьева-Аннибал Л. 139
Злобин В. 221
Зоргенфрей В. 158

* В указателе даны порядковые номера стихотворений

- Иванов В. 136, 137, 138
 Иванов Г. 203, 204, 205, 206
 Иванов-Классик А. 104
 Ивнев Р. 225
 Измайлов А. 14
- Канев В. 228
 Кантемир А. 1
 Ключников И. 55
 Княжнин В. 175, 176
 Князев В. 170
 Козлов И. 39
 Кондратьев А. 157
 Коневской И. 121, 122, 123
 Коншин Н. 43
 Коринфский А. 132
 Кричевский Ю. 162
 Крюков А. 44
 Кузмин М. 174
 Кузьмина-Каравалева Е. 209
 Курочкин В. 94
 Кусков П. 83
 Кюхельбекер В. 48
- Ладыженский В. 164
 Лермонтов М. 51
 Лившиц Б. 210, 211, 212, 213, 214
 Лозина-Лозинский А. 207
 Лозинский М. 186, 187
- Мандельштам О. 188, 189, 190, 191, 192, 193
 Маяковский В. 230, 231, 232
 Мей Л. 89
 Мерзляков А. 17
 Милонов М. 31
 Милькеев Е. 58
 Минаев Д. 98, 99
 Михайлов М. 90
 Моравская М. 216, 217
 Морозов Н. 106
 Муравьев М. 11
- Набоков В. 227
 Надсон С. 111, 112, 113
 Нарбут В. 201
 Неизвестный автор 107
 Некрасов Н. 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79
 Никулин Л. 224
- Огарев Н. 59, 60, 61
 Одоевский А. 33
- Пальм А. 63
 Парнок С. 215
 Пастернак Б. 229
 Петров В. 4
 Плещеев А. 103
 Подолинский А. 57
 Полежаев А. 40
 Полонский Я. 91, 92, 93
 Потемкин П. 165
 Пушкин А. 34, 35, 36, 37, 38
 Пяст В. 161
- Рейснер Л. 222, 223
 Рождественский В. 226
 Розен Е. 46
 Романовский В. 52
 Рубан В. 6
 Рылеев К. 20
- Северянин И. 177
 Симборский И. 105
 Скалдин А. 181
 Случевский К. 87, 88
 Соловьев С. 159
 Соловьева П. (Allegro) 128, 129
 Сологуб Ф. 124, 125, 126, 127
 Сперанский 86
 Струве М. 208
 Сумароков А. 3
- Третьяковский В. 2
 Тургенев И. 62

Тэффи 171
Тютчев Ф. 64, 65, 66

Фет А. 81
Федоров Б. 56
Фонвизин Д. 7
Фофанов К. 115, 116

Хвостов Д. 32
Хлебников В. 182
Хомяков А. 47

Цензор Д. 178, 179

Черный С. 166, 167, 168
Чулков Г. 160
Чулков М. 5

Шевырев С. 45
Шумахер П. 100, 101

Щепкина-Куперник Т. 130, 131
Щербина Н. 85
Щиглев В. 102

Юнгер В. 180

Языков Н. 41
Якубович П. 108, 109
Яхонтов А. 95

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

На первой стороне переплета

А. П. Остроумова-Лебедева. Исаакиевский собор в туманный день. 1922.

Автолитография из альбома «Петербург».

А. П. Остроумова-Лебедева. Екатерининский канал. 1920.

Гравюра к книге Н. П. Анциферова «Душа Петербурга».

1) *Г. А. Казалов. Проспект вниз по Неве между Зимним дворцом и Академией Художеств. 1753.*

Гравюра по рис. М. И. Махаева.

2) *Е. Е. Лансере. Сенатская площадь. 1904.*

Гравюра.

Фронτισпис на с. 2

И. П. Еляков. Проспект Биржи и Гостиного двора на Васильевском острове. 1753.

Гравюра по рис. М. И. Махасва.

Е. Г. Внуков. Проспект Гос. коллегий и части Гостиного двора. 1753.

Гравюра по рис. М. И. Махасва.

На с. 46

Джакомо Кваренги. Смольный монастырь. 1780.

Акварель, тушь.

На с. 79

Неизвестный художник. Набережная Невы у Летнего сада. Нач. XIX в.

Акварель, тушь.

На с. 116

А. Е. Мартынов. Таврический дворец со стороны сада. 1821—1822.

Литография.

На с. 151

Луи Жан Жакотт. Аничков мост.

Литография по рис. И. Шарлеманя. Сер. XIX в.

На с. 226

Е. Е. Лансере. Никольский рынок. 1901.

Гуашь.

На с. 244, 295

М. В. Добужинский. Иллюстрации к повести Ф. М. Достоевского «Белые ночи».

Изд. «Аквилон» 1922.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>М. В. Отрадин.</i> Петербург в русской поэзии XVIII — начала XX века	5
<i>Анатолий Кантемир</i>	
1. Петрида, или Описание стихотворное смерти Петра Великого, императора всероссийского	35
<i>Василий Тредиаковский</i>	
2. Похвала Ижерской земле и царствующему граду Санкт-Петербургу	36
<i>Александр Сумароков</i>	
3. К домику Петра Великого	38
<i>Василий Петров</i>	
4. Ода на великолепный карусель, представленный в Санкт-Петербурге 1766 года	—
<i>Михаил Чулков</i>	
5. Стихи на качели	39
<i>Василий Рубан</i>	
6. Надпись к Камню-грому, находящемуся в Санкт-Петербурге, в подножии конного вылитого лицеподобия достославного императора Петра Великого	39
<i>Денис Фонвизин</i>	
7. Послание к слугам моим Шувалову, Вапье и Петрушке	42
<i>Ипполит Богданович</i>	
8. «Петром основанный, преславный ныне град...»	43
<i>Гаврила Державин</i>	
9. Видение Мурзы	—
10. Шествие по Волхову российской Амфитриты...	44

<i>Михаил Муравьев</i>		
	11. Богине Невы	47
<i>Семен Бобров</i>		
	12. Торжественный день столетия от основания града св. Петра майя 16 дня 1803	48
<i>Иван Борн</i>		
	13. На случай наводнения 27 сентября 1802 года, в ночи	52
<i>Александр Измайлов</i>		
	14. Таврический сад	53
<i>Денис Давыдов</i>		
	15. Моя песня	54
<i>Анна Бунина</i>		
	16. Майская прогулка болящей	55
<i>Алексей Мерзляков</i>		
	17. К монументу Петра Великого в Петербурге	56
<i>Николай Гнедич</i>		
	18. Рыбаки	
<i>Александр Бестужев-Марлинский</i>		
	19. Подражание первой сатире Буало	57
<i>Кондратий Рылеев</i>		
	20. «Давно мне сердце говорило...»	59
<i>Федор Глинка</i>		
	21. Картины. Пароход. Плавание днем. Черты освещения и праздника. Ночь в каюте и утро на пароходе	60
	22. Песнь узника . . .	61
	23. <Стихи о бывшем Семеновском полку>	62
<i>Евгений Баратынский</i>		
	24. Послание к Б<арону> Дельвигу	63
	25. Пиры . . .	65
<i>Евгений Баратынский, Антон Дельвиг</i>		
	26. «Там, где Семеновский полк, в пятой роте, в домике низком...» .	66
<i>Антон Дельвиг</i>		
	27. К Е<вгепию>	67
<i>Петр Вяземский</i>		
	28. Петербург	
	29. Разговор 7 апреля 1832 года	70
	30. Петербургская ночь	71
<i>Михаил Милонов</i>		
	31. Послание в Вену к друзьям	72

<i>Дмитрий Хвостов</i>	
32. Письмо к NN о наводнении Петрополя, бывшем 1824 года 7 ноября	74
<i>Александр Одоевский</i>	
33. Бал	77
<i>Александр Пушкин</i>	
34. Вольность	80
35. Евгений Онегин	81
36. «Город пышный, город бедный...»	83
37. Медный всадник	—
38. Пир Петра Первого	96
<i>Иван Козлов</i>	
39. К другу В(асилию) А(ндреевичу) Ж(уковскому) по возвращении его из путешествия	97
<i>Александр Полежаев</i>	
40. Сашка	98
<i>Николай Языков</i>	
41. Мой Апокалипсис	102
<i>Дмитрий Веневитинов</i>	
42. К моей богине	—
<i>Николай Коншин</i>	
43. Жалобы на П(етер)бург	104
<i>Александр Крюков</i>	
44. Полпоча в городе	—
<i>Степан Шевырев</i>	
45. Петроград	105
<i>Егор Розен</i>	
46. Пастуший рог в Петербурге	107
<i>Алексей Хомяков</i>	
47. (В альбом С. Н. Карамзиной)	109
<i>Вильгельм Кюхельбекер</i>	
48. Сирота	110
<i>Петр Ершов</i>	
49. Прощание с Петербургом	—
<i>Михаил Деларю</i>	
50. К Неве	113
<i>Михаил Лермонтов</i>	
51. Сказка для детей	—

<i>В. Романовский</i>		
	52. Петербург с Адмиралтейской башни	117
<i>Владимир Бенедиктов</i>		
	53. Заневский край	121
	54. Ночь	123
<i>Иван Ключников</i>		
	55. Медный всадник	124
<i>Борис Федоров</i>		
	56. Утро перед памятником Петра Великого	126
<i>Андрей Подолинский</i>		
	57. Памятник Петру Великому	127
<i>Евгений Милькеев</i>		
	58. Вавилон	128
<i>Николай Огарев</i>		
	59. Юмор	129
	60. Забытые	135
	61. Матвей Радаев	137
<i>Иван Тургенев</i>		
	62. Нева	139
<i>Александр Пальм</i>		
	63. Опустелый дом	141
<i>Федор Тютчев</i>		
	64. «Глядел я, стоя над Невой...»	—
	65. На Неве	—
	66. «Опять стою я над Невой...»	143
<i>Константин Аксаков</i>		
	67. Петру	—
<i>Аполлон Григорьев</i>		
	68. Город («Да, я люблю его, громадный, гордый град»)	146
	69. Город («Великолепный град! Пускай тебя иной»)	147
	70. Прощание с Петербургом	148
<i>Михаил Дмитриев</i>		
	71. Подводный город	—
<i>Николай Некрасов</i>		
	72. Говорун	152
	73. «Вчерашний день, часу в шестом...»	153
	74. «Несчастные»	—
	75. Размышления у парадного подъезда	156
	76. Дружеская переписка Москвы с Петербургом	159

	77. О погоде...	160
	78. Песни о свободном слове	172
	79. Утро	173
<i>Дмитрий Ахшарумов</i>		
	80. «Гора высокая, вершина чуть видна...»	175
<i>Афанасий Фет</i>		
	81. Ответ Тургеневу	176
<i>Николай Добролюбов</i>		
	82. «Тронулся лед — так тихо, стройно...»	177
<i>Платон Кусков</i>		
	83. Петр	—
<i>Петр Вейнберг</i>		
	84. «Печально я брожу по Невскому проспекту...»	178
<i>Николай Щербина</i>		
	85. Перед памятником Петру I-му в Петербурге	179
<i>Сперанский</i>		
	86. Тоска по родине	—
<i>Константин Случевский</i>		
	87. «Ходит ветер избочась...»	180
	88. Утро над Невою	181
<i>Лев Мей</i>		
	89. Дым	182
<i>Михаил Михайлов</i>		
	90. Пятеро	184
<i>Яков Полонский</i>		
	91. Белая ночь	186
	92. Миазм	—
	93. Ночная дума	189
<i>Василий Курочкин</i>		
	94. Письмо об России Фукидзи-Жен-Ициро к другу его Фукуте Чао-Цзе-Цию	190
<i>Александр Яхонтов</i>		
	95. Окно в Европу	193
<i>Алексей Апухтин</i>		
	96. Петербургская ночь	195
<i>Виктор Буренин</i>		
	97. (Гражданская казнь Н. Г. Чернышевского)	201
<i>Дмитрий Минаев</i>		
	98. На улице	198
	99. Гражданин Невского проспекта	—

<i>Петр Шумагер</i>	
100. К памятнику Крылова	201
101. «У Цепного моста...»	—
<i>Владимир Щиглев</i>	
102. В Летнем саду	202
<i>Алексей Плещеев</i>	
103. «Я тихо шел по улице безлюдной...»	—
<i>Алексей Иванов-Классик</i>	
104. «Быстро нагрянет и осень дождливая...»	204
<i>Николай Симборский</i>	
105. Статуя	205
<i>Николай Морозов</i>	
106. В доме предварительного заключения	207
<i>Неизвестный автор</i>	
107. Петербургские мотивы	—
<i>Петр Якубович</i>	
108. Сказочный город	208
109. Свидание	212
<i>Спиридон Дрожжин</i>	
110. В столице	214
<i>Семен Надсон</i>	
111. «Дети столицы, с юных дней...»	215
112. Старый дом	216
113. «Бледнеет летний день... Над пышною Невою...»	217
<i>Арсений Голешицев-Кутузов</i>	
114. Лампада	—
<i>Константин Фофанов</i>	
115. «Столица бредила в чаду своей тоски...»	218
116. На Неве	—
<i>Сергей Андреевский</i>	
117. Петропавловская крепость	219
118. Обручение	220
<i>Александр Добролюбов</i>	
119. Невский при закате солнца	221
120. Литейный вешним утром	222
<i>Иван Коневской</i>	
121. Сверстники	—
122. Осенние голоса	223
123. Ведуны	224

<i>Федор Сологуб</i>		
124. «Вот у витрины показной...» .		224
125. «На гулких улицах столицы...» .		225
126. «Над безумием шумной столицы...»		
127. Искали дочь .		227
<i>Поликсена Соловьева (Allegro)</i>		
128. Петербург («Город туманов и снов»)		228
129. Петербург («Мне снятся жуткие провалы»)		
<i>Татьяна Щепкина-Куперник</i>		
130. Куранты		229
131. Розы		230
<i>Аполлон Коринфский</i>		
132. В тумане		231
<i>Иннокентий Анненский</i>		
133. Петербург		232
<i>Иван Бунин</i>		
134. «Просыпаюсь в полумраке...»		233
135. На Невском		
<i>Вячеслав Иванов</i>		
136. На башне		234
137. Медный всадник		235
138. Сфийаксы над Невой .		236
<i>Лидия Зиновьева-Аннибал</i>		
139. Белая ночь		237
<i>Валерий Брюсов</i>		
140. К Медному всаднику		—
141. Александрийский столп		238
142. Петербург		239
143. <Из книги «Стихи Нелли»> Вечернее катапье		240
144. Три кумира		—
145. К Петрограду		241
<i>Александр Блок</i>		
146. Статуя		242
147. Петр...		243
148. «Вся над городом всемирным...»		245
149. В октябре		—
150. О смерти		246
151. Снежная дева		249
152. Возмездие		251
153. «Петроградское небо мутилось дождем...»		252
<i>Андрей Белый</i>		
154. В альбом В. К. Ивановой		253

<i>Максимилиан Волошин</i>		
155. Предвестия		254
156. Петербург		—
<i>Александр Кондратьев</i>		
157. Белая ночь		255
<i>Вильгельм Зоргенфрей</i>		
158. Декабрь		—
<i>Сергей Соловьев</i>		
159. Петербург		257
<i>Георгий Чулков</i>		
160. Петербургские стихи		258
<i>Владимир Пяст</i>		
161. У Летнего сада		259
<i>Юрий Кричевский</i>		
162. Петербургское		260
<i>Б. Дикс</i>		
163. «Город холодный и скучный...»		—
<i>Владимир Ладыженский</i>		
164. На Невском		261
<i>Петр Потемкин</i>		
165. У дворца		—
<i>Саша Черный</i>		
166. Санкт-Петербург		262
167. Окраина Петербурга		263
168. На Елагином		264
<i>Валентин Горянский</i>		
169. Необычайная история (<i>Орфей на Невском</i>)		265
<i>Василий Князев</i>		
170. <Из цикла «Проклятый город»>		267
<i>Тэффи</i>		
171. Бедный Азра		269
<i>Сергей Городецкий</i>		
172. Петербургские ямбы		270
173. Петроградские виденья		271
<i>Михаил Кузмин</i>		
174. Зимнее солнце		274
<i>Владимир Княжнин</i>		
175. Стихи о Петрограде		—
176. В Петербурге		278

<i>Игорь Северянин</i>	177. На островах . . .	279
<i>Дмитрий Цензор</i>	178. Петербургские сумерки	—
	179. Маленький газетчик	280
<i>Владимир Юнгер</i>	180. <Из цикла «Нежная весна»>	—
<i>Алексей Скалдин</i>	181. Петербург	281
<i>Велимир Хлебников</i>	182. Журавль	282
<i>Демьян Бедный</i>	183. Дом	288
<i>Михаил Зенкевич</i>	184. Танец магнитной иглы	286
	185. День в Петербурге	287
<i>Михаил Лозинский</i>	186. Белая ночь	288
	187. Петербург	—
<i>Осип Мандельштам</i>	188. Петербургские строфы	289
	189. Адмиралтейство	—
	190. «На площадь выбежав, свободен...»	290
	191. Дворцовая площадь	—
	192. «В Петрополе прозрачном мы умрем...»	291
	193. «Мне холодно. Прозрачная весна...»	—
<i>Николай Гумилев</i>	194. Мужик	—
	195. Ледоход .	293
	196. «Перед ночью северной, короткой...»	—
<i>Анна Ахматова</i>	197. Стихи о Петербурге .	294
	198. «Был блаженной моей колыбелью...» .	296
	199. «Ведь где-то есть простая жизнь и свет...»	—
	200. «Как люблю, как любила глядеть я...»	297
<i>Владимир Нарбут</i>	201. Аничков мост	—
<i>Георгий Адамович</i>	202. 1801	298
<i>Георгий Иванов</i>	203. «Поблекшим золотом, холодной синевой...»	299
	204. «Опять на площади Дворцовой...»	—
	205. «Веселый ветер гонит лед...»	300
	206. «Столица спит. Трамваи не звенят...»	301

<i>Алексей Лозина-Лозинский</i>	207. Санкт-Петербург	302
<i>Михаил Струве</i>	208. «Как все дома, вблизи реки широкой...»	306
<i>Елизавета Кузьмина-Караваева</i>	209. «Смотрю на высокие стекла...»	—
<i>Бenedикт Лившиц</i>	210. Фонтанка	307
	211. Казанский собор	308
	212. Летний сад	—
	213. Адмиралтейство	309
	214. Биржа	310
<i>София Парнок</i>	215. Белой ночью	—
<i>Мария Моравская</i>	216. Грузчики	311
	217. Белая ночь	312
<i>Николай Бруни</i>	218. На Неве	313
<i>Николай Агнивцев</i>	219. Петербургские аттракционы. Городовой на перекрестке	—
	220. «Люблю немую грусть осенних бледных дней...»	—
<i>Владимир Злобин</i>	221. «Часы Публичной библиотеки...»	314
<i>Лариса Рейснер</i>	222. Эрмитаж	—
	223. Медному всаднику	315
<i>Лев Никулин</i>	224. Павел Первый	316
<i>Рюрик Ивнев</i>	225. «Я летний день давно не целовал...»	—
<i>Всеволод Рождественский</i>	226. «За мокрыми облаками...»	317
<i>Владимир Набоков</i>	227. «У дворцов Невы я брожу, не рад...»	—
<i>Владимир Канев</i>	228. Тебе, Петербург	318
<i>Борис Пастернак</i>	229. Петербург	318

Владимир Маяковский

230. Кое-что про Петербург	321
231. Человек	322
232. Последняя петербургская сказка	323
Комментарии	326
Указатель авторов сборника	369
Источники иллюстраций	372

ПЕТЕРБУРГ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

В антологию вошли стихотворения и отрывки из поэм А. Сумарокова, Г. Державина, А. Пушкина, Е. Баратынского, Ф. Тютчева, Н. Некрасова, Я. Полонского, А. Фета, А. Апухтина, Ф. Сологуба, В. Брюсова, А. Блока, М. Волошина, А. Ахматовой, Н. Гумилева, О. Мандельштама, В. Хлебникова, Б. Пастернака, И. Северянина, В. Маяковского и целого ряда других русских поэтов. Судьба Петербурга осмыслялась крупнейшими художниками в связи с судьбой страны, с главнейшими социальными вопросами русской жизни. Знакомство с этим поэтическим сборником позволит современному читателю проследить, как развивалась петербургская тема, как менялся образ города в зависимости от «бега времени».